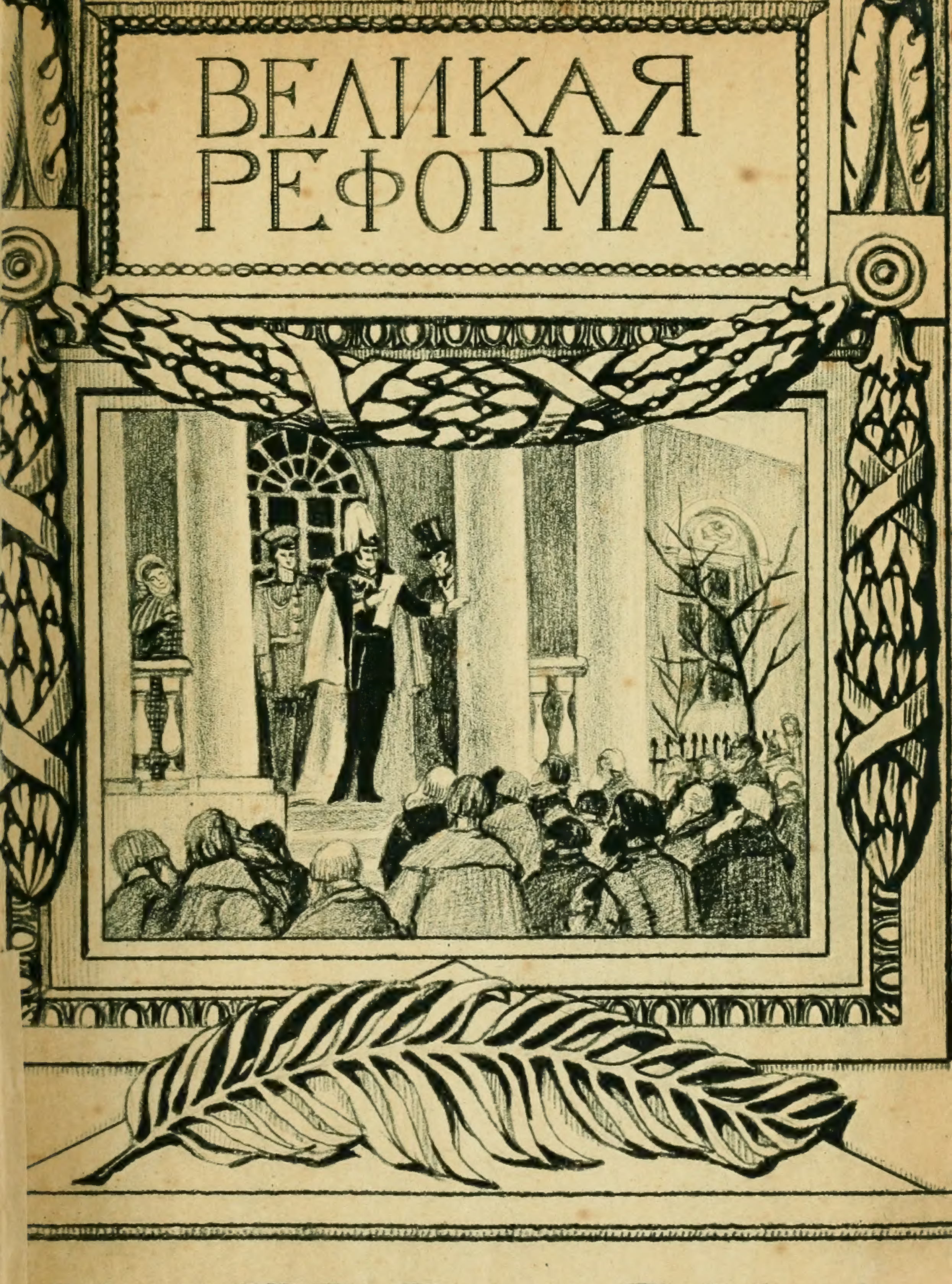
Русская
Быль

Lacking "t-p."
original
of 1861 number.



19 ФЕВРАЛЯ 1861

1861 19 февраля 1911.

ВЕЛИКАЯ

РЕФОРМА.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

А. И. Яковлева, В. И. Семевскаго, В. Я. Уланова,
В. Е. Чешихина-Вѣтринскаго.

Изданіе Т-ва „ОБРАЗОВАНІЕ“.

МОСКВА 1911 г.

Всѣ рисунки исполнены Графическимъ Институтомъ Т-ва «Образованіе» по способу, только ему принадлежащему и впервые въ Россіи имъ введенному,

Фото-Тинто-Гравюрой.

Типографія Русскаго Товарищества. Москва.
Телефонъ 18-35.

Очеркъ исторіи крѣпостного права до половины XVIII вѣка.

Статья прив.-доц. *А. И. Яковлева.*

Крѣпостное право на крестьянъ развилось въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вв. изъ права холопьяго, изъ права на владѣніе рабами, опредѣлившагося у насъ еще въ X и XI вв. Наклонъ къ развитію въ эту сторону холопье право успѣло обнаружиться и въ Кіевской Руси въ XI—XIII в. Къ этой эпохѣ сначала и обратимся.

Преобладаніе земледѣльцевъ въ составѣ общества Кіевской Руси несомнѣнно, но характеризовать положеніе этого населенія очень трудно. Свѣтъ, бросаемый памятниками на «смердовъ» и «людей» Кіевской Руси, этихъ крестьянъ X—XIII вв., позволяетъ различать лишь очень тусклыя очертанія. Наши памятники XI—XIII вв. гораздо болѣе вниманія удѣляютъ несвободнымъ состояніямъ, холопамъ, закупамъ, наймитамъ, чѣмъ свободнымъ земледѣльцамъ.

Слѣды рабства замѣтны у славянъ еще въ VI вѣкѣ. Долгое время рабство носитъ механическій характеръ; рабы пріобрѣтаются путемъ вооруженнаго захвата и сбываются на внѣшнемъ рынкѣ, какъ предметъ, безполезный въ домашнемъ быту. По извѣстіямъ арабовъ и византійцевъ, длинной цѣпью тянущимся отъ VIII до XI вв., мы можемъ прослѣдить, какъ рабовладѣніе постепенно перерождается и дѣлается предметомъ домашняго спроса и потребленія, срастается съ русской жизнью, дѣлается ея органическимъ элементомъ.

Русь IX—X вв. на востокѣ, югѣ и юго-западѣ приходила въ соприкосновеніе съ народами, у которыхъ рабовладѣніе было вполнѣ сложившимся порядкомъ. Днѣпровскіе славяне сначала были предметомъ военной добычи и рабовладѣльческаго торга, потомъ сами вступаютъ въ этотъ торгъ. Затѣмъ они научаются эксплоатировать раба и въ хозяйствѣ. Воспитательное значеніе византійскихъ примѣровъ въ этомъ отношеніи — несомнѣнно. Начальная лѣтопись застаетъ рабовладѣніе уже въ полномъ ходу. Договоры съ греками (911 и 945 гг.) и замѣтки лѣтописи, относящіяся къ серединѣ и концу X вѣка, рисуютъ намъ картину общества, въ которомъ рабовладѣніе упрочилось.

Русская Правда древнѣйшей редакціи (середины XI в.) дополняетъ картину. Рабовладѣніе сдѣлалось такимъ жизненнымъ дѣломъ, что въ

этомъ краткомъ и лаконическомъ кодексѣ ему отводится главное мѣсто. Позднѣйшія редакціи Правды изображаютъ дальнѣйшій ростъ рабства «внутрь» русскаго общества. Рабовладѣніе пріобрѣтаетъ наступательный, боевой характеръ.

Особенно характеренъ маленькій сросшійся кодексъ нормъ, касающихся полусвободнаго состоянія «ролейнаго закупа», въ которое попадалъ человѣкъ, за ссуду вступившій на службу въ чужое хозяйство. Ролейный закупъ очень напоминаетъ намъ позднѣйшаго крѣпостного. Правда устанавливаетъ положеніе закупа въ хозяйствѣ господина, опредѣляетъ порядокъ его отвѣтственности за порчу хозяйскаго имущества. Закупъ—полурабъ: одинъ неосторожный шагъ, истолкованный, какъ уклоненіе отъ обязанности служить господину, обращаетъ его въ рабство. Рабство является вполнѣ органическимъ продуктомъ жизни: оно надвигается на земледѣльца, какъ клещами тянетъ его въ кругъ зависимыхъ отношеній, манитъ ссудой и хлѣбомъ, чтобы взять за горло при первой неосторожности и сдѣлать изъ него крѣпостного раба.

Все это происходитъ на незначительной по пространству территоріи Кіевской Руси, и нормы права разсчитаны на одинъ городъ, одну область. Въ тѣхъ болѣе сложныхъ случаяхъ, когда отношенія, вытекающія изъ рабовладѣнія, распространяются на сосѣднюю область, когда приходится искать своего холопа въ чужомъ городѣ, Правда затрудняется и плохо соображаетъ, какъ тутъ быть. Земледѣлецъ отвѣчаетъ отпоромъ, сопротивленіемъ, борьбой. Статьи Правды о холопствѣ и процентной ссудѣ перемѣшаны со статьями о поджогахъ, потравахъ, порчѣ скота и другихъ преступленіяхъ противъ владѣльческаго «плантаціоннаго» хозяйства. Отношенія обострились настолько, что неповоротливый законъ этой эпохи вынужденъ взяться за регулированіе отношеній, защищать свободу земледѣльцевъ. Это показываетъ, что отношенія сдѣлались очень острыми и безпокойными. Такъ, напримѣръ, законъ, вообще очень немилостивый къ должнику, позволяетъ, однако, закупу искать защиты въ княжескомъ судѣ и оберегаетъ человѣка отъ порабощенія за хлѣбъ, выданный на прокормъ. Здѣсь завязь крѣпостного права: схема была готова, она начинаетъ пополняться, деньги энергично и искусно берутъ въ руки и порабощаютъ земледѣльца. Но въ Кіевской Руси нѣтъ крѣпкой государственной власти, нѣтъ рѣзко очерченныхъ государственныхъ границъ, нѣтъ организованнаго землевладѣльческаго сословія, и, избѣгая разставленныхъ по сторонѣ рабовладѣльческихъ тенетъ, населеніе отступаетъ на западъ, на сѣверъ и сѣверо-востокъ—въ Русь Псковскую, Новгородскую и Суздальскую. Если мы возьмемъ позднѣйшую редакцію Правды (XIV вѣка), мы увидимъ, какъ она въ этомъ отношеніи обезцвѣчена: статьи о закупахъ, этомъ этапѣ между положеніемъ свободнаго и хо-

лопа, исчезаютъ совершенно, да и другія статьи, касающіяся полнаго холопства, вянутъ, выцвѣтаютъ, стираются. Чувствуется, что вопросъ о закрѣпощеніи потерялъ свой животрепещущій, жгучій характеръ, простылъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ погасъ и интересъ къ нему кодификатора. Широкій рабовладѣльческій размахъ кончился неудачей. Завязь крѣпостного права, здѣсь обнаружившаяся, вполнѣ развернется только на три столѣтія позднѣе.

Только со временъ Куликовской битвы устанавливается терминъ «крестьяне» (изъ «христіане») и появляются, все умножаясь, документы, прямо или косвенно рисующіе ихъ положеніе. Княжеская власть начинаетъ замѣчать крестьянина, слѣдить за нимъ, но она еще недостаточно сильна для того, чтобы систематически направлять и регулировать эти отношенія. Разсмотримъ характерныя черты положенія крестьянъ, какъ оно вскрывается изъ разбросанныхъ и блѣдныхъ памятниковъ.

Самый терминъ «крестьянинъ» первоначально прилагается безъ различія къ жителямъ деревни, села или посада.

Крестьяне-земледѣльцы XV вѣка были свободными хлѣбопашцами на чужой,—княжеской, боярской или духовной землѣ. Крестьянинъ не имѣетъ права собственности на землю, но право владѣнія, ему принадлежащее, очень широко. Памятники прямо говорятъ о землѣ, которою крестьяне распоряжались, какъ собственною. Въ одномъ судебномъ дѣлѣ 60-хъ годовъ XV вѣка они говорятъ: «мы ту землю оремъ и сѣемъ и въ наемъ отдаемъ». Крестьяне, сидѣвшіе на чужой частновладѣльческой землѣ, могли владѣть ею цѣлыми десятками лѣтъ, лѣтъ по 50, по 80, уплачивая за нее по условію ея плодами или деньгами и отвѣчая лично передъ княжеской властью въ уплатѣ съ нея тягла.

Отношенія крестьянъ къ владѣльцу представляются намъ очень пестрыми. Селясь на землѣ пустой, которую онъ самъ приводитъ въ культурное состояніе, крестьянинъ является полнымъ распорядителемъ-хозяиномъ своего участка, — могъ его продать, подарить, завѣщать, отдать внаймы, поселить на немъ другихъ крестьянъ. Поселяясь на участкѣ, уже разработанномъ, крестьянинъ вступаетъ въ большую зависимость, но и поселеніе на такомъ участкѣ еще не прикрѣпляло его къ владѣльцу.

Иначе складывались отношенія, если крестьянинъ бралъ у землевладѣльца ссуду «на сѣмены и ѣмены». Землевладѣлецъ дѣлался тогда для него кредиторомъ. Крестьянинъ сидѣлъ «въ серебрѣ», и такіе крестьяне назывались «серебрениками». Они замѣтны еще въ XIV вѣкѣ. Монастырскія граматы возлагаютъ на такихъ должниковъ длинный рядъ обязанностей: такъ, одна грамата XIV вѣка приказываетъ имъ: «церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставить, игу-

меновъ жеребей весь орать и сѣяти, и пожать, и свезти, сѣно косити десятинами и въ дворъ въвезти» и пр.—словомъ, крестьяне въ этихъ условіяхъ превращаются какъ бы въ позднѣйшихъ крѣпостныхъ, отбывающихъ барщину.

Крестьяне образуютъ, повидимому, и на черныхъ и на владѣльческихъ земляхъ общины, признаваемыя князьями.

Крестьяне разныхъ владѣльцевъ тянутъ сообща въ волостные разрубы. Общинный бытъ, право представительства выборныхъ лицъ за общину, рельефно выступаетъ на черныхъ княжескихъ земляхъ. Такія общины сами заселяютъ свои земли, расплачиваются за долги новыхъ поселенцевъ, переводя ихъ къ себѣ, ведутъ судебныя тяжбы, слѣдятъ за полицейскими порядками, участвуютъ въ судѣ княжескихъ намѣстниковъ.

Правительство XIV—XV в.в. интересуется крестьянами больше съ податной точки зрѣнія. Крестьяне, живущіе на черныхъ земляхъ, уплачивали свои повинности непосредственно въ руки княжеской администраціи, крестьяне, живущіе на владѣльческой землѣ, платили иногда черезъ посредство землевладѣльцевъ. Крестьяне могли мѣнять мѣстожительство, переходить изъ одного владѣнія въ другое.

Въ междукняжескихъ договорахъ оговаривается право крестьянскаго перехода: «А межъ насъ людемъ и гостемъ путь чистъ, безъ рубежа». «А хрестіаномъ межъ насъ вольнымъ воля» и т. д. Но уже въ XIV в. замѣтны нѣкоторыя ограниченія. Такъ, князья уговариваются другъ съ другомъ: «а которыхъ слуги потягли къ дворьскому, а черные люди къ сотникомъ, тѣхъ ны не приимати». Это ограниченіе перехода для черныхъ людей объясняется стремленіемъ не выпускать тяглецовъ, за которыхъ приходилось вносить татарамъ дань. Эти «черные люди» называются въ другихъ случаяхъ «численными», и «вытными» и «письменными». Изъ того же соображенія вытекало и запрещеніе принимать «численныхъ людей» съ тяглыхъ участковъ на льготные участки свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ. Другія ограниченія вытекали изъ бытовыхъ условій перехода и оформливались законодательствомъ позднѣе. Стѣсненъ былъ самый моментъ поселенія: пришлецъ не могъ поселиться на землѣ помимо землевладѣльца или крестьянской общины, владѣвшихъ этой землей.

Третье ограниченіе касается самаго срока перехода. Съ половины XV вѣка становится замѣтнымъ стремленіе пріурочить моментъ перехода, ранѣе происходившаго «межень лѣта и всегды» ко времени окончанія полевыхъ работъ—Юрьеву дню осеннему. Первоначально эти распоряженія у великихъ и удѣльныхъ князей имѣютъ частный и мѣстный характеръ, но уже къ концу XV вѣка превращаются въ общее правило, вошедшее и въ Судебникъ.

«И тѣхъ ихъ людей манастырьскихъ всѣхъ и серебрениковъ, мои намѣстницы и волостели и посельскіе и слободщики и всякой кто ни

буди, отказываютъ у нихъ людей о Юрьевѣ дни о осеннемъ, да послѣ Юрьева дни недѣлю, а болѣ того, до Юрьева дни и по Юрьевѣ дни, не отказываютъ манастырскихъ людей», пишетъ Вел. Кн. Василій Васильевичъ около 1450 г. въ граматѣ, выданной Кириллову монастырю. Смыслъ этой мѣры—упорядочить переходъ крестьянъ и производство разсчетовъ, сопряженныхъ съ такими переходами.

Такими нѣсколько неопредѣленными чертами рисуется намъ положеніе крестьянъ на Руси въ XIV и XV в. в. Въ этой характеристикѣ совмѣщаются разныя черты: черты вольности и свободы и зародыши будущей неволи, закрѣпощенія.

Первые опыты кодификаціи московскаго права, Судебники 1497 и 1550 года, удѣляютъ крестьянамъ очень мало вниманія. Какихъ-нибудь семь строкъ перваго Судебника опредѣляютъ, какъ срокъ перехода, Юрьевъ день осенній, плату за прожитіе во дворѣ, принадлежавшемъ господину, «въ полѣхъ за дворъ рубль (рублей 50—60 на наши деньги), а въ лѣсѣхъ полтина» за четыре года. Судебникъ 1550 года дѣлаетъ нѣкоторыя разъясненія относительно порядка перехода, отдѣляетъ обязанности крестьянина по государственному тяглу отъ обязанностей по отношенію къ землевладѣльцу и устанавливаетъ пошлину на переходъ. Въ немъ есть одна важная прибавка, смыкающая положеніе крестьянина съ положеніемъ хорошо извѣстнаго русскому праву съ давнихъ временъ холопства. «А который крестьянинъ съ пашни продастся кому въ полную въ холопи, и онъ выйдетъ безсрочно жъ, и пожилого съ него нѣтъ, и который хлѣбъ его останется въ земли, и онъ съ того хлѣба подать цареву и великаго князя платитъ; а не похочетъ платить, и онъ своего хлѣба земляного лишенъ».

Такими скудными опредѣленіями ограничивалось московское законодательство XVI в. въ важнѣйшемъ вопросѣ нашей внутренней исторіи, скупясь потратить на освѣщеніе его болѣе полутора десятковъ строкъ. Это указываетъ на то, что отношенія между землевладѣльцами и крестьянами продолжали складываться внѣ поля вниманія московскаго правительства, являясь отношеніями частно-правовыми.

Изслѣдователи любили изображать «канунъ» прикрѣпленія, XVI в., какъ эпоху крестьянской свободы и независимости. Дѣйствительно, власть санкціонируетъ участіе крестьянской общины въ мѣстномъ управленіи и судѣ; выборныя власти ея получаютъ значеніе правительственныхъ органовъ. Община смыкается иногда въ значительные союзы (Важская грамата), ведущіе самостоятельно дѣло раскладки податей и повинностей. Черные крестьяне при этомъ не отличаются отъ крестьнъ владѣльческихъ. Не отличаются отъ другихъ сословій крестьяне и выступая въ судѣ въ качествѣ истцовъ, отвѣтчиковъ или свидѣтелей.

Таковы положительныя черты, но параллельно имъ, все разрастаясь, развиваются черты отрицательныя: наряду съ крестьянами

дворо- и домохозяевами, счетными тяглыми единицами, появляются крестьяне-бобыли, число которыхъ быстро возрастаетъ, казаки-работники, подсосѣдники, захребетники. Картина становится пестрѣе: рядомъ съ экономическими прочными хозяйствами вырастаютъ мелкія, слабыя, ломкія. Обостряются и различія между отдѣльными полосами мѣстностей: въ однѣхъ крестьянская жизнь развивается и крѣпнетъ (къ сѣверу отъ столицы за водораздѣломъ), въ другихъ (въ центрѣ и къ югу отъ столицы, въ мѣстахъ скопленія служилаго люда) она блекнетъ и никнетъ. Прикрѣпленіе мы встрѣчаемъ и въ черныхъ сѣверныхъ волостяхъ, но тамъ оно выражается въ прикрѣпленіи къ тяглу, за чѣмъ строго слѣдятъ сами крестьянскія общины, требуя отъ уходящаго крестьянина замѣны себя другимъ тяглецомъ. Въ центрѣ и на югѣ крестьянина-домохозяина старается прикрѣпить владѣлецъ къ своему хозяйству; крестьянская мелкота, всѣ эти бобыли, захребетники, подсосѣдники, «отъ отцовъ дѣти, отъ братьи братья и отъ дядь племянники», по выраженію одной изъ граматъ, перемѣщаются, бредутъ, порядаются во крестьянство или бьютъ челомъ въ холопство,—случай, вѣроятно, наиболѣе частый, судя по усилившемуся вниманію законодательства къ холопству и по пышному разрастанію новыхъ холопьихъ нормъ разныхъ типовъ. Рядомъ съ этими безпомощными элементами въ XVI в. еще несомнѣнно сохраняются и крѣпкія крестьянскія хозяйства, представители которыхъ имѣли экономическую и юридическую возможность уйти отъ своихъ землевладѣльцевъ, разсчитавшись съ ними исправно и соблюдя законныя формы.

Съ половины XVI вѣка начинаютъ умножаться документы, и мы получаемъ возможность слѣдить далѣе за судьбами закрѣпощаемаго крестьянства съ большой отчетливостью. Середина XVI вѣка отмѣчена въ нашей исторіи, какъ моментъ подведенія крупныхъ итоговъ въ государственной и общественной жизни. Съ половины XVI в. начинаются тѣ крупныя войны, которыя держатъ населеніе въ состояніи нервнаго, физическаго и финансоваго напряженія съ рѣдкими перерывами до самаго конца Великой Сѣверной войны въ XVIII вѣкѣ.

Крупнѣйшій фактъ внутренней исторіи этого момента—организація служилаго класса: установленіе служилой іерархіи, массовыя помѣщенія служилыхъ людей, созывъ земскихъ соборовъ и т. д.

Среди этого судорожнаго военнаго напряженія, подъ шумъ сраженій и осадъ, побѣдъ и пораженій все глубже развивается крѣпостное право, и все крѣпче вцѣпляется въ крестьянина владѣльческая, хозяйская рука.

Переломъ, создавшій крѣпостное право, въ существенныхъ чертахъ сложился втеченіе жизни одного поколѣнія, съ третьей четверти XVI вѣка до половины XVII вѣка. Какъ это произошло? Историки потратили много труда и наблюдательности, чтобы уловить

этотъ процессъ, шедшій очень неравномѣрнымъ темпомъ и выражавшійся въ противорѣчивыхъ фактахъ.

По самому характеру географическихъ и бытовыхъ условій крестьянскій переходъ былъ для крестьянина всегда труднымъ, хлопотливымъ и рискованнымъ. Къ этимъ трудностямъ надо прибавить и трудности юридическія. При поселеніи крестьянина на новомъ участкѣ мѣстные крестьяне обычно «ручали» за новаго поселенца въ томъ, что онъ будетъ «земля пахати и дворъ строити, новые хоромы ставити и старые починивати, а не сбѣжати». Ручательство выражалось иногда въ крупной суммѣ, рубляхъ въ 100 по тогдашнему, слѣдовательно, въ 4—5 тысячахъ рубляхъ по современному счету. На этотъ рискъ крестьяне-поручители шли потому, что въ ихъ интересахъ было привлеченіе въ свою среду новаго участника государственнаго тягла, не увеличивавшагося сейчасъ же послѣ появленія новаго плательщика.

Повинности крестьянина состояли въ оброкѣ хлѣбномъ или денежномъ или барщинѣ, «издѣльѣ», «боярскомъ дѣлѣ», по тогдашнему. Обыкновенно, впрочемъ, то и другое соединялось, и повинности имѣли смѣшанный характеръ. Двойственность повинностей изслѣдователи объясняютъ тѣмъ, что оброкъ крестьянинъ платилъ за право обрабатывать на себя чужую землю, а «издѣлье» онъ обрабатывалъ вмѣсто платежа процентовъ «по ссудѣ» или «подмогѣ», взятой имъ у хозяина того участка, на которомъ онъ поселился. Крестьяне не были «сословіемъ, т. е. не представляли собою состоянія, всѣ отдѣльные члены котораго были связаны одинаковыми правами и обязанностями, съ которыми бы они не могли разстаться. Вольный человѣкъ становился крестьяниномъ съ той минуты, какъ «наставлялъ соху» на тягломъ участкѣ, и переставалъ быть крестьяниномъ, какъ скоро бросалъ хлѣбопашество и принимался за другое занятіе.

Связь между государствомъ и крестьяниномъ, устанавливавшуюся на основаніи приложенія его труда къ данному участку, законъ отдѣлялъ отъ его отношеній къ землевладѣльцу. Крестьянинъ, ушедшій со своего участка въ законный срокъ осенью, но успѣвшій посѣяться озимымъ хлѣбомъ, платилъ налогъ на этотъ хлѣбъ и по своемъ уходѣ,—его тяглыя обязанности по этому участку прекращались лишь по снятіи имъ хлѣба ближайшимъ лѣтомъ.

Поселяясь на новомъ мѣстѣ, крестьянинъ обычно не могъ обосноваться безъ помощи землевладѣльца. Чтобы вести свое хозяйство, нужны были инвентарь и оборотный капиталъ. Поэтому крестьяне, поряжаясь жить за кѣмъ-нибудь, получали отъ землевладѣльца *подмогу* или *ссуду*. Иногда *подмога* отличается отъ *ссуды*, но чаще оба понятія употребляются безразлично. Подмога въ тѣхъ случаяхъ, когда можно установить различіе, отличается отъ ссуды тѣмъ, что не подлежитъ возвращенію, потому, вѣроятно, что она вкладывается въ

землю, т. е. имущество того же землевладѣльца. Такъ какъ ссуда соединена была съ обязательствомъ крестьянина работать для уплаты за нее процентовъ, она называлась «серебромъ издѣльнымъ». (Деньги, выданныя подъ условіемъ уплаты за нихъ процентовъ деньгами же, носили на языкѣ XVI в. названіе «серебра ростоваго»). При посадкѣ на пустой участокъ крестьянинъ получалъ на большій или меньшій срокъ льготу, свободу отъ государственнаго тягла и отъ уплаты оброка владѣльцу. Изъ вотчинныхъ книгъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря мы видимъ, что въ долговыхъ обязательствахъ по отношенію къ монастырю-землевладѣльцу находилась большая половина крестьянъ. Не всѣ крестьяне сдѣлали этотъ долгъ сами, ко многимъ онъ переходилъ по наслѣдству, при чемъ проценты включались въ составъ крестьянскаго ежегоднаго оброка или, будучи просрочены, присчитывались къ капитальному долгу.

Если сосчитать все, что уплачивалъ крестьянинъ землевладѣльцу, то по разнымъ мѣстностямъ получатся очень пестрые итоги. Въ зависимости отъ неуловимыхъ для насъ обстоятельствъ платежи колебались. Иногда они превосходили теперешнія арендныя цѣны на землю тѣхъ же мѣстностей, иногда падали сравнительно съ ними.

Итакъ, крестьянинъ конца XVI вѣка обыкновенно былъ должникомъ своего господина-землевладѣльца, боярина, монастыря или мелкаго служилаго человѣка. Связанный по рукамъ и ногамъ долгомъ и процентами, работавшій на чужой землѣ и чужимъ капиталомъ крестьянинъ мало дорожилъ своимъ слабымъ непрочнымъ хозяйствомъ, но не имѣлъ возможности легко разстаться съ владѣльцемъ и участкомъ, на которомъ жилъ.

Въ крестьянской, обычно многолюдной семьѣ былъ избытокъ физическихъ силъ, но силы ея не могли устроиться самостоятельными хозяйствами. Эта масса слабыхъ неустойчивыхъ хозяйствъ и хозяевъ была легко втягиваема въ тѣ отношенія къ владѣльцамъ, которыя и характеризуются терминомъ «крѣпостное право».

Для изображенія постепеннаго угасанія и замиранія выхода крестьянъ обычно приводятъ заимствованный изъ Тверскихъ писцовыхъ книгъ характерный примѣръ владѣній кн. Симеона Бекбулатовича. Всякій вышедшій крестьянинъ обозначается, какъ «выбѣжавшій», если онъ вышелъ безъ соблюденія условій отказа, хотя бы мѣсто его новаго поселенія было извѣстно. Изъ 2217 крестьянъ въ теченіе 5 лѣтъ ушло 305 человѣкъ. Изъ этихъ 305 человѣкъ только 53 могли «выдти» самостоятельно, т. е. разсчитаться; 65 человѣкъ «выбѣжали», 188 человѣкъ были «вывезены» другими владѣльцами. Вмѣсто этихъ 305 ушедшихъ крестьянъ 27 человѣкъ порядилось вновь. Такимъ образомъ, право «выхода» фактически превратилось въ право «вывоза», при чемъ мелкіе, но энергичные владѣльцы успѣшно конкурировали съ крупными хозяйствами.

Съ половины XVI вѣка передвиженіе населенія очень усиливается, принимаетъ неизвѣстные дотолѣ размѣры. За 8 лѣтъ (1566-1574) въ Муромѣ на посадѣ изъ 587 дворовъ осталось только 111. Въ селѣ Троицкомъ Звенигородскаго уѣзда въ 1559 году было: 1 село, 36 деревень, пашни добрыя 329 четей, среднія 1607 чет., а по переписи 1593 г. въ томъ же селѣ оказалось: 1 село, 7 дер. съ людьми, до 29 пустыхъ деревень, пашни доброй 62 чет., средн. 122, перелогу 154 чет., лѣсомъ поросло 1698 чет.

Писцовыя книги наглядно рисуютъ стремительное ажіотажное запустѣніе, бѣгство населенія со старыхъ мѣстъ на южный черноземъ, открывшійся послѣ завоеванія татарскихъ царствъ въ Поволжьѣ. Подъ вліяніемъ этого повальнаго бѣгства населенія обозначается дифференціація крестьянъ на *старожильцевъ* и *приходцевъ*. Понятіе *старожильца* было менѣе опредѣленнымъ, чѣмъ понятіе *приходца*, пришлаго новаго поселенца. Практика и законъ долго хлопотали съ нимъ, прежде чѣмъ оно пріобрѣло хотя нѣкоторую законченность. Слѣды признанія этого понятія со стороны власти относятся еще къ XV вѣку. Первоначально оно прилагалось не къ владѣльческимъ, а чернымъ землямъ и имѣло смыслъ прикрѣпленія къ тяглу постоянныхъ осѣдлыхъ жителей, въ видахъ обезпеченія исправнаго поступленія платежей. Правительство и крестьянскія общины въ этомъ случаѣ легко понимаютъ другъ друга.

По граматамъ В. кн. Василія Васильевича, выданнымъ въ 1455—62 г. г. Троице-Сергіеву монастырю (относительно Углицкихъ и Бѣжецкихъ селъ монастыря) крестьянъ старожильцевъ не велѣно выпускать: «котораго ихъ хрестьянинъ изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а ихъ старожильца, и язъ Князь Велики тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣно выпущати ни къ кому». Одинокія запрещенія этого типа встрѣчаются неоднократно и въ XVI вѣкѣ. Подобныя распоряженія распространяются и на посадское поселеніе и на волостныхъ крестьянъ. (Важская грамата). Этими отдѣльными мѣрами постепенно была подготовлена и оформлена мысль о прикрѣпленіи на черной землѣ крестьянина къ тяглу. Прикрѣпленіе къ тяглу и есть первоначальная форма прикрѣпленія старожильца.

Прикрѣпленія «по старинѣ» не отличались вначалѣ особой строгостью и ограничивались обязательствомъ поставить на тяглой участокъ взамѣнъ себя новаго тяглеца. Терминъ «старожилецъ» характеризуетъ это туманное бродившее право, осаждавшееся въ глухихъ и неопредѣленныхъ терминахъ. Крестьяне неожиданно начинаютъ платиться какъ бы за свою осѣдлость и хозяйственность. «Старина» была очень пестрой, и крестьяне и владѣльцы и правительство путались въ ней. Безформенность этого понятія доставляла много затрудненій при приложеніи его на практикѣ, нуженъ былъ какой-нибудь

объективный критерій, и практика начинаетъ искать его въ письменныхъ документахъ, особенно въ писцовыхъ книгахъ. Срокъ старожильства остается неопредѣленнымъ: «застарѣть» на участкѣ можно было въ любой промежутокъ времени. Но, несмотря на всю свою неопредѣленность, понятіе это такъ живуче, что мы встрѣчаемъ его даже послѣ Уложенія, когда законодательное прикрѣпленіе должно было сдѣлать его ненужнымъ.

Это было какъ бы «самопроизвольное зарожденіе» новой правовой нормы, для насъ малопонятной. Впрочемъ, переходъ въ мышленіи отъ констатированія привычности извѣстнаго явленія, его нужности, выгодности или удобства, къ заключенію о его необходимости и обязательности мы встрѣчаемъ довольно часто.

Можно различать четыре типичныхъ случая, когда примѣнялось это понятіе. «Застарѣть» можно было: 1) по писцовымъ книгамъ, 2) по факту рожденія на извѣстномъ участкѣ, 3) по особой сдѣлкѣ съ землевладѣльцемъ, 4) наконецъ, по факту болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія пришлаго лица на данномъ участкѣ.

Крестьянинъ-пришлецъ, «новопорядчикъ»,—явленіе болѣе типичное для южныхъ и юго-восточныхъ уѣздовъ, для владѣльческаго хозяйства. Его крѣпила порядная, особый договоръ съ владѣльцемъ, явленный узаконеннымъ порядкомъ. Порядныхъ, которыя характеризовали бы намъ ходъ прикрѣпленія въ этомъ «боевомъ», съ точки зрѣнія развитія крѣпостного права, районѣ, у насъ почти нѣтъ. Отъ XVI вѣка сохранилось вообще немного порядныхъ, да и тѣ относятся къ сѣверу, но порядныя составляются на всемъ протяженіи XVII вѣка. Порялись: 1) вольные люди, 2) дѣти и родственники тяглыхъ людей, 3) бѣглые крестьяне, 4) выходцы изъ-за рубежа. Чаще всего крѣпостной документъ не занимается вопросомъ о происхожденіи даннаго лица и только констатируетъ фактъ поряда. Порядная, документъ менѣе авторитетный, чѣмъ «старина», и при столкновеніи уступаетъ ей. Порядаясь «во крестьяне», пришлецъ обычно бралъ ссуду у землевладѣльца, — насколько тѣсно порядъ былъ связанъ съ ссудой, видно изъ того, что самый терминъ «порядная» втеченіе XVII вѣка постоянно вытѣсняется терминомъ «ссудная запись». При внимательномъ сравненіи порядныхъ XVI в. и XVII в. между ними замѣчается одна знаменательная разница, указывающая на ходъ прикрѣпленія. Уже въ первой четверти XVII вѣка въ порядныя начинаетъ включаться оговорка: «изъ-за монастыря не сбѣжати», «за волость не выйти», «на сторону инуды никуды не рядитца». Со второй четверти XVII вѣка эта прибавка становится категоричнѣе, развивается далѣе. Въ порядныя, какъ правило, начинаютъ включаться прибавки: «и впредь мнѣ безъ выходу жити», «и впредь таки я государю своему во крестьянствѣ крѣпокъ», или «проченъ» съ подчеркиваніемъ «безвыходно», «а крестьянство и

впредь крестьянствомъ». Нѣкоторыя записи включаютъ и дополненія въ родѣ слѣдующаго: «а гдѣ насъ помѣщикъ Петръ Татьянинъ съ сею жилецкою записью сыщетъ, а мы по ней во крестьянствѣ за Петра крѣпки во всякомъ государевѣ судѣ, гдѣ сю запись Петръ на насъ положитъ» или «гдѣ ся запись на меня подрядчика съ дѣтьми въ судѣ ни ляжетъ тутъ по ней судъ безъотнимочно».

Порядная растягивается все шире и крѣпитъ не только рядящихся, но и его семью, его жену и дѣтей, иногда даже не настоящихъ, а будущихъ. Одинъ крестьянинъ, рядившійся въ 1686 году за Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, обязался: «жить мнѣ Ивашку въ крестьянѣхъ Кириллова монастыря въ вотчинѣ вѣчно, и, живучи мнѣ, Ивану, и какъ женюсь и по женидбѣ Богъ дастъ мнѣ дѣтей и съ женою и съ дѣтьми... пашня пахать и сѣно косить и хлѣбъ сѣять» и т. д.

Въ атмосферѣ долговыхъ отношеній по ссудамъ, выраженныхъ въ ссудныхъ порядныхъ и поручныхъ записяхъ, при благожелательномъ отношеніи закона къ кредитору и суровомъ отношеніи къ должнику, при поддержкѣ закономъ начала старины изъ податныхъ соображеній для обезпеченія исправности сельскаго населенія въ отбываніи тягла, и сложилась юридическая схема, получившая названіе «крѣпостного права». Но какъ ни запутаны были отношенія владѣльцевъ и крѣпостныхъ, все же *прáва* на крестьянскую личность изъ нихъ не вытекало. Какъ же развивалась, сложилась и оформилась идея этого *права*?

Отъ задолженности крестьянина еще большое разстояніе до признанія его потомственнымъ и наслѣдственнымъ крѣпостнымъ землевладѣльца-кредитора. Разстояніе это было пройдено благодаря содѣйствію разныхъ видовъ холопства. Возлѣ господскаго двора или рядомъ съ крестьянскими дворами появились дворы холоповъ. Холопство обельное, т. е. полное и безусловное, которое только одно и было извѣстно древне-русскому праву, нельзя было смѣшать съ зависимостью крестьянина, но въ XV вѣкѣ въ Московскомъ государствѣ наряду съ полнымъ холопствомъ появляются другіе виды холопства: закладничество и служилое холопство, холопство «по кабалѣ за ростъ служити». Закладникъ-должникъ отрабатывалъ свой долгъ и проценты по нему въ хозяйствѣ господина. Должникъ по служилой кабалѣ въ томъ же господскомъ хозяйствѣ отрабатывалъ только проценты по занятому долгу.

Изъ этого послѣдняго вида зависимости выработалась новая форма холопства—холопство кабальное. Кабальный холопъ-должникъ своего господина, за долгъ служитъ ему, но служитъ ему только до его смерти; продать такого холопа господинъ не можетъ; кабальный холопъ сохраняетъ и право на свое имущество. Въ кабальномъ холопствѣ работа кабальнаго погашаетъ и самый долгъ, но кабальный холопъ отказывается отъ права порвать долговыя отношенія уплатой своего долга.

Появленіе всѣхъ этихъ разновидностей холопства характеризуетъ то наступленіе, которое повелъ въ разныхъ направленіяхъ капиталъ на трудъ, порабощая его. Одного юридическаго пріема было мало,— какъ и въ Кіевской Руси, понадобилась цѣлая сѣть пріемовъ. Законъ съ готовностью поддерживалъ это творчество холоповладѣльцевъ, становясь на сторону сильнаго, заимодавца, поработителя.

Обезлюдѣніе государства послѣ Смуты заставило землевладѣльцевъ усиленно эксплоатировать холопій трудъ на пашнѣ. Холоповъ полныхъ и кабальныхъ начинаютъ селить въ особыхъ дворахъ рядомъ съ крестьянами. Образуются цѣлыя поселенія такъ называемыхъ задворныхъ людей, къ которымъ присоединялась на барщинѣ холопья дворня, жившая при дворахъ помѣщиковъ, но обрабатывавшая господскую землю,— такъ называемые дѣловые люди. На тѣхъ и другихъ холопахъ-землепашцахъ владѣльцы и учились крѣпостному праву, привыкали къ мысли, что имъ принадлежитъ не только право на трудъ этихъ полузависимыхъ отъ нихъ людей, но и право на ихъ личность. Взглядъ этотъ понемногу переносится и на сосѣда по поселенію и по работѣ—крестьянина. Понятія настолько смѣшиваются, что, сажая холопа на пашню, еще до Уложенія, владѣльцы говорятъ объ его посадкѣ «во крестьяне», а крестьянъ въ оффиціальныхъ актахъ, напримѣръ, челобитныхъ, служилые люди сплошь и рядомъ называютъ холопами. Это смѣшеніе замѣтно сейчасъ же послѣ Смуты и идетъ, все усиливаясь, въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годахъ. Таковъ былъ юридическій путь образованія этой идеи. Крѣпостное «право» осаживалось около крестьянина, какъ осаживается накипь, незамѣтно, медленно, но неизбѣжно. Осуществлена она была дружными усиліями стотысячнаго бодраго, энергичнаго, готоваго на рискъ и на борьбу мелкаго и средняго служилаго люда на Заокскомъ и Алатырскомъ черноземѣ, того служилаго люда, который бралъ Казань, отбивался въ Псковѣ отъ Баторія и очищалъ государство въ Смутное время. Этотъ служилый людъ, смѣло выражавшій рѣшимость «за одну десятину земли головы положить», былъ классомъ энергичнымъ, предпріимчивымъ, а главное голоднымъ. Свои требованія прикрѣпить крестьянъ классъ этотъ формулировалъ кратко, но твердо и послѣдовательно въ теченіе Смуты, въ политическихъ условіяхъ 4 февраля 1610 года, на которыхъ приглашался въ Москву царемъ Владиславъ, и въ приговорѣ Ополченія, собравшемся подъ стѣнами Кремля въ іюнѣ 1611 года. Многомилліонное крестьянство, оглушенное Смутой, подчинялось крѣпостному праву съ тупою покорностью. Это объясняется его разрозненностью, дикостью, антагонизмомъ крестьянъ зажиточныхъ и бѣдныхъ (бобылей, подсосѣдниковъ и др.), отсутствіемъ экономической обезпеченности, отсутствіемъ гражданскаго развитія. Самый насильственный процессъ внутренней русской исторіи прошелъ безшумно и мирно, не вызвавъ ни протестовъ, ни

сильнаго сопротивленія со стороны прикрѣпляемаго и порабощаемаго крестьянства. Успѣхи прикрѣпленія постепенно оформлялись отдѣльными законодательными актами. Перепись 1627—8 годовъ послужила важнымъ толчкомъ къ тому, чтобы закрѣпить эти отношенія и какъ бы подвести ихъ подъ однообразную норму. Но вообще московское законодательство держалось въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ крупныхъ вопросахъ, выжидательной и наблюдательной политики.

Московское законодательство не умѣло ставить общихъ вопросовъ. На самый жгучій моментъ въ исторіи прикрѣпленія оно отозвалось указами 1597, 1601, 1602, 1606 и 1607 годовъ. Только два изъ этихъ указовъ,—указы 1597 и 1607 годовъ—имѣютъ общій характеръ. Они и считались долгое время актами, въ которыхъ символизировался законодательный моментъ прикрѣпленія. Но законъ 24 ноября 1597 года говоритъ гораздо меньше, чѣмъ выводили изъ него.

«Которые крестьяне изъ-за бояръ и изъ-за дворянъ и изъ-за приказныхъ людей и изъ-за дѣтей боярскихъ и изъ-за всякихъ людей, изъ помѣстей и изъ вотчинъ... выбѣжали до нынѣшняго 106 (1597) г. за пять лѣтъ и на тѣхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ за кѣмъ они, выбѣжавъ, живутъ, тѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, изъ-за кого они выбѣжали... давати судъ и сыскивати всякими сыски накрѣпко, а по суду и по сыску велѣти тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ. А которые крестьяне изъ-за помѣщиковъ и изъ-за вотчинниковъ... выбѣжали до нынѣшняго 106 году лѣтъ за шесть, за семь, за десять и больше, а тѣ помѣщики и вотчинники... государю, царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи не бивали челомъ, отказывати и суда на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они изъ-за нихъ, выбѣжавъ, живутъ, не давати, а дати судъ и сыскъ въ бѣглыхъ крестьянѣхъ, которые до нынѣшняго 106 года выбѣжали за пять лѣтъ».

Этотъ указъ толковался и толкуется, какъ ссылка на неизвѣстный намъ указъ 1592 г., которымъ крестьянскіе переходы было воспрещены. На дѣлѣ онъ направленъ на прекращеніе исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, а терминъ «5 лѣтъ» относится, какъ надо понимать между строкъ, къ писцовымъ книгамъ, составленнымъ въ началѣ 90-хъ годовъ.

Правительство царя Бориса издало въ 1601 году указъ, которымъ «во всемъ своемъ государствѣ отъ налога и отъ продажъ велѣли крестьянамъ давати выходъ», но отказывать и возить крестьянъ было разрѣшено не всѣмъ служилымъ людямъ, а только провинціальнымъ «дворянамъ, которые служатъ изъ выбору, и жильцомъ и дѣтемъ боярскимъ городовымъ» и другимъ разрядамъ мелкихъ служилыхъ людей, «промежъ себя»... «а во дворцовыя села и въ черныя волости, и за

патріарха и за митрополита, и за архіепископы, и за владыки, и за монастыри, и за бояръ и за окольничьихъ и за дворянъ большихъ и за приказныхъ людей, и за дьяковъ, и за стольниковъ, и за стряпчихъ, и за головъ стрѣлецкихъ, и изъ-за нихъ въ нынѣшнемъ во 110 г. крестьянъ возити не велѣти, а въ Московскомъ уѣздѣ всѣмъ людямъ промежъ себя, да изъ иныхъ городовъ въ Московской уѣздъ потому жъ крестьянъ не отказывати и не возити». Указъ ограничивалъ и размѣры своза: «возити межъ себя одному человѣку изъ-за одного же человѣка крестьянина одного или дву, а трехъ или четырехъ одному изъ одного никому не возити».

Въ слѣдующемъ 1602 году указъ этотъ былъ повторенъ съ напоминаніемъ, «чтобъ во крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей бы не было, и сильно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали и продажъ имъ ни которыхъ не дѣлали... чтобъ во крестьянскомъ отказѣ и въ вывозѣ ни у кого ни съ кѣмъ зацѣпокъ и задоровъ не было».

Въ такихъ платоническихъ пожеланіяхъ, исходившихъ исключительно изъ заботъ о полицейскомъ порядкѣ, состояла вся политика правительства по крестьянскому вопросу въ самый острый моментъ его исторіи, когда прикрѣпленіе шло полнымъ ходомъ, наканунѣ Смуты, когда уже чувствовались предвѣстники близкихъ потрясеній.

Еще характернѣе для игнорированія правительственной средой Московскаго государства всей серьезности положенія законъ, изданный царемъ Василіемъ 9 марта 1607 г. въ кратковременный антрактъ Смутнаго времени, въ промежутокъ между двумя возстаніями, среди самой безпокойной обстановки. Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ этотъ указъ является какъ бы комментаріемъ къ закону 1597 года. «Которые крестьяне», гласитъ этотъ указъ, «отъ сего числа передъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 (1592—3) году положены, и тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ написаны;..... а не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день, и сентября по 1 не будетъ, и тѣхъ послѣ того срока по тѣмъ книгамъ не отдавати, а написати ихъ въ книги за кѣмъ они нынѣ живутъ, и впредь за 15 лѣтъ о крестьянахъ суда не давати и крестьянъ не выводити». За пріемъ бѣглаго этотъ указъ налагалъ десятирублевый штрафъ на государя и три рубля въ годъ пожилого въ пользу законнаго владѣльца. Обязанность слѣдить за бѣглыми, «навѣдыватись, нѣтъ ли гдѣ пришлыхъ людей вновь», указъ возлагалъ на «воеводъ, дьяковъ, всякихъ приказныхъ людей, старостъ, сотскихъ и священниковъ».

Этотъ крутой по формѣ, но непрактичный и невыполнимый, скоро забытый и даже заподозрѣнный въ подлинности указъ лучше, чѣмъ какой-нибудь другой актъ, отражаетъ мелочный духъ московскаго законодательства по крестьянскому вопросу—неумѣнье охватить пест-

Н. В. Неврев.

Торгъ (сцена изъ крестьянскаго быта)

рыя и дробныя явленія въ цѣломъ, связать и ихъ объединить, понять значеніе совершившихся явленій и направить ихъ. Законодательство ловило только частныя стороны, частные обороты вопроса, воспринимало и усваивало отдѣльные блики и больше стремились поддакнуть обстоятельствамъ, чѣмъ сказать свое собственное слово... Правительство занималось не крестьянами, не ихъ судьбой, а столкновеніемъ владѣльческихъ интересовъ надъ ихъ головами, пытаясь примирить и распутать эти интересы въ случаяхъ столкновенія.

Дальнѣйшее законодательство до Уложенія сосредоточивается на очень спеціальнымъ вопросѣ объ «урочныхъ годахъ», т.-е. о срокѣ давности, дѣлавшей крестьянина, не взирая на его прежнее положеніе, крѣпкимъ тому владѣльцу, у котораго онъ просидѣлъ извѣстный промежутокъ времени.

Указъ 1607 года опредѣлилъ урочные годы въ 15 лѣтъ, правительство укоротило его сначала до 5 лѣтъ, потомъ, постепенно удлиняя, назначило 7, потомъ 10, затѣмъ, уступая челобитнымъ мелкаго служилаго люда, страдавшаго отъ урочныхъ лѣтъ и потому настойчиво хлопотавшаго объ ихъ отмѣнѣ, въ писцовомъ наказѣ 1646 года совершенно отмѣнило «урочные годы» и подтвердило эту отмѣну въ Уложеніи. Такъ измѣнились обстоятельства за 40 лѣтъ. Въ началѣ вѣка въ интересахъ мелкаго служилаго люда право перевоза крестьянъ было оставлено только за нимъ, въ серединѣ вѣка это право сдѣлалось невыгоднымъ и южной окраинѣ государства. Съ отмѣной урочныхъ лѣтъ можно связать признаніе законодательствомъ прикрѣпленія фактомъ, юридически состоявшимся.

Какъ опредѣляетъ положеніе крестьянъ Уложеніе?

Мы не встрѣтимъ въ Уложеніи какой-нибудь послѣдовательно проведенной точки зрѣнія на владѣльческихъ крестьянъ. Глава XI, спеціально посвященная крестьянамъ — одна изъ самыхъ краткихъ и неразработанныхъ, но общая точка зрѣнія Уложенія — самая недвусмысленная. Крѣпостное право для составителей Уложенія было явленіемъ, не подлежащимъ сомнѣнію и оспариванію. Уложеніе въ корнѣ признаетъ его за нѣчто обязательное и необходимое для всего жизненнаго уклада русскаго общества.

Статьи, касающіяся крестьянъ, очень разбросаны. Составители Уложенія не позаботились даже о механическомъ сопоставленіи ихъ. Право опредѣлялось частично и случайно и лишь въ тѣхъ направленіяхъ, гдѣ на регулируемыя отношенія падалъ лучъ государственнаго интереса. Ни поземельное-государственное, тягловое, ни личное начало прикрѣпленія не были проведены послѣдовательно, не были ни примирены, ни подчинены одно другому. Въ законодательствѣ перемѣшивались и проступали разныя тенденціи и начала, и наиболѣе сильное изъ нихъ, начало личнаго владѣльческаго прикрѣпленія, присутствовало въ Уложеніи только потенціально. Право еще бродило.

Уложеніе, не задаваясь общимъ вопросомъ объ опредѣленіи юридическаго положенія крестьянина, вѣрное духу всего московскаго законодательства, разсыпаетъ отдѣльныя частныя нормы, цѣпляется за отдѣльные казусы, формулируетъ по нимъ частныя рѣшенія, не дѣлая усилія охватить, примирить или даже слить ихъ.

Въ разныхъ статьяхъ Уложенія передъ нами послѣдовательно выступаютъ крестьянинъ — тяглецъ, крестьянинъ — содержатель военнаго служилаго человѣка, несущій свою долю тягостей въ оборонѣ страны, крестьянинъ — членъ общины, хозяинъ съ иногда широкими хозяйственными операціями, крестьянинъ — гражданинъ. Уложеніе мало говоритъ о правахъ владѣльца на крестьянина — этой стороной дѣла законодательство не интересовалось, предоставляя развитіе и опредѣленіе ея практикѣ. Но Уложеніе косвенно признаетъ эту власть очень развитой. Не формулируя общихъ началъ этой власти, оно признаетъ рядъ слѣдствій и выводовъ. Самое важное изъ этихъ слѣдствій — открытая Уложеніемъ возможность отрывать крестьянъ отъ земли, — отсюда, изъ этого пробѣла законодательства, не развившаго послѣдовательно общей нормы поземельнаго прикрѣпленія, вытекла возможность заключать сдѣлки на крестьянъ безъ земли, слѣдовательно, торговать ими, какъ холопами. Спросъ и практика рынка должны были сдѣлать отсюда всѣ выводы, превративъ крестьянъ очень быстро въ живой товаръ, шедшій въ продажу оптомъ или въ розницу, смотря по условіямъ мѣста и времени. Чѣмъ больше было оборота на хозяйственномъ рынкѣ, чѣмъ быстрѣе совершалась мобилизація собственности, тѣмъ тяжеле это должно было отражаться на положеніи крестьянъ.

Уложеніе не провело никакой глубокой борозды въ исторіи крестьянъ, такъ какъ московское законодательство вообще не знало и не умѣло дѣлать крутыхъ поворотовъ, вѣроятно, потому, что чувствовало отсутствіе техническихъ средствъ для того, чтобы осуществлять такіе повороты, ибо законодательная послѣдовательность, какъ и всякая другая, требуетъ силъ и энергіи. Оно не любило и не умѣло задавать общихъ вопросовъ, стараясь опредѣлять только тѣ стороны, которыя подчеркивались самою жизнью и какъ бы напрашивались на вниманіе. Если мы, опираясь на расчлененныя понятія, попытаемся характеризовать крѣпостное право въ эпоху Уложенія, когда еще слегка замѣтны его ингрэдіенты, то оно разложится на юридическіе элементы частно-правового и государственнаго характера. По частному праву крестьянинъ былъ часто крѣпокъ владѣльцу, какъ наслѣдственный должникъ по обязательству особаго типа — ссудной записи, окрашенной привычками и нормами холопьяго права. По праву государственному крестьянинъ былъ крѣпокъ владѣльцу въ силу власти, которой обрекалъ его законъ изъ государственныхъ интересовъ, какъ своего военнаго слугу, финансоваго агента, административно-полицейскаго надзи-

рателя надъ ввѣренными ему крестьянами. Но люди XVII вѣка не задумывались надъ тѣмъ, какъ охватить крѣпостное право въ полномъ его объемѣ, и какъ расчленить его на отдѣльныя составныя части, предоставляя рѣшать эту теоретическую задачу позднѣйшимъ поколѣніямъ. Не направляя этихъ отношеній и не подчеркивая въ нихъ ни одной черты, Уложеніе предоставляло всѣмъ заинтересованнымъ сторонамъ развивать и подчеркивать то, что каждой казалось выгоднымъ или желательнымъ. Уложеніе было арсеналомъ оружія разнаго рода, и пользоваться имъ можно было въ любомъ направленіи. Конечно, болѣе умѣло и настойчиво пользуется имъ сильнѣйшая сторона—владѣльцы.

И послѣ изданія Уложенія мы втеченіе цѣлаго человѣческаго поколѣнія, лѣтъ 70, не наблюдаемъ никакихъ рѣзкихъ поворотовъ въ развитіи нормъ, касающихся крѣпостныхъ отношеній.

Уложеніе не уничтожило класса прохожихъ, бродячихъ элементовъ крестьянскаго населенія. Попрежнему мы наблюдаемъ «новопорядчиковъ», «рядящихся во крестьянство». Крестьянскіе дѣти, захребетники, волостные люди переходятъ изъ посада въ посадъ, изъ села въ село, занимаются земледѣліемъ и промыслами, заключаютъ, совершенно такъ же, какъ и до Уложенія, порядныя, большею частью съ прибавкой «а съ той земли мнѣ не сойти и ни за кого не порядиться и не задаться», но эта прибавка необязательна: и послѣ Уложенія порядныя иногда выговариваютъ крестьянину права перехода. Замѣчательно, что эти со времени Уложенія незаконныя порядныя записываются въ оффиціальныя крѣпостныя книги; правительство допускаетъ регистрацію. Условія порядныхъ очень варіируются; смотря по положенію порядчика, онъ принимаетъ на себя большія или меньшія обязательства. Во всѣхъ этихъ порядныхъ видны двѣ стороны, двѣ договаривающіяся воли. Порядныя заключаются не только вольными людьми, но и дѣтьми крестьянъ-старожильцевъ и самими старожильцами, если они, оставаясь у того же хозяина, мѣняютъ одинъ участокъ на другой. Уложеніе не оторвало владѣльческаго крестьянина окончательно и отъ другихъ волостныхъ крестьянъ. Повидимому, и послѣ Уложенія государственныя повинности разверстываются сообща между крестьянами разныхъ владѣльцевъ. По крайней мѣрѣ, порядныя включаютъ оговорку: «государевы подати и волостные разметы платить мнѣ съ моего участка съ волостными людьми вмѣстѣ».

Эти бытовыя черты свидѣтельствуютъ о томъ, что переходы не прекратились и послѣ Уложенія, но между разными чертами, характеризующими бытъ крестьянъ, мы встрѣчаемъ все болѣе рѣзкую несогласованность. Между тѣмъ сейчасъ же послѣ Уложенія появляются слѣды практики тѣлесныхъ наказаній, примѣняемыхъ владѣльческой рукой. Въ одномъ управительскомъ наказѣ 1653 года мы читаемъ: «а буде кои крестьяне закону не учнутъ слушать и по кабакамъ

станутъ животы свои проживать, и тѣхъ крестьянъ имать и за правую вину велѣть передъ попомъ, передъ старостою и передъ крестьяны на сходѣ бить батоги нещадно».,.

Около времени составленія Уложенія замѣтны и слѣды продажи и заклада крестьянъ въ розницу безъ земли, владѣльцы начинаютъ сами женить своихъ крестьянъ, выдаютъ разрѣшенія на бракъ и т. д. Въ то же время мы знаемъ, что владѣльческіе крестьяне могли имѣть своихъ собственныхъ холоповъ. Землевладѣлецъ является судьей для своихъ крестьянъ, они сами или ихъ приказчики судятъ, пытаютъ и наказываютъ крестьянъ, и въ то же время мы видимъ, что крѣпостные крестьяне судятся у правительственныхъ судей, и другіе владѣльцы предъявляютъ къ нимъ иски у этихъ судей. Больше того, крестьяне являются поручителями за господина въ заемной записи, выступаютъ не какъ предметъ залога, а какъ участники займа. Попрежнему, до конца XVII вѣка и въ первыя десятилѣтія XVIII крестьяне сохраняютъ свое старое право заключать договоры съ казной и частными людьми, брать подряды и укрѣплять условія въ присутственныхъ мѣстахъ безъ всякихъ довѣренностей и удостовѣреній отъ своихъ владѣльцевъ.

Практика, повидимому, признаетъ за ними право собственности: они имѣютъ возможность заниматься торговлей и промыслами, конкурируя съ посадскимъ населеніемъ. Наконецъ, до самаго XVIII вѣка встрѣчаются случаи отбыванія государственныхъ повинностей крестьянами разныхъ владѣльцевъ.

По частнымъ актамъ по-прежнему можно замѣтить чрезвычайную пестроту и неустойчивость отношеній: практика жизни была исполнена противорѣчій, отношенія колебались и по районамъ и по комбинаціи отношеній въ одномъ и томъ же районѣ, но все рѣзче проступаютъ признаки растущей власти владѣльцевъ. Власть эта развивается благодаря правительственному попустительству и той поддержкѣ, которую землевладѣлецъ встрѣчалъ въ самой крестьянской средѣ. Крестьянская бѣднота ищетъ помощи и защиты у землевладѣльца отъ своихъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Въ одномъ случаѣ, напр., бѣдные крестьяне бьютъ челомъ, жалуются на то, что «семьянистые моготою своею отъ тѣхъ новоприбавочныхъ доль отбиваются и уваливаютъ на насъ скудныхъ и одинокихъ, а я, сирота, прибавлялъ крестьянинъ, радъ вамъ, государямъ, работать», вызывая владѣльческое вмѣшательство въ жизнь крестьянской общины. Крѣпостная власть разрасталась, смѣшивая въ глазахъ помѣщиковъ крестьянъ съ холопами и пріучая помѣщика ко взгляду на крестьянина, какъ на инвентарь своего хозяйства, на рабочій скотъ, эксплоатація котораго есть его природное и неотъемлемое право. Какой же взглядъ развивался въ законодательствѣ? Законъ былъ единственной силой, которая могла повернуть теченіе этихъ отношеній.

Никакой тенденціи опредѣлить положеніе крестьянъ силою закона мы не найдемъ и послѣ Уложенія. Рядъ указовъ проводитъ мысль о поземельномъ прикрѣпленіи крестьянъ, запрещая, напр., отчужденіе участковъ: «которые заложенныхъ погостовъ крестьяне участки свои продали и велѣно по прежнему государеву указу имать назадъ безденежно, и сажать на нихъ тѣхъ крестьянъ, кто напередъ того жилъ», читаемъ въ указѣ 26 іюня 1649 года. Законъ по прежнему признаетъ участіе владѣльческихъ крестьянъ въ выборахъ наряду съ черными крестьянами совершенно законнымъ. Но параллельно или, лучше сказать, въ перебивку развивается иной рядъ указовъ, совсѣмъ съ другимъ смысломъ и направленіемъ. «Вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, читаемъ мы въ указѣ 15 февраля 1658 года,—что Замосковныхъ разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ служилыхъ людей люди ихъ и крестьяне разоряютъ, животы ихъ грабятъ и ихъ дома пожигаютъ, а иныхъ женъ и ихъ дѣтей до смерти побиваютъ; разоряя помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ, бѣгаютъ и живутъ въ бѣгахъ за всякихъ чиновъ людьми». На борьбу съ этимъ зломъ законъ и ополчается, предписывая энергичный сыскъ и щедро разсыпая угрозы и наказанія. «А крестьянамъ за ихъ воровство, что они, разоряя помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ, отъ нихъ бѣжали, велѣли имъ чинить наказанье, бить кнутомъ нещадно; а на тѣхъ людей, за кѣмъ крестьяне жили въ бѣгахъ, велимъ доправить владѣнья по нашему указу и по Соборному Уложенію; а пущихъ воровъ, которые, бѣжавъ, помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ или женъ ихъ и дѣтей до смерти побили или домы ихъ сожгли, указали мы казнить смертью, по сыску велѣли вѣшать, чтобъ впредь инымъ такъ воровать было неповадно». Указы съ угрозами бѣгающимъ крестьянамъ и ихъ пріемщикамъ идутъ, не прекращаясь, и въ XVII и въ XVIII вв. Несмотря на всѣ штрафы и кары, сладить съ бѣгствомъ крестьянъ долго не удавалось.

Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича торговля крестьянами безъ земли, по такъ называемымъ «сдѣлочнымъ записямъ» и купчимъ была нечаянно оформлена закономъ. Холопій приказъ въ памяти, посланной въ приказъ Помѣстный, неожиданно объявилъ, что «въ Приказѣ Холопья суда въ записной холопьей книгѣ всякихъ чиновъ людямъ старинныхъ и полонныхъ людей и вотчинныхъ крестьянъ по поступнымъ записямъ записываютъ, и, записавъ въ книгѣ тѣ поступныя записи, за дьячей приписью ихъ приказу Холопья суда отдаютъ тѣмъ людямъ, кому тѣ поступныя даны, и съ тѣхъ поступныхъ пошлинъ великаго государя въ Приказѣ Холопья суда поголовныхъ емлютъ по три алтына съ человѣка».

Это былъ переворотъ въ дѣлопроизводствѣ, ибо Уложеніе предписывало записывать (XI гл. 6 ст.) переводы крестьянъ въ Помѣстномъ

приказѣ. Помѣстный приказъ, вѣдомство землеустройства XVII вѣка, естественно, долженъ былъ служить проводникомъ государственнаго начала въ поземельныя и крѣпостныя отношенія. Совершенно неожиданно практика обошла его. Историки права доискиваются, по чьей инціативѣ и когда это произошло,—виновенъ ли въ этомъ патріархъ Никонъ или фаворитъ царя Алексѣя, бояринъ Матвѣевъ. Личная инціатива здѣсь не такъ интересна, какъ самый фактъ переноса дѣлопроизводства изъ одного учрежденія въ другое, подкравшійся совершенно незамѣтно. Фактъ этотъ былъ признанъ и узаконенъ указомъ 13 октября 1675 года. Можетъ быть въ связи съ опубликованіемъ этого указа находится занесеніе слѣдомъ за нимъ въ оффиціальныя крѣпостныя книги массы сдѣлокъ на крестьянъ, совершенныхъ въ разное время, но доселѣ остававшихся неоформленными.

Законъ начинаетъ признавать смѣшеніе крестьянъ съ холопами. Это смѣшеніе, прежде всего, мы наблюдаемъ на тѣхъ группахъ холоповъ, которые пріучали и владѣльцевъ перенести на крестьянъ холопью точку зрѣнія, на холопахъ дѣловыхъ и задворныхъ. Законъ подходитъ къ этому явленію съ обратной стороны, причисляя постепенно эти разряды холоповъ къ плательщикамъ тягла, т. е. приравнивая ихъ къ крестьянамъ. Мѣра эта примѣнена впервые въ концѣ 70-хъ годовъ при составленіи переписныхъ книгъ. Указъ 15 февраля 1695 года повелѣваетъ взять съ «Московскихъ чиновъ людей съ помѣстій ихъ и вотчинъ съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ дворовъ и съ задворныхъ и дѣловыхъ людей, которые живутъ дворами, по полтинѣ со двора на жалованье ратнымъ людямъ». Смѣшеніе задворныхъ и дѣловыхъ холоповъ съ крестьянами проводится въ указахъ 1704, 1705, 1711 годовъ. Жизнь сдѣлала отсюда свои выводы: если холопъ несъ государственное тягло, то крестьянинъ долженъ быть въ положеніи холопа.

Указъ 7 сентября 1696 года констатировалъ и узаконялъ обращеніе крестьянскихъ дѣтей въ дворовыхъ. «Послѣ умершихъ всякихъ чиновъ людей дворовымъ ихъ и кабальнымъ и полоннымъ и крестьянскимъ дѣтямъ, которые были изъ крестьянъ взяты во дворъ, давать отпускныя изъ Приказа холопья суда».

Но въ то же время до начала XVIII вѣка законъ признавалъ право владѣльческихъ крестьянъ владѣть оброчными угодьями по договорамъ съ казною, торговать отъ своего имени съ уплатой соотвѣтствующихъ пошлинъ, даже поощрялъ переводъ торговыхъ крестьянъ въ посадъ безъ разрѣшенія владѣльца, признавалъ нѣкоторое участіе владѣльческихъ крестьянъ въ выборномъ мѣстномъ управленіи.

Скопленіе этихъ противорѣчивыхъ бытовыхъ и юридическихъ нормъ перешло въ наслѣдіе Петровской эпохѣ. Бытовое развитіе крѣпостного права было завершено еще въ XVII вѣкѣ, и XVIII вѣкъ мало что могъ при-

бавить къ тому стѣсненному положенію, въ которомъ крестьяне были еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Но въ юридической постановкѣ ихъ положенія было столько неясностей и противорѣчій, что при сколько-нибудь внимательномъ отношеніи къ положенію крестьянъ законодателю было открыто широкое поле дѣйствія. Законъ *могъ* попытаться регулировать положеніе крѣпостныхъ, не рискуя столкнуться съ дѣйствующими нормами. Реформа измѣнила постановку крѣпостного вопроса въ законѣ. Она усилила моментъ тяглового прикрѣпленія и всякое право служилаго человѣка на землю и крѣпостныхъ сдѣлала условнымъ, поставила въ зависимость отъ службы. Это было какъ бы возвращеніемъ къ той крутой постановкѣ вопроса о связи службы съ землевладѣніемъ, какую мы встрѣчаемъ въ XVI вѣкѣ. Владѣльческія права помѣщика были обусловлены несеніемъ служебныхъ обязанностей. Мысль эта круто и жестко выражена Петромъ въ цѣломъ рядѣ указовъ.

Это основное начало своеобразно преломилось въ отношеніяхъ крестьянъ и дворянства. Дворянинъ владѣлъ своимъ имѣніемъ подъ непремѣннымъ условіемъ службы, но за служебную повинность Петровскій законъ надѣлялъ его всей полнотой вотчинной власти.

Вниманіе Петра было прямо обращено къ крѣпостнымъ отношеніямъ только къ концу его жизни. Въ 1718 году предпринята была первая ревизія. По указу 26 ноября 1718 года предписано было взять «правдивыя сказки», «сколько у кого, въ которой деревнѣ душъ мужскаго пола». Эта первая перепись была осуществлена въ 1719—1722 гг. Она значительно повліяла на положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Преслѣдуя все ту же тягловую цѣль, Петръ сдѣлалъ владѣльцевъ отвѣтственными не только за сообщеніе правдивыхъ данныхъ о количествѣ душъ, но и за податную исправность крестьянъ. Это начало, высказанное и въ XVII вѣкѣ, въ указахъ о первой ревизіи было проведено послѣдовательно и твердо. Послѣдующее законодательство только повторяло точку зрѣнія, развитую законодательствомъ въ первую ревизію.

Дѣлая помѣщика отвѣтственнымъ лицомъ за подати, взимаемыя съ его крестьянъ, государство тѣмъ самымъ совершенно разобщало себя съ крестьянами. Превративъ помѣщика какъ бы въ откупщика государственнаго налога, оно лишало себя возможности вмѣшиваться въ эти отношенія и слѣдить за нимъ. Такая точка зрѣнія открывала дорогу самому широкому попустительству въ крѣпостныхъ отношеніяхъ. Сдѣлавъ помѣщика отвѣтственнымъ финансовымъ управителемъ, государство должно было сквозь пальцы смотрѣть на тѣ пріемы, которые помѣщикъ будетъ примѣнять для полученія съ крестьянъ этихъ повинностей и вообще для управленія ими.

Другой важный шагъ, сдѣланный въ указахъ о первой ревизіи,— окончательное уничтоженіе юридическаго существованія холопства.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Петръ приказалъ записывать въ подушный окладъ всѣ разряды холоповъ. «Слышу я», писалъ онъ въ указѣ отъ 5 февраля 1720 года, «что въ нынѣшнихъ переписяхъ пишутъ только однихъ крестьянъ, а людей дворовыхъ и прочихъ не пишутъ, въ чемъ можетъ быть такая жъ утайка, какъ и во дворахъ бывала. Того ради подтвердите указомъ, чтобъ всѣхъ помѣщики писали своихъ подданныхъ, какого они званія ни на есть, также и причетниковъ церковныхъ, кромѣ поповъ и дьяковъ, которымъ особливую роспись также подать надлежитъ, и всѣмъ имъ дайте сроку на полгода».

Государство этимъ распоряженіемъ вычеркнуло изъ закона пестрый классъ холоповъ, превратило ихъ въ податныхъ крестьянъ, но душевладѣльцы дѣлали обратное заключеніе, перенося на крестьянъ тѣ взгляды, которые имъ были привычны по отношенію къ холопамъ. Отнынѣ владѣлецъ получаетъ полную возможность, опираясь уже на законъ, отрывать крестьянъ отъ земли, переводить въ дворовые, и продавать на свозъ, дробить семьи, заниматься поставкой на рынокъ рекрутовъ и т. д.

Петровское законодательство, преслѣдовавшее одну главную цѣль,—напряженіе служебныхъ и податныхъ повинностей, мало стѣснялось съ владѣльческими правами въ тѣхъ случаяхъ, когда они противорѣчили государственнымъ соображеніямъ. Такъ, указомъ 7 марта 1721 года было разрѣшено крѣпостнымъ поступать въ военную службу даже безъ разрѣшенія господина. По-прежнему законъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поощрялъ переводъ торговыхъ крестьянъ въ посадъ, но все это были очень единичныя нормы. Какъ основное правило, законъ зналъ крѣпостного крестьянина только черезъ посредство владѣльца и сносился съ нимъ черезъ этого послѣдняго.

То, что вяло и тускло совмѣщалось въ нормахъ Московскаго государства, было какъ бы примирено и согласовано судорожными и отрывистыми усиліями Петровскаго законодательства. Основной точкой зрѣнія сдѣлалась податная и служебная исправность населенія,—это начало было послѣдовательно положено въ основу. Всего лучше точка зрѣнія Петра выражена имъ въ утопическомъ указѣ 1 іюля 1722 года. Указъ этотъ повелѣвалъ людямъ, не принадлежащимъ ни къ какому готовому общественному состоянію—«которые на волѣ живутъ»—«тѣмъ самимъ явиться къ переписи и перепищикамъ пересмотрѣть. И которые изъ нихъ по осмотру въ службу будутъ годны, тѣхъ писать въ солдаты и отсылать въ военную коллегію, а которые въ службу негодны, токмо при томъ объявлять имъ указомъ съ запискою, чтобъ никто изъ нихъ въ гулящихъ не былъ, а опредѣлялись бы въ другія службы, или къ кому въ дворовое услуженіе, а безъ службы бы никто не шатались, понеже отъ такихъ умножаются воровства, а ежели таковыхъ впредь гдѣ поймаютъ, оные сосланы будутъ въ галерную работу».

Теоретически общество все цѣликомъ было распредѣлено между разными рядами государственныхъ повинностей. Крѣпостные крестьяне, нивелированные подъ уровень холоповъ, были отданы въ безконтрольное распоряженіе душевладѣльцевъ прямыми и опредѣленными распоряженіями закона, а не въ силу умолчаній его, какъ было раньше, но душевладѣлецъ и самъ былъ обязанъ весь вѣкъ службою подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности. Въ этомъ было какъ бы своеобразное равновѣсіе и оправданіе крѣпостного права, но были отдѣльныя частности, въ которыхъ законодательство еще не было согласовано съ остальными общими посылками—сгладить эти частности и практически развить нѣкоторые выводы изъ общихъ положеній стремится послѣдующее законодательство.

Съ какой то странною поспѣшностью въ теченіе слѣдующихъ за смертью Петра 35—40 лѣтъ власть торопится договорить въ градѣ указовъ то, чего не договорилъ Петръ Указомъ 21 іюня 1726 года у крестьянъ было отнято право отправляться на промыслы безъ спеціальнаго разрѣшенія помѣщика. До 1729 года еще уцѣлѣли кабальные холопы,—указъ 26 марта 1729 года обращаетъ ихъ въ крѣпостныхъ, т. е. полныхъ холоповъ. Указъ 16 іюля 1729 года напоминалъ еще разъ, что не должны болѣе существовать «вольные люди». Указомъ 25 октября 1730 года боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ запрещено было пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ городахъ и уѣздахъ.

Регламентомъ камеръ-коллегіи 1731 года крестьянамъ запрещено было вступать въ подряды и откупа. Указомъ 12 марта 1734 года крестьянамъ запрещено заводить суконныя фабрики. Указомъ 18 декабря 1739 года у крестьянъ отнято право покупать людей въ услуженіе и для поставки вмѣсто себя рекрутовъ. Указомъ 14 февраля 1761 года крестьянамъ запрещено обязываться векселями, вступать въ поручительства; заемными письмами они могли пользоваться только съ дозволенія помѣщиковъ. Законы, стѣсняющіе право собственности крестьянъ, характерны тѣмъ, что они имѣютъ часто теоретическое значеніе, не истребляя крестьянскихъ торговыхъ операцій, а заставляя крестьянъ прибѣгать при совершеніи юридическихъ актовъ къ именамъ своихъ владѣльцевъ.

Указомъ 2 іюня 1742 года строжайше воспрещено уходить безъ разрѣшенія владѣльцевъ на военную службу, а крестьянамъ, дерзнувшимъ по силѣ Петровскаго закона подать о вступленіи въ военную службу челобитныя, «учинено на площади съ публикою жестокое наказаніе». Охотникамъ до военной службы безъ разрѣшенія помѣщиковъ указъ грозилъ кнутомъ и каторгой.

При вступленіи импер. Елизаветы на престолъ крѣпостные крестьяне были исключены изъ присяги на вѣрноподданство, какъ не имѣющіе гражданскаго голоса.

Вторая ревизія, начатая съ 1742 года, совершенно уравниваетъ крестьянъ съ дворовыми и продолжаетъ ту же работу искорененія всѣхъ промежуточныхъ слоевъ, незаконорожденныхъ, разночинцевъ, вольно-отпущенныхъ и т. д.—имъ открывалась дорога въ посадъ, въ крѣпостные или въ солдатство, «дабы ни одинъ безъ положенія не остался», «а ежели ихъ изъ платежа подушнаго оклада никто не возьметъ, а въ службу негодны, такихъ посылать для поселенія въ Оренбургъ или на казенные заводы».

Указъ 4 декабря 1747 года разъяснилъ, что помѣщики имѣютъ право торговать крестьянами и дворовыми, продавая ихъ въ рекруты съ однимъ условіемъ—платить подушныя деньги по мѣсту ихъ приписки. По указу отъ 13 декабря 1760 года, одному изъ самыхъ злыхъ и ненужныхъ законовъ, однако широко использованному на практикѣ, помѣщики получили право ссылать своихъ дворовыхъ или крестьянъ въ Сибирь.

Въ мрачной исторіи нашего законодательства едва ли мы найдемъ законъ болѣе безжалостный, чѣмъ этотъ указъ, прямо приглашавшій владѣльцевъ дробить крестьянскія семьи.

Въ то же время, параллельно этой цѣпи указовъ, законодательство проводитъ послѣдовательно другую борозду, монополизируя крѣпостное право въ рукахъ дворянства. Указы 14 марта 1746 года и 6 февраля 1758 дѣлаютъ право владѣнія населенной землей исключительнымъ правомъ дворянства. Но до 1762 года крѣпостное право, сдѣланное безконтрольной монополіей дворянства, какъ бы держалось еще на тонкой ниточкѣ, связывавшей его съ государственнымъ интересомъ. Правда, ограниченія въ правѣ собственности на недвижимыя имѣнія отмѣнены указомъ импер. Анны отъ 17 марта 1731 года. «Милосердуя о своихъ вѣрныхъ подданныхъ, гласилъ указъ, пожаловали, повелѣли впредь въ сего нашего указа какъ помѣстья, такъ вотчины именовать одно недвижимое имѣніе вотчина», но во всю первую половину вѣка остается въ силѣ обязательство дворянина служить, какъ бы оплачивавшее его право на крѣпостной трудъ. Указы 1732, 1733, 1736, 1737, 1741, 1742, 1744 и др. годовъ напоминаютъ объ этой повинности дворянства и грозятъ репрессіями за несоблюденіе ея. Оставалось порвать эту дѣлавшуюся все слабѣе нить, и крѣпостное право теряло всякое государственное оправданіе. Шагъ этотъ и былъ сдѣланъ Манифестомъ о вольности дворянству 18 февраля 1762 года, снявшимъ съ дворянства обязательную службу.

Слѣдовъ нравственнаго протеста противъ крѣпостного права въ древней Руси мы почти не видимъ. Протестъ этотъ развился у насъ только со времени Екатерины II, и только съ ея эпохи народился у насъ *крѣпостной вопросъ*, т. е. признаніе крѣпостныхъ отношеній нравственно и юридически ненормальными, и предприняты были вытекавшіе изъ этого признанія поиски выхода.

Алексѣй Яковлевъ

Правительство, общество и народъ въ исторіи крестьянскаго вопроса
во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка[1]).

Статья проф. *В. И. Семевскаго.*

I.

При вступленіи на престолъ имп. Екатерины II нѣсколько болѣе половины (почти 53%) крестьянъ Великороссіи и Сибири были крѣпостными. Но крѣпостное право очень неравномѣрно распредѣлялось по этой территоріи. Между тѣмъ, какъ въ нынѣшнихъ Калужской, Смоленской и Тульской губерніяхъ крѣпостные составляли болѣе трехъ четвертей всѣхъ крестьянъ, а въ нынѣшнихъ Ярославской, Костромской, Рязанской, Псковской лишь немногимъ меньшую долю всего крестьянскаго населенія, на окраинахъ крѣпостныхъ было сравнительно немного, напр., въ нынѣшней Уфимской около пятой доли, а въ Архангельской губ. и въ Сибири ихъ было совсѣмъ ничтожное количество.

Территоріальное распредѣленіе крѣпостного права въ Великороссіи находилось въ прямой связи съ раздачею помѣстій московскими государями, система же эксплоатаціи населеннаго имѣнія въ значительной степени зависѣла отъ качества почвы и промысловъ населенія. Въ нечерноземной полосѣ Великороссіи, гдѣ были очень развиты отхожіе промыслы, болѣе половины крѣпостныхъ состояло на оброкѣ, между тѣмъ, какъ въ черноземной полосѣ оброчныхъ крестьянъ было лишь около четверти, а въ среднемъ по 20 губерніямъ Великороссіи, о которыхъ можно сдѣлать выводы на основаніи данныхъ, собранныхъ во время генеральнаго межеванія, было 44% оброчныхъ и 56% барщинныхъ крестьянъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Значительное распространеніе оброчной системы было явленіемъ чрезвычайно благопріятнымъ для крѣпостныхъ крестьянъ: въ оброчныхъ вотчинахъ ихъ жизнь была свободнѣе, здѣсь они гораздо менѣе страдали отъ барскаго произвола, было сильнѣе значеніе крестьянскаго

---

[1]) Крѣпостное право до половины XVIII вѣка и вліяніе литературы въ дѣлѣ подготовки его паденія составляютъ предметъ особыхъ очерковъ.

міра, которому почти всегда предоставлялась раскладка оброка и податей, наконецъ, здѣсь крестьяне пользовались землею въ значительно большемъ количествѣ. По свидѣтельству свѣдущихъ людей того времени, помѣщики отдавали въ пользованіе оброчныхъ крестьянъ всю землю, ограничивая лишь рубку лѣса, но въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ даже и помѣщичій лѣсъ былъ средствомъ для развитія подсобныхъ промысловъ (постройка барокъ и т. п.) или для расширенія площади запашки. Въ помѣщичьихъ вотчинахъ Великороссіи повсюду существовало общинное землевладѣніе, обыкновенно препятствовавшее развитію слишкомъ большого имущественнаго неравенства и обезземеленію крестьянскаго населенія. Помѣщики, конечно, имѣли право ввести, вмѣсто общиннаго, подворное землевладѣніе, но почти никогда этого не дѣлали, болѣе того: они имѣли возможность отнять у крестьянъ и всю землю и превратить ихъ въ батраковъ, такъ называемыхъ мѣсячниковъ, но такъ какъ по закону помѣщики были отвѣтственны за отбываніе податей и повинностей ихъ крѣпостными и должны были не допускать ихъ до нищенства во время неурожаевъ, то обезземеленіе крестьянъ встрѣчалось тогда лишь какъ крайне рѣдкое исключеніе, обыкновенно у мелкомѣстныхъ владѣльцевъ.

Размѣръ барщины не былъ опредѣленъ закономъ, воспрещено было Уложеніемъ Алексѣя Михайловича заставлять крестьянъ работать лишь по воскресеньямъ и праздникамъ, но наиболѣе обычною барщиною было три дня работы на господина взрослыхъ работниковъ обоего пола съ тягла, т. е. брачной пары. Однако, болѣе суровые помѣщики не довольствовались половиною рабочаго времени своихъ крестьянъ, и въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ барщина равнялась четыремъ, доходила въ видѣ исключенія даже до пяти и шести дней въ недѣлю. Не ограничиваясь барщиною, помѣщики взимали съ крестьянъ и различные сборы натурою. Еще тяжелѣе положенія барщинныхъ крестьянъ была жизнь дворовыхъ, особенно находившихся въ услуженіи въ барскомъ домѣ, такъ какъ они чаще подвергались истязаніямъ, а женская прислуга нерѣдко дѣлалась жертвою помѣщичьяго разврата.

Возможность для помѣщика отрывать крестьянъ отъ земли и продавать людей даже съ разлученіемъ семействъ приводила къ самой беззастѣнчивой торговлѣ ими. Извѣстный историкъ Болтинъ зналъ одного помѣщика, который въ царствованіе Елизаветы Петровны изъ принадлежащихъ ему 400 душъ крестьянъ продалъ въ рекруты около половины мужского населенія, такъ что у него остались почти одни малолѣтніе и старики, которые, будучи не годными для рекрутчины, продолжали, однако, платить оброкъ. Въ 1780-хъ годахъ даже въ Петербургъ привозили людей цѣлыми барками для продажи. Одинъ иностранецъ, путешествовавшій по Россіи въ 1787—88 г.г., пріѣхавъ въ Тулу, увидѣлъ на площади до 40 дѣвушекъ, выведенныхъ на продажу,

и на вопросъ его: «Неужели люди продаются, какъ скотина?»—получилъ отвѣтъ: «Помѣщикъ можетъ продать мужа отъ жены, жену отъ мужа, дѣтей отъ родителей, избу, корову, даже одежду своихъ крѣпостныхъ». Но при этомъ полномъ отсутствіи права крѣпостныхъ даже на движимое имущество, фактически они обыкновенно пользовались имъ, имѣли значительный земельный надѣлъ, а нѣкоторые, болѣе богатые крестьяне покупали иногда на имя помѣщика людей для работъ или отбыванія за нихъ рекрутчины, а въ исключительныхъ случаяхъ владѣли, подъ покровомъ имени своего господина, даже населенными имѣніями.

Беззащитность личности крѣпостныхъ сказывалась не только въ продажѣ ихъ, какъ рабовъ, но и въ тѣхъ ужасныхъ истязаніяхъ, которымъ подвергали ихъ жестокіе помѣщики. Запрещены были закономъ только изувѣченіе и убійство. Помѣщикъ могъ даже ссылать крѣпостныхъ не старѣе 45 л. на вѣчное житье въ Сибирь вмѣстѣ съ ихъ женами, получая еще за ссылаемыхъ мужского пола съ 15 лѣтъ рекрутскую квитанцію, а за дѣтей обоего пола денежное вознагражденіе. Наконецъ, бракъ крѣпостныхъ зависѣлъ отъ усмотрѣнія господина, такъ какъ кое-какія ничтожныя, указанныя въ законѣ, ограниченія помѣщичьей власти въ этомъ отношеніи обыкновенно не соблюдались.

Наиболѣе сжатое и близкое къ истинѣ опредѣленіе крѣпостного права для начала царствованія имп. Екатерины II далъ В. Н. Строевъ: «Крѣпостное право было правомъ помѣщика на личность крестьянина, ограниченнымъ, однако, тѣмъ, что послѣдній не переставалъ быть членомъ государства, несъ извѣстныя повинности въ его пользу и потому пользовался его защитой. При этомъ помѣщикъ являлся по отношенію къ крѣпостнымъ не только собственникомъ, но также финансовымъ и судебно-полицейскимъ агентомъ правительства (такъ какъ долженъ былъ не допускать своихъ крестьянъ до нищенства».[1]) Въ дѣйствительности защита со стороны государства сводилась почти къ нулю, но тѣмъ не менѣе фактическое положеніе огромнаго большинства крѣпостныхъ крестьянъ было все же лучше, чѣмъ можно было бы ожидать въ виду ихъ почти полнаго безправія по закону [2]).

Имп. Екатерина до восшествія на престолъ мечтала объ освобожденіи крестьянъ: въ своихъ замѣткахъ, набросанныхъ въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны, она писала: «противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей: они всѣ раждаются свободными»; она считала рабство вреднымъ и для государства, такъ какъ «оно подрываетъ промышленность и благосостояніе», и полага-

---

[1]) «Крестьянскій вопросъ въ Екатерининской Комиссіи». «Русская Старина» 1902 г. № 10, стр. 166.

[2]) Подробнѣе обо всемъ этомъ см. въ моей книгѣ: «Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II», т. I, изд. 2, Спб., 1903.

ла, что можно постепенно уничтожить крѣпостное право, объявляя крестьянъ свободными во всѣхъ имѣніяхъ, переходящихъ въ руки новаго владѣльца. Но вопросъ объ устройствѣ поземельныхъ отношеній помѣщика и освобожденныхъ крестьянъ оставался открытымъ.

На встрѣчу либеральнымъ стремленіямъ императрицы въ крестьянскомъ дѣлѣ по восшествіи ея на престолъ пошли нѣкоторыя лица, указывавшія, впрочемъ, на необходимость ограниченія крѣпостного права, а не совершеннаго его уничтоженія. Такъ въ 1763 г. П. И. Панинъ предлагалъ императрицѣ запретить торговлю рекрутами, дозволить продажу людей лишь цѣлыми семьями и составить положеніе о крестьянскихъ повинностяхъ не для обнародованія его, но для секретнаго предписанія всѣмъ губернаторамъ, чтобы они могли руководствоваться этимъ положеніемъ при внушеніяхъ помѣщикамъ, притѣсняющимъ своихъ крестьянъ [1]). Нашъ посланникъ въ Парижѣ, кн. Дмит. Алексѣев. Голицынъ, очень дружившій съ Дидро, переписывавшійся съ Вольтеромъ и бывшій ревностнымъ посѣтителемъ собраній физіократовъ у Мирабо, предлагалъ въ 1765 г. даровать крѣпостнымъ право собственности на движимое имущество и дозволить имъ жаловаться на помѣщиковъ, для чего совѣтовалъ учредить странствующихъ судей или трибуналы въ городахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вооружался противъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны государства для освобожденія крѣпостныхъ, желая предоставить это дѣло частной иниціативѣ дворянъ и совѣтовалъ императрицѣ показать въ дворцовыхъ вотчинахъ примѣръ личнаго освобожденія крестьянъ безъ земли. И. П. Елагинъ, въ началѣ 1766 года, указывая на необходимость дать крѣпостнымъ крестьянамъ землю въ потомственное пользованіе подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей [2]) и опредѣлить размѣръ ихъ денежныхъ взносовъ и работъ, также предлагалъ начать этотъ опытъ съ дворцовыхъ имѣній, но осуществленіе его плана соединялось съ насильственнымъ разрушеніемъ общиннаго землевладѣнія и искусственнымъ устройствомъ дворовъ по 4 работника въ каждомъ.

---

[1]) Напротивъ, гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ настаивалъ, чтобы дворянамъ была дана неограниченная власть надъ крестьянами и чтобы послѣдніе не имѣли права жаловаться на своихъ господъ.

[2]) Это предлагалъ лифляндскій пасторъ Эйзенъ еще Петру III. Затѣмъ въ 1764 г. онъ напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Петербургѣ статью о крѣпостномъ правѣ въ Лифляндіи, гдѣ также совѣтовалъ отдать крестьянамъ землю въ потомственное пользованіе за опредѣленный оброкъ. Въ самомъ концѣ этого года Эйзенъ былъ представленъ имп. Екатеринѣ, и она поручила ему осуществить его предложенія въ ея собственномъ имѣніи, селѣ Бронномъ, за Ораніенбаумомъ, но при разработкѣ плана преобразованія онъ нашелъ, что это имѣніе слишкомъ мало для опыта, который долженъ служить образцомъ для всего государства. Въ 1765—6 г.г. онъ началъ такой же опытъ въ Ропшѣ, имѣніи гр. Орлова, но дѣло и здѣсь не быдо доведено до конца.

Въ своемъ Наказѣ комиссіи для составленія новаго уложенія, напечатанномъ въ іюлѣ 1767 г., имп. Екатерина говоритъ и о крестьянскомъ вопросѣ, но не ставитъ уже своею цѣлью освобожденіе крестьянъ, а считаетъ необходимымъ лишь ограниченіе крѣпостного права. Екатерина прочла свой трудъ до напечатанія его нѣсколькимъ приближеннымъ, и по ихъ совѣту, очевидно не желая раздражить дворянъ, сильно сократила главу XI о несвободныхъ людяхъ. Предписаніе помѣщикамъ, чтобы они брали болѣе умѣренный оброкъ, наказаніе тѣхъ изъ нихъ, которые мучаютъ своихъ крѣпостныхъ, огражденіе ихъ правъ на имущество и предоставленіе имъ свободы жениться по своему усмотрѣнію—вотъ что считала необходимымъ Екатерина въ печатной редакціи Наказа; вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно съ мнѣніемъ Монтескьё, она утверждала, что «не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ» [1]). Поэтъ Сумароковъ въ замѣчаніяхъ на Наказъ имп. Екатерины горячо протестовалъ противъ уничтоженія крѣпостного права.

Высказавъ въ Наказѣ пожеланія относительно ограниченія крѣпостного права, имп. Екатерина желала выяснить себѣ вопросъ, слѣдуетъ ли предоставлять крестьянамъ право собственности на землю. Поэтому при посредствѣ Вольнаго Экономическаго Общества, незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго, она поставила на рѣшеніе не только русскихъ людей, но и Западной Европы вопросъ, въ чемъ должна состоять собственность земледѣльца—въ землѣ, которую онъ обрабатываетъ, или въ движимости. Насъ интересуютъ лишь тѣ отвѣты на эту задачу, которые удостоились награды или почетнаго отзыва, такъ какъ это показываетъ отношеніе къ данному вопросу членовъ петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Всѣ, обратившія на себя вниманіе сочиненія, были либеральнаго направленія: Беарде-де-Лабей,

---

[1]) Въ печатный Наказъ не вошли пожеланія Екатерины II, высказанныя въ неизданной редакціи главы XI, объ учрежденіи сельскаго суда изъ крестьянъ, дарованіи свободы изнасилованной помѣщикомъ женщинѣ со всѣмъ ея семействомъ, запрещеніи вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя и опредѣленіи величины выкупа. Въ неизданной редакціи есть еще слѣдующее любопытное мѣсто: «Если государственная какая причина или польза частная не дозволяютъ въ нѣкоторыхъ державахъ сдѣлать земледѣльцевъ свободными, въ опасеніи, чтобы земли не остались неоранными чрезъ ихъ побѣгъ, то можно сыскать средство, чтобы, такъ сказать, къ землѣ привязать и утвердить на ней сихъ самыхъ земледѣльцевъ, оставляя имъ ихъ землю, самимъ и дѣтямъ ихъ также, на такъ долгое время, какъ они ее обрабатывать будутъ по договору, съ ними учиненному, за цѣну или дань, сходственную съ плодами той земли». Упомянувъ далѣе о постановленіи лифляндскаго ландтага 1765 г. относительно точнаго опредѣленія повинностей крестьянъ и величины наказаній и предоставленія имъ права собственности на движимое имущество, Екатерина II прибавляетъ: «Все сіе весьма будетъ полезно для уменьшенія суровства (la tyrannie) домашняго».

автора труда, получившаго первую награду и напечатаннаго не только въ подлинникѣ, на французскомъ языкѣ, но и въ русскомъ переводѣ, послѣ подготовительныхъ мѣръ съ цѣлью сдѣлать крестьянъ болѣе достойными свободы, совѣтовалъ даровать имъ личную свободу и право на движимое имущество и лишь послѣ того надѣлить ихъ маленькимъ клочкомъ земли, который не обезпечивалъ бы ихъ существованія и при которомъ они должны были бы брать въ аренду землю у помѣщика. Вольтеръ въ своемъ отвѣтѣ, удостоенномъ почетнаго отзыва, предлагалъ предоставить уничтоженіе крѣпостного права инициативѣ самихъ дворянъ и ничего не имѣлъ противъ безземельнаго освобожденія. Мармонтель въ своемъ разсужденіи, также получившемъ почетный отзывъ, высказался за освобожденіе крестьянъ и предоставленіе имъ земли въ безсрочное пользованіе за опредѣленный взносъ деньгами или натурой и посовѣтовалъ не спѣшить съ дарованіемъ свободы посредствомъ правительственныхъ мѣръ. Весьма замѣчательно сочиненіе француза Граслена, напечатанное Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ подлинникѣ вмѣстѣ съ разсужденіемъ Беарде-де-Лабея и двумя отвѣтами на нѣмецкомъ языкѣ. Граслѣнъ считаетъ совершеннымъ извращеніемъ естественнаго порядка вещей какъ рабство, такъ и то, что правомъ собственности на землю пользуются люди, не занимающіеся ея обработкою. [1]) Авторы нѣмецкихъ отвѣтовъ, обратившихъ на себя вниманіе ученаго общества, рекомендуютъ для даннаго времени не освобожденіе крестьянъ, а предоставленіе имъ земли въ наслѣдственное пользованіе за опредѣленныя повинности; но нѣкоторые предлагали наиболѣе исправныхъ крестьянъ вскорѣ награждать и дарованіемъ свободы. Мнѣніе русскаго писателя Полѣнова, удостоенное награды второй степени, осталось вовсе не напечатаннымъ, такъ какъ онъ подвергъ заслуженному осужденію отношенія между помѣщиками и крѣпостными въ Россіи. Что касается положительныхъ требованій Полѣнова, то онъ настаивалъ на предоставленіи крестьянамъ земли въ наслѣдственное «владѣніе» съ тѣмъ, чтобы только судъ могъ передать ее другому въ случаѣ неисправнаго взноса за нее повинностей (онъ называетъ это даже «собственностью»), на прекращеніи продажи крестьянъ въ розницу безъ земли, огражденіи отъ произвола помѣщика движимаго имущества крестьянина, точномъ опредѣленіи его повинностей и предоставленіи права выкупаться на свободу за опредѣленную сумму, но ставилъ исполненіе этихъ мѣръ въ зависимость отъ желанія

---

[1]) «Общественное благо требуетъ», говоритъ онъ, «чтобы земля была собственностью единственно и исключительно тѣхъ, кто ее обрабатываетъ». Въ конкурсѣ принялъ участіе и находившійся въ то время въ Петербургѣ извѣстный физіократъ Мерсье-де-Ларивьеръ, но его неоконченное сочиненіе не поспѣло къ сроку и потому не было разсмотрѣно.

К. Трутовскій. Земское собраніе въ провинціи.

самихъ помѣщиковъ, на которыхъ совѣтовалъ дѣйствовать примѣромъ — введеніемъ подобныхъ реформъ въ дворцовыхъ волостяхъ [1]).

Въ Комиссіи для составленія новаго уложенія высказаны были въ 1768 г. нѣкоторые протесты противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ, но среди депутатовъ отъ дворянства встрѣтило нѣкоторое сочувствіе лишь одно предложеніе относительно ограниченія помѣщичьей власти, а именно требованіе запретить продажу людей по одиночкѣ. Продолжительныя пренія возбудило предложеніе депутата отъ козловскаго дворянства Коробьина опредѣлить закономъ повинности крестьянъ и дать имъ право собственности на имѣніе [2]). Противники мнѣнія Коробьина указывали на невозможность опредѣлить закономъ размѣръ крестьянскихъ повинностей въ виду чрезвычайнаго разнообразія мѣстныхъ условій въ различныхъ районахъ Россіи; были сдѣланы также основательныя указанія на тотъ вредъ, который можетъ принести предоставленіе крестьянамъ права собственности на землю, такъ какъ это повело бы къ распродажѣ многими изъ нихъ своихъ земель; въ подтвержденіе этого ссылались на положеніе однодворцевъ и черносошныхъ (государственныхъ) крестьянъ, среди которыхъ было много безземельныхъ.

Проектъ правъ благородныхъ, выработанный въ частной комиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей (при большой екатерининской законодательной комиссіи), предоставлялъ помѣщикамъ право обращать деревни съ крѣпостными крестьянами въ деревни со свободнымъ населеніемъ, т. е. даровать крестьянамъ личную свободу безъ земли. При обсужденіи проекта правъ благородныхъ многіе депутаты отъ дворянъ высказались противъ этого предложенія, другіе находили его недостаточно выясненнымъ; за принятіе его говорили Коробьинъ и депутатъ отъ дворянъ изюмской провинціи Татищевъ, ссылавшійся на примѣръ Англіи. Но во всякомъ случаѣ эти пренія показали, что огромное большинство дворянъ не раздѣляло въ то время мысли о полезности

---

1) Нѣсколько позднѣе окончательно выяснились взгляды на крестьянскій вопросъ кн. Д. А. Голицына. Онъ соглашался лишь на то, чтобы крестьянамъ была дана личная свобода, и считалъ весьма выгоднымъ для помѣщиковъ такое безземельное освобожденіе крѣпостныхъ. Крестьянинъ превращается такимъ образомъ въ простого арендатора: мысль о надѣленіи его помѣщичьею землею въ иной формѣ кажется Голицыну просто нелѣпостью. Государство должно только уничтожить законъ, запрещавшій крестьянамъ покупать землю. Съ величайшимъ сочувствіемъ отнесся Голицынъ къ предложенію кн. Гагарина дозволить крестьянамъ выкупаться на свободу безъ земли за слишкомъ большой для того времени выкупъ—въ 250 р. съ души.

2) Во время этихъ преній депутатъ отъ шляхетства Екатерининской провинціи Козельскій совѣтовалъ ограничить барщину двумя днями или установить соотвѣтственный оброкъ и, отдѣливъ крестьянскія земли отъ помѣщичьихъ, отдать ихъ крѣпостнымъ въ «потомственное владѣніе» безъ права отчужденія.

для нихъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, которую уже успѣлъ усвоить во время пребыванія въ Западной Европѣ кн. Д. А. Голицынъ.

Въ той же частной комиссіи былъ составленъ и проектъ крестьянскихъ правъ. Члены ея Вольфъ и Унгернъ-Штернбергъ въ своихъ проектахъ сдѣлали нѣкоторыя предложенія относительно ограниченія крѣпостного права, но въ проектѣ, выработанномъ этою частною комиссіею, все улучшеніе быта крѣпостныхъ сводилось къ запрещенію при продажѣ разлучать мужа съ женою и родителей съ малолѣтними дѣтьми моложе 7 лѣтъ. Проектъ крестьянскихъ правъ вовсе не обсуждался въ большой законодательной комиссіи, такъ какъ, когда онъ былъ готовъ, ея засѣданія уже прекратились. Такимъ образомъ требованіе въ начертаніи о приведеніи къ окончанію комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, составленномъ гр. Анд. Пет. Шуваловымъ и сильно исправленномъ императрицею, относительно необходимости ограничить злоупотребленія (помѣщиковъ) осталось невыполненнымъ [1]); не были приняты и тѣ мѣры, полезность которыхъ признавала Екатерина II въ печатной редакціи Наказа [2]).

Бремя крѣпостного права вызывало иногда волненіе крѣпостныхъ крестьянъ, но они были въ то время болѣе рѣдкимъ явленіемъ, чѣмъ во вторую четверть XIX вѣка, передъ паденіемъ крѣпостного права. Крѣпостные приняли дѣятельное участіе въ Пугачевщинѣ и при посредствѣ пугачевскихъ манифестовъ заявили на всю Россію, что имъ нужна свобода, и притомъ не иначе какъ съ землею.

Первоначально Пугачевъ говорилъ иногда, что намѣренъ отнять у дворянъ деревни и опредѣлить имъ жалованье. Затѣмъ стали разорять помѣщичьи имѣнія, убивать владѣльцевъ и давать волю крѣпостнымъ. Въ одномъ указѣ, еще до перехода черезъ Волгу, Пугачевъ отмѣняетъ подати и рекрутскіе наборы, а также повинности помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу дворянъ. 31 іюля 1774 г., на другой день послѣ выступленія изъ Саранска (Пензенской провинціи), онъ обнародовалъ слѣдующій замѣчательный манифестъ, заставившій радостно биться всѣ крѣпостныя сердца: «Жалуемъ симъ именнымъ указомъ съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ всѣмъ находившимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподданными рабами собственной нашей короны, и награждаемъ древнимъ крестомъ и мо-

[1]) Въ «Начертаніи» были повторены приведенныя выше слова изъ неизданной редакціи Наказа объ «утвержденіи» на землѣ крестьянъ, но не упоминалось о договорахъ съ ними.

[2]) Дворовые въ составленныхъ въ то время виршахъ жаловались, что они не имѣютъ правъ на отцовское имущество, что имъ не дозволяютъ жаловаться на господъ, если тѣ даже убьютъ кого-либо изъ нихъ, что за жалобу на помѣщика ихъ велѣно наказывать кнутомъ, что ихъ отвратительно кормятъ. Наконецъ, они отмѣтили, что господа «въ свою нынѣ пользу законы перемѣняютъ: холопей въ депутаты затѣмъ не выбираютъ».

литвою, головами и бородами, вольностію и свободой вѣчно козаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, во владѣніе землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями и соляными озерами безъ покупки и безъ оброку, и освобождаемъ (отъ) всѣхъ прежде чинимыхъ отъ злодѣевъ дворянъ и градскихъ мздоимцевъ и судей крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ». Въ этомъ манифестѣ крѣпостные нашли то, чего они всегда страстно желали—освобожденіе отъ помѣщичьей власти съ щедрымъ надѣленіемъ землею, даже болѣе того, о чемъ они осмѣливались мечтать,—безъ всякой за нее платы. Читая этотъ манифестъ, крѣпостные должны были думать: да, это настоящій царь, это истинно царскія милости. Въ этомъ убѣждали и рѣчи, которыя Пугачевъ держалъ къ народу: «Я вамъ законный императоръ», говорилъ онъ въ Саратовѣ, «жена моя увлеклась на сторону дворянъ, и я поклялся передъ Богомъ истребить ихъ всѣхъ до единаго. Они склонили ее, чтобъ всѣхъ васъ отдать имъ въ рабство, но я этому воспротивился, и они вознегодовали на меня, подослали убійцъ, но Богъ меня спасъ». Развѣ не правда, что императрица «увлеклась на сторону дворянъ»: она не только дозволила помѣщикамъ отдавать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу, но даже запретила какія бы то ни было жалобы на помѣщиковъ; что же мудренаго въ томъ, что она рѣшила теперь отдать въ рабство барамъ весь народъ. А при Петрѣ III раскольники могли вздохнуть свободнѣе, онъ уничтожилъ тайную канцелярію, его указъ о непокупкѣ имѣній къ фабрикамъ и заводамъ былъ во многихъ мѣстахъ понятъ, какъ полное прекращеніе обязательныхъ заводскихъ работъ. Охотно вѣрили принявшему на себя его имя, а если кто и сомнѣвался, то утѣшалъ себя словами: «коли бъ намъ Богъ далъ хотя одинъ годъ на волѣ пожить: теперь всѣ мы помучены». Вездѣ стали говорить: «настали для господъ послѣднія времена; мы теперь у господъ и чиновныхъ людей не подъ началомъ». «Прошла ваша пора!» говорилъ крестьянинъ, обращаясь къ барину. Послѣдніе манифесты были уже не «простыя козацкія сочиненія», какъ назвала Екатерина II пугачевскіе листы, полученные ею въ январѣ 1774 г.; это, какъ мы видѣли, была настоящая жалованная грамата всему крестьянскому люду, хартія, по основаніи которой предстояло создать новое козацко-мужицкое царство. Въ концѣ манифеста Пугачева 31 іюля 1774 г. было сказано: «Кои прежде были дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, оныхъ противниковъ нашей власти и возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ ловить, казнить и вѣшать и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ вами, крестьянами, по истребленіи которыхъ противниковъ и злодѣевъ дворянъ всякій можетъ восчувствовать тишину и покойную жизнь, коея до вѣки придерживаться бу-

демъ».—«Руби столбы, заборы повалятся», говорили пугачевцы, истребляя дворянъ. Новое общественное зданіе должно было покоиться на совершенно иныхъ устояхъ; въ немъ всѣ должны были быть равны, господамъ въ немъ не было мѣста. Опасались, что Пугачевъ пойдетъ на Москву, и тамъ среди дворянъ была паника; опасались повторенія возстанія, бывшаго во время чумы въ 1771 г. По свидѣтельству современника, дворовые, фабричные рабочіе «и вся многочисленная чернь московская... почти явно оказывала... свое расположеніе и приверженность къ самозванству». Дворовые списывали манифестъ Пугачева отъ 31 іюля. Другой современникъ (французъ Тезби де Белькуръ) свидѣтельствуетъ, что еще ранѣе (въ концѣ февраля и въ началѣ марта 1774 г.) «духъ смуты распространился въ Москвѣ... Весь городъ былъ въ волненіи. Во всѣхъ съѣзжихъ домахъ постоянно сѣкли, но и это строгое наказаніе никого не устрашало... Казалось, грозило всеобщее возстаніе». Люди гр. Толстого «были приговорены къ битью кнутомъ, но и подъ ударами кричали ура Петру III». [1]) «Пугачевскіе листы», т. е. прокламаціи, продолжали проникать въ Москву, и въ сентябрѣ 1774 г. московскій генералъ-губернаторъ, кн. Волконскій, доводитъ до свѣдѣнія имп. Екатерины объ арестѣ нѣсколькихъ человѣкъ, распространявшихъ такіе листы [2]).

Пугачевщина ясно показала, что необходимо принять мѣры для ограниченія крѣпостного права, но это понимали лишь немногіе болѣе образованные администраторы; къ числу ихъ принадлежалъ новгородскій губернаторъ Сиверсъ, совѣтовавшій императрицѣ ограничить право помѣщиковъ наказывать крѣпостныхъ и ссылать ихъ въ Сибирь безъ судебнаго разбирательства, установить размѣръ выкупа на свободу, дозволить крѣпостнымъ жениться по своей волѣ; онъ предлагалъ также разрѣшить купцамъ 1 и 2 гильдіи покупать людей къ фабрикѣ (что было запрещено при Петрѣ III и при Екатеринѣ II) и къ ремеслу, хотя бы въ ограниченномъ количествѣ, съ тѣмъ, чтобы дѣти такихъ людей были свободны. Но всѣ эти совѣты не были исполнены. Въ 1780 г. 16 ораніенбаумскихъ и ямбургскихъ дворянъ (въ числѣ ихъ кн. Петръ Трубецкой, гр. Христоф. Минихъ, Александръ Нарышкинъ, бар. Ив. Черкасовъ, кн. М. Волконскій и др.) составили по взаимному соглашенію правила, опредѣляющія размѣръ повинностей ихъ крестьянъ, но слишкомъ мало ихъ ограничивающія; неизвѣстно, впрочемъ, примѣнялись ли они на дѣлѣ.

---

[1]) (*Fr. A. Thesby de Belcour.*) «Relation ou Journal d'un officier françois au service de la Confédération de Pologne, pris par les Russes et relégué en Siberie». Amsterdam, 1776, p. 224.

[2]) «Русская Старина» 1875 г., іюль, 440. Въ ученіи нѣкоторыхъ сектантовъ, напримѣръ, молоканъ, также сказалось отрицательное отношеніе народа къ крѣпостному праву: духоборы проповѣдывали равенство всѣхъ людей.

Въ 1785 г. было составлено одно изъ самыхъ замѣчательныхъ консервативныхъ мнѣній по крестьянскому вопросу, относительно котораго подтвердилось мое предположеніе, что оно принадлежитъ кн. М. М. Щербатову. Авторъ прежде всего разсматриваетъ вопросъ о личномъ, безземельномъ освобожденіи крестьянъ, при чемъ имъ было бы дозволено переходить съ мѣста на мѣсто и арендовать землю, и доказываетъ, что такая мѣра была бы крайне для нихъ вредна. Затѣмъ онъ возражаетъ противъ предоставленія крестьянамъ земли въ собственность, какъ какъ результатомъ права отчуждать свой участокъ будетъ обезземеленіе многихъ въ пользу болѣе богатыхъ членовъ крестьянскаго общества, сильное развитіе имущественнаго неравенства. Однако, вся аргументація автора могла бы быть опровергнута предложеніемъ освободить крестьянъ не только съ землею, но и съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія.

Такимъ образомъ въ царствованіе имп. Екатерины II мы встрѣчаемъ не мало указаній на то, что̀ слѣдуетъ сдѣлать для ограниченія крѣпостного права. Однако, съ этою цѣлью было принято правительствомъ лишь нѣсколько ничтожныхъ частныхъ мѣръ: была запрещена продажа людей безъ земли только при продажѣ имѣній съ аукціона и годныхъ въ рекруты въ теченіе трехъ мѣсяцевъ предъ рекрутскимъ наборомъ, запрещено вольноотпущеннымъ и вольнымъ людямъ «разныхъ народовъ», «безъ изъятія рода и закона», закрѣпощать себя, запрещено считать незаконнорожденныхъ подкидышей крѣпостными ихъ воспитателей, прекращено закрѣпощеніе малолѣтнихъ незаконнорожденныхъ отъ свободныхъ матерей, законнорожденныхъ сиротъ, ходящихъ по міру, военноплѣнныхъ, принявшихъ православіе, хотя бы они были женаты на крѣпостныхъ, и безмѣстныхъ церковниковъ и подготовлено было окончательное уничтоженіе правила «по рабѣ холопъ», т. е. закрѣпощенія свободнаго человѣка вслѣдствіе женитьбы на крѣпостной. Но рядомъ съ этими незначительными мѣрами для ограниченія крѣпостного права издавались указы, еще болѣе ухудшавшіе положеніе крѣпостныхъ, какъ, напримѣръ, дозволеніе помѣщикамъ отдавать своихъ людей въ каторжную работу съ правомъ брать ихъ обратно по своему усмотрѣнію. Въ это же царствованіе прекращены были переходы крестьянъ въ Малороссіи и Слободской Украйнѣ. Наконецъ, при Екатеринѣ II производилось весьма неумѣренно пожалованіе населенныхъ имѣній въ полную собственность (всего было пожаловано 850.000 д. об. пола). Но если приходится признать, что при Екатеринѣ II было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и распространенія крѣпостного права, чѣмъ для его ограниченія, то нельзя не считать ея большою заслугою, что въ первые годы ея царствованія она возбудила вниманіе общества къ вопросу о необходимости улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

II.

Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ имп. Павла началось броженіе въ очень многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ почти всей европейской Россіи. Основною причиною его было тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, увеличеніе барщины и оброковъ, обременительныя работы на помѣщичьихъ фабрикахъ и винокуренныхъ и другихъ заводахъ, истязанія, которымъ они подвергались, иногда отрѣзка у нихъ земли; поводами же къ волненіямъ послужили приведеніе крѣпостныхъ къ присягѣ императору, чего не дѣлалось со времени вступленія на престолъ имп. Елизаветы, и именной указъ 12 декабря 1796 г., запретившій подавать коллективныя жалобы, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускавшій жалобы отдѣльныхъ лицъ. Броженіе выражалось различно: въ подачѣ прошенія императору, въ прекращеніи исполненія слишкомъ обременительныхъ повинностей, иногда въ убійствѣ ненавистныхъ притѣснителей и, наконецъ, въ открытомъ сопротивленіи властямъ и даже посланнымъ для усмиренія крестьянъ военнымъ отрядамъ. Такія проявленія недовольства помѣщичьихъ крестьянъ своимъ положеніемъ извѣстны въ 280 помѣщичьихъ имѣніяхъ на пространствѣ 32 губерній европейской Россіи. Броженіе это продолжалось цѣлый годъ съ ноября 1796 г. по ноябрь включительно 1797 г.; всего сильнѣе оно сказалось въ декабрѣ 1796 г., въ январѣ и маѣ 1797 г. Въ своихъ прошеніяхъ императору крѣпостные крестьяне очень часто просили его отобрать ихъ отъ помѣщика и сдѣлать казенными; мѣстами ходили слухи, что государь уже далъ такое повелѣніе и что не слѣдуетъ вносить оброкъ болѣе того, что платятъ казенные крестьяне. Сильнѣе другихъ мѣстностей броженіе среди крестьянъ сказалось въ губерніяхъ Владимірской, Бѣлорусской, Тверской, Орловской и Псковской. Въ послѣдней волненіе обнаружилось въ нѣсколькихъ уѣздахъ. Въ одномъ имѣніи Холмскаго уѣзда присланная для усмиренія крестьянъ рота солдатъ была окружена крестьянами, при чемъ исправнику были нанесены смертельныя раны, и онъ и офицеръ были взяты въ плѣнъ. Но черезъ десять дней крестьяне были здѣсь усмирены. Наиболѣе острую форму приняли волненія среди крестьянъ Апраксина и кн. Голицыной въ Сѣвскомъ уѣздѣ, Орловской губ., въ которыхъ было 13.000 душъ. Крестьяне кн. Голицыной заставили губернатора отступить съ цѣлымъ гусарскимъ полкомъ, но принуждены были покориться другому, вновь назначенному, послѣ того, какъ онъ сжегъ 50 дворовъ и хлѣбные магазины. Прибывшій затѣмъ кн. Н. В. Репнинъ, которому поручено было усмиреніе крестьянъ, заставилъ крестьянъ Апраксина покориться, стрѣляя въ нихъ изъ пушекъ, заряженныхъ картечью, при чемъ 20 человѣкъ было убито и до 70 ранено. Трупы убитыхъ были лишены христіанскаго погребенія и зарыты съ

надписью: «Тутъ лежатъ преступники противъ Бога, государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечемъ по Закону Божію и государеву»; ихъ дома были истреблены до основанія. Но ограничиться однѣми репрессивными мѣрами было невозможно: слишкомъ ужъ настоятельно сказывалась необходимость сдѣлать что-либо для ограниченія крѣпостного права.

Манифестомъ, изданнымъ въ день своего коронованія, 5 апрѣля 1797 г., Павелъ повелѣлъ «всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлѣ 6 дней, по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ, въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ». Заставлять крестьянъ работать по воскресеньямъ и праздникамъ было запрещено еще Уложеніемъ Алексѣя Михайловича, что же касается установленія трехдневной барщины манифестомъ имп. Павла, то Радищевъ имѣлъ основаніе замѣтить, что оно скорѣе походило на увѣщаніе соблюдать издавна установившійся обычай, чѣмъ на положительный законъ, не говоря уже о томъ, что манифестъ былъ слишкомъ кратокъ и не разрѣшалъ многихъ вопросовъ относительно барщиннаго труда. Но самъ Павелъ считалъ, что этимъ закономъ барщина была ограничена тремя днями, какъ это видно изъ того, что, вновь разрѣшая указомъ 16 марта 1798 г. покупку крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, запрещенную при Петрѣ III и Екатеринѣ II, онъ повелѣлъ, чтобы «согласно манифесту» 5 апрѣля 1797 г. изъ купленныхъ крестьянъ только половина годныхъ въ работу «всегда въ работѣ заводской находилась». Когда вслѣдствіе нѣсколькихъ волненій крестьянъ при Павлѣ обнаружилось, что помѣщики не соблюдали манифеста 5 апрѣля, то губернаторы подтверждали объ его исполненіи, и судебная палата признавала незаконными работы болѣе трехъ дней въ недѣлю, но оправдалось и предсказаніе Радищева, что это мѣра имп. Павла будетъ имѣть «не великое дѣйствіе» [1]). Однако, правительство и въ послѣдующее время смотрѣло на манифестъ 1797 г., какъ на ограниченіе закономъ размѣра барщины, и Сперанскій въ 1809 г. въ своемъ знаменитомъ «Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ», упоминая о манифестѣ имп. Павла, говоритъ, что это «постановленіе о раздѣлѣ поселянскихъ работъ съ ограниченіемъ ихъ тремя днями» весьма

---

[1]) Такъ, напр., есть указаніе, что на уральскихъ горныхъ заводахъ законъ о трехдневной барщинѣ никогда не примѣнялся; мы увидимъ ниже, что онъ нерѣдко нарушался и въ другихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

примѣчательно, «потому что оно со времени укрѣпленія крестьянъ помѣщикамъ есть въ семъ родѣ первое» [1]).

Кромѣ того при имп. Павлѣ крѣпостные, «ищущіе вольности», т. е. доказывающіе неправильность закрѣпощенія своего или своихъ предковъ, были поставлены въ болѣе благопріятныя условія. Наконецъ, относительно Малороссіи имп. Павелъ не согласился съ предложеніемъ сената разрѣшить въ ней продажу крестьянъ безъ земли.

Но наряду съ этимъ шли мѣры, ухудшавшія положеніе крестьянъ. Имп. Павелъ, еще будучи наслѣдникомъ престола, пришелъ къ убѣжденію, будто бы положеніе крѣпостныхъ крестьянъ лучше, чѣмъ государственныхъ, и потому уже тогда выражалъ намѣреніе всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ [2]). Онъ не успѣлъ вполнѣ осуществить свою злополучную мысль, однако, въ его четырехлѣтнее царствованіе было роздано около 600.000 душъ крестьянъ обоего пола, половину которыхъ составляли дворцовыя волости въ Великороссіи. Такимъ образомъ имп. Павелъ далеко превзошелъ свою мать въ неумѣренномъ пожалованіи населенныхъ имѣній, такъ какъ, хотя она и раздала крестьянъ на 250.000 душъ болѣе, чѣмъ ея преемникъ, но, во-первыхъ, сдѣлала это не въ 4 года, а въ 35 лѣтъ, а, во-вторыхъ, въ числѣ пожалованныхъ ею имѣній было не мало конфискованныхъ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, при чемъ крестьянамъ приходилось только смѣнить одного владѣльца на другого, между тѣмъ какъ ея преемникъ закрѣпостилъ болѣе 300.000 д. об. п. дворцовыхъ крестьянъ, положеніе которыхъ въ это время было почти одинаково съ казенными. Кромѣ того, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ имп. Павла были прикрѣплены къ землѣ крестьяне на Дону и въ губерніяхъ: Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Таврической.

---

[1]) Онъ внесъ его въ Сводъ Законовъ (1-е изд.—1832 г.) и даже, преувеличивая значеніе этого закона, называетъ его въ 1836 г. «основнымъ въ крѣпостномъ состояніи... въ томъ смыслѣ, что на немъ можно основать, не колебля настоящаго порядка, законное крѣпостное право, столь же выгодное для помѣщиковъ, какъ и справедливое для крестьянъ».

[2]) Къ мысли о необходимости помѣщичьей опеки его могло привести между прочимъ слѣдующее обстоятельство. Англичанинъ Свинтонъ, посѣтившій Россію въ концѣ 1780-хъ и началѣ 1790-хъ г. г., говоритъ, что когда до цесаревича Павла дошли жалобы крестьянъ нѣкоторыхъ его собственныхъ имѣній, онъ «приказалъ привести ихъ въ такое же положеніе, въ какомъ находятся англійскіе фермеры, со взносомъ ничтожной арендной платы, снабдивъ ихъ всѣмъ нужнымъ для хозяйства и давъ имъ наставниковъ для обученія земледѣлію». Вѣроятно, при этомъ было уничтожено общинное землевладѣніе. Крестьяне продали въ два года «свою собственность», прожили полученныя деньги, «оказались не въ состояніи платить даже ничтожный оброкъ... и попросили ввести у нихъ старый порядокъ».

III.

Александръ Павловичъ при Екатеринѣ II слушалъ лекціи Лагарпа, въ которыхъ было высказано горячее сочувствіе возстаніямъ римскихъ рабовъ и крестьянъ противъ угнетавшаго ихъ произвола, а при имп. Павлѣ вліятельный государственный дѣятель далъ ему совѣтъ ограничить крѣпостное право. Кн. Безбородко, по просьбѣ своего племянника Кочубея, написалъ въ 1799 г. для цесаревича «записку о потребностяхъ Имперіи Россійской». Въ ней онъ между прочимъ рекомендовалъ принять слѣдующія мѣры: 1) переселять крестьянъ должно не только съ вѣдома правительства, но и съ согласія ихъ самихъ: 2) продавать ихъ должно не иначе, какъ съ землею, «а личную продажу, яко сущее невольничество, запретить даже и въ рекруты»; 3) движимое имущество должно составлять неотъемлемую собственность крестьянъ, а денежные ихъ капиталы не слѣдуетъ обременять поборами въ пользу помѣщика болѣе того, что казна получаетъ съ купеческихъ капиталовъ; 4) необходимы какія-либо мѣры для измѣненія быта дворовыхъ: ихъ нужно, по истеченіи извѣстнаго времени службы, опредѣлять на пашни, замѣняя другими, или отпускать на волю съ тѣмъ, чтобы при новой ревизіи они могли избирать себѣ состояніе по манифесту имп. Екатерины II 1775 г. Предложенія эти, навѣянныя книгою Радищева (1790 г.) «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», не были исполнены во все время существованія крѣпостного права: нѣкоторыя мѣры для ограниченія торговли рекрутами были приняты еще Екатериною II, но ихъ умѣли обходить, а пріобрѣтать людей безъ земли было запрещено при Николаѣ I только дворянамъ, не имѣющимъ населенныхъ имѣній. Въ запискѣ, подброшенной Каразинымъ во дворцѣ (черезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ имп. Александра) онъ также совѣтовалъ ему «поставить предѣлы зависимости» помѣщичьихъ крестьянъ; но затѣмъ, когда государь приблизилъ къ себѣ автора записки, онъ убѣждалъ его распродать всѣхъ казенныхъ крестьянъ въ частныя руки.

Въ Совѣтѣ въ 1801 и 1802 г. г. обсуждались проекты о непродажѣ людей безъ земли, однако, мѣра эта осуществлена не была [1]), и государь воспретилъ только печатать въ газетахъ объявленія относительно такой продажи, но ихъ стали замѣнять публикаціями объ отпускѣ въ «услуженіе». Въ неоффиціальномъ комитетѣ, состоявшемъ изъ Новосильцева, Кочубея, Чарторыйскаго и П. А. Строганова, раздавались горячія рѣчи противъ крѣпостного права. Государь далъ себѣ слово прекратить пожалованіе населенныхъ имѣній въ полную соб-

---

[1]) Также безъ всякихъ послѣдствій обсуждалась она въ Государственномъ совѣтѣ и позднѣе въ—1820 г.

ственность и сдержалъ его. Въ комитетѣ шла рѣчь о прекращенiи продажи крестьянъ безъ земли, о выкупѣ въ казну дворовыхъ, объ опредѣленiи повинностей помѣщичьихъ крестьянъ и предоставленiи имъ права имѣть собственность, но все это осталось нерѣшеннымъ [1]).

Въ iюлѣ мѣсяцѣ 1803 г. имп. Александръ бесѣдовалъ объ освобожденiи крестьянъ съ бар. Розенкампфомъ, который утверждалъ, что оно будетъ выгодно дворянамъ: трудъ свободнаго человѣка вдвое производительнѣе труда крѣпостного, и такъ какъ земля останется за помѣщиками, то никогда не будетъ недостатка въ рабочихъ рукахъ для ея воздѣлыванiя; освобожденiе Розенкампфъ совѣтовалъ производить по отдѣльнымъ мѣстностямъ Россiи. Впослѣдствiи такъ думалъ и имп. Александръ, но въ то время онъ находилъ этотъ путь слишкомъ медленнымъ и полагалъ, что права гражданъ должны быть дарованы всей нацiи общимъ кодексомъ, и что этимъ должно заняться прежде всего.

На помощь имп. Александру въ его колебанiяхъ явилась частная инициатива въ лицѣ гр. С. П. Румянцова. Онъ предложилъ дозволить помѣщикамъ отпускать своихъ крестьянъ на волю вмѣстѣ съ землею на извѣстныхъ условiяхъ. Государь весьма сочувственно отнесся къ этой мысли, и 20 февраля 1803 г. появился указъ о такъ называемыхъ «свободныхъ хлѣбопашцахъ». Условiя, заключаемыя на основанiи его между крестьянами и помѣщиками, могли быть трехъ родовъ: 1) когда крестьяне получали свободу съ землею, внеся господину при самомъ освобожденiи извѣстную плату; 2) когда при увольненiи плата разсрочивалась на извѣстное число лѣтъ, въ теченiе которыхъ они обязаны были исполнять въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности, и 3) когда крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, обязывались на извѣстное число лѣтъ, до смерти помѣщика или навсегда, исполнять за находящуюся въ ихъ пользованiи землю извѣстныя работы или платить оброкъ деньгами или продуктами. Стѣснительнымъ условiемъ было то, что, при обращенiи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, помѣщикъ обязывался раздѣлить всю отводимую имъ землю на участки, и каждый крестьянинъ долженъ былъ получить въ собственность опредѣленный участокъ съ планомъ на него,—другими словами общинное землевладѣнiе превращались въ подворное. Впрочемъ, условiе это обыкновенно не соблюдалось, и въ царствованiе имп. Николая производить

---

[1]) Въ 1803 г. Державинъ предложилъ государю пригласить по частямъ изъ нѣсколькихъ губерній губернскихъ предводителей дворянства для заявленія ихъ мнѣній о томъ, какихъ поборовъ и повинностей помѣщики могутъ требовать отъ крестьянъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, а также какимъ тѣлеснымъ наказаніямъ могутъ господа сами подвергать своихъ крѣпостныхъ, не посылая ихъ «въ градскія и сельскія полиціи»; государь сказалъ, что подумаетъ объ этомъ, но что сдѣлать изъ всѣхъ губерній вдругъ «многолюдный вызовъ» онъ находитъ неудобнымъ и небезопаснымъ.

раздѣлъ предоставлено было самимъ крестьянамъ и не одновременно съ освобожденіемъ, а въ опредѣленный въ условіи срокъ. Впослѣдствіи оказалось, что почти вездѣ въ такихъ имѣніяхъ крестьяне не пожелали отказаться отъ общиннаго землевладѣнія.

Число крестьянъ, получившихъ свободу на основаніи закона 1803 г. (какъ оказалось изъ документовъ въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ относительно каждаго изъ 161 увольненій) въ царствованіе имп. Александра I было весьма невелико, а именно 36.891 д. м. п.[1]), но въ высшей степени важное значеніе этого закона заключалось въ томъ, что онъ преграждалъ помѣщикамъ возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлыми вотчинами (впрочемъ, въ четырехъ имѣніяхъ допущено было въ этомъ отношеніи исключеніе). Нужно замѣтить, что 16 помѣщиковъ отпустили на волю своихъ крестьянъ безъ всякой платы,—всего 7443 ч.; но такъ какъ въ томъ числѣ было 7000 д., уволенныхъ виленскимъ помѣщикомъ Карпіемъ по духовному завѣщанію безъ земли, то въ остальныхъ случаяхъ было освобождено безплатно всего 443 д., при чемъ первое мѣсто занимаетъ гр. С. П. Румянцовъ, освободившій такимъ образомъ 199 д. своихъ крестьянъ. Изъ числа увольненій за извѣстное вознагражденіе болѣе половины (57%) всего числа уволенныхъ въ свободные хлѣбопашцы получили свободу за уплату извѣстной суммы сразу или съ разсрочкой. Освобождены были безъ земли 1452 д. м. п. ногайцевъ и 7000 д. помѣщика Карпія, всего 8452 д., да еще 286 душъ вольноотпущенныхъ (которые затѣмъ сами пріобрѣли землю покупкою). Крестьянъ, не исполнившихъ принятыхъ на себя обязательствъ, вновь обращали въ крѣпостное состояніе. Количество уволенныхъ въ свободные хлѣбопашцы было бы значительнѣе, еслибы въ 1804 г. не было запрещено освобождать крестьянъ изъ родовыхъ имѣній по духовному завѣщанію. Нерѣдки были также случаи, что освобожденіе не могло состояться вслѣдствіе того, что помѣщики не желали или не успѣвали до своей смерти исполнить всѣ правила и формальности, требуемыя закономъ 20 февр. 1803 г.

Лифляндскій генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ запретилъ обнародовать въ Лифляндіи указъ 20 февраля 1803 г. и переводить его на латышскій и эстонскій языки, что было одобрено и министромъ внутреннихъ дѣлъ Кочубеемъ. Отчасти, быть можетъ, этимъ объясняется, что въ Остзейскомъ краѣ не было ни одного случая увольненія крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, но главнымъ образомъ это произошло вслѣдствіе того, что въ Прибалтійскомъ краѣ крестьянскій во-

---

[1]) Кромѣ того, въ 1807 г. были куплены казною 13.371 д. у кн. Александра Ник. Голицына и обложены оброкомъ по 10 р. съ души; по выплатѣ такимъ образомъ всей полученной помѣщикомъ суммы съ процентами, ихъ должно было причислить къ свободнымъ хлѣбопашцамъ, однако послѣднее исполнено не было.

просъ былъ разрѣшенъ совершенно иначе. Первоначально крѣпостное право было обращено тамъ до извѣстной степени въ прикрѣпленіе къ землѣ. Правда на лифляндскомъ ландтагѣ 1803 г. былъ поднятъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ безъ земли [1]). Но эти предложенія не встрѣтили сочувствія въ большинствѣ его членовъ и были отвергнуты, а когда о нихъ узналъ государь, то предписалъ генералъ-губернатору не допускать разсмотрѣнія ландтагомъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Зато въ 1804 г. было обнародовано положеніе, почти вполнѣ обращавшее крѣпостное право въ Лифляндіи въ прикрѣпленіе къ землѣ.

На основаніи этого положенія продажа, закладъ и уступка крестьянъ безъ земли были запрещены; дворовыхъ людей можно продать, но только одинъ разъ, и то людямъ, имѣющимъ помѣстья въ Лифляндіи; брать крестьянъ во дворъ безъ ихъ согласія не дозволялось. Крестьянинъ не могъ быть отдѣленъ отъ земли помѣстья безъ его согласія, но не могъ и самъ покинуть ее по своему усмотрѣнію; однако, по приговору приходскаго суда его можно было удалить отъ управленія хозяйствомъ за долги въ извѣстномъ размѣрѣ, небрежность, безпечность и дурное поведеніе, при чемъ его мѣсто заступалъ старшій сынъ. Право крестьянъ на землю было признано неотъемлемымъ и наслѣдственнымъ, кромѣ того случая, когда нужно было довести господскій посѣвъ до высшаго размѣра, разсчитаннаго пропорціанально ординарной барщинѣ и когда не было пустопорожнихъ или дурно обработанныхъ земель. Повинности крестьянъ въ пользу помѣщика были точно опредѣлены. Назначеніе рекрутъ было предоставлено крестьянскому суду, но хозяева были освобождены отъ этой повинности къ невыгодѣ батраковъ и бобылей. Согласія помѣщика на бракъ крѣпостныхъ не требовалось, но они должны были предварительно извѣщать о немъ владѣльцевъ. Право домашней расправы, и то въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, было предоставлено помѣщику только надъ дворовыми и батраками [2]). Величайшій недостатокъ этого положенія заключается въ томъ, что составители его обратили вниманіе исключительно на интересы крестьянъ-хозяевъ и не позаботились о без-

---

[1]) 22 члена его внесли предложеніе, чтобы всѣмъ дѣтямъ крѣпостныхъ крестьянъ въ Лифляндіи, родившимся со времени восшествія на престолъ имп. Александра, и потомству ихъ дать личную свободу, но съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ лишь по достиженіи 21 года могъ отлучиться изъ имѣнія съ согласія крестьянскаго общества, къ которому онъ причисленъ, и чтобы это общество, въ случаѣ увольненія его, было отвѣтственно за лежащія на немъ по закону обязательства. Предложеніе это было дополнено другимъ, чтобы всѣмъ крестьянамъ была дана свобода по прошествіи 21 года со дня восшествія на престолъ Александра I.

[2]) Въ гораздо меньшей степени было ограничено крѣпостное право, какъ увидимъ ниже, эстляндскимъ положеніемъ 1804 г.

земельныхъ батракахъ, которые составляли громадное большинство сельскаго населенія Лифляндіи. Тѣмъ не менѣе въ лифляндскомъ положеніи 1804 г. было очень много мѣръ, распространеніе которыхъ на всю Россію содѣйствовало бы ограниченію крѣпостного права, но оно осталось безъ вліянія въ этомъ направленіи, вѣроятно, потому, что во второй половинѣ десятыхъ годовъ XIX вѣка въ Остзейскомъ краѣ помѣщичьи крестьяне были освобождены безъ надѣленія землею, и лифляндское положеніе 1804 г. отразилось лишь на немногихъ проектахъ измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ.

Сперанскій, лично знавшій Радищева послѣ его возвращенія изъ ссылки и, повидимому, читавшій его главное произведеніе, впервые высказалъ свои мнѣнія по крестьянскому вопросу въ запискѣ 1802 г., быть можетъ, извѣстной нѣкоторымъ изъ молодыхъ друзей имп. Александра. Онъ называетъ здѣсь крѣпостное право столь «противнымъ разуму общему», что оно непремѣнно должно прекратиться, но полагаетъ, что «неосторожнымъ къ нему прикосновеніемъ можно нанести чувствительный ударъ земледѣлію», такъ какъ «раздробительное обрабатываніе полей по бѣдности нашихъ крестьянъ никогда не можетъ имѣть того успѣха, какое имѣетъ соединенное и въ большомъ видѣ». Въ этой мысли, вѣроятно, отразились идеи физіократовъ о предпочтительности для успѣховъ земледѣлія болѣе крупнаго хозяйства сравнительно съ мелкою земледѣльческою культурою, или непосредственно сказалось вліяніе англійскаго аграрнаго строя съ его крупными фермерами. Сперанскій предлагаетъ въ этой запискѣ раздѣлить освобожденіе крестьянъ на два періода: въ первомъ ограничиться опредѣленіемъ мѣры повинностей, которыхъ «помѣщикъ законно можетъ требовать отъ земледѣльца» и вмѣстѣ съ тѣмъ учредить расправу между помѣщиками и крестьянами. Онъ полагаетъ, что вслѣдствіе одного этого крестьяне «изъ личной крѣпости помѣщиковъ перейдутъ въ крѣпость землѣ и будутъ только приписными». Но для этого нужно было бы лишить помѣщиковъ права обращать крестьянъ въ дворовыхъ (чего Радищевъ требовалъ, какъ первой мѣры для улучшенія быта крѣпостныхъ) и продавать ихъ безъ земли. Во второмъ періодѣ (который долженъ быть подготовленъ многими «частными распоряженіями», чтобы крестьяне не предались бродяжничеству) имъ возвращается «древнее ихъ право свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому». При этомъ онъ не предлагаетъ предоставленія крестьянамъ земли въ собственность, какъ это считаетъ необходимымъ Радищевъ [1]).

[1]) Въ 1803 г. имп. Александръ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея поручилъ Сперанскому составить записку объ устройствѣ правительственныхъ и судебныхъ учрежденій въ Россіи. Здѣсь онъ говоритъ о крестьянскомъ вопросѣ съ гораздо большею осторожностью и ограничивается только предложеніемъ учредить и въ имѣніяхъ помѣщиковъ волостныя правленія, гдѣ крестьяне могли бы

Въ знаменитомъ своемъ проектѣ конституціи—«Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ» (1809 г.), Сперанскій говоритъ, что «гражданская свобода имѣетъ два главныхъ вида: свобода личная и свобода вещественная». Сущность первой состоитъ въ томъ, что 1) «безъ суда никто не можетъ быть наказанъ» и 2) «никто не обязанъ отправлять службу иначе, какъ по закону, а не по произволу другого». Авторъ поясняетъ, что первое изъ этихъ положеній даетъ крѣпостнымъ право суда и (лишая его помѣщиковъ) уравниваетъ ихъ со всѣми передъ закономъ; второе отнимаетъ право отдать въ военную службу безъ очереди. На этихъ двухъ основаніяхъ, по словамъ Сперанскаго, «утверждается личная свобода». Сущность вещественной свободы состоитъ въ томъ, что 1) «всякій можетъ располагать своею собственностію по произволу сообразно общему закону; безъ суда никто собственности лишенъ быть не можетъ» и 2) «никто не обязанъ отправлять вещественной службы, ни платить податей и повинностей иначе какъ по закону или по условію, а не по произволу другого». То, что затѣмъ слѣдуетъ, имѣется въ рукописи Сперанскаго въ двухъ редакціяхъ: въ первой, болѣе рѣшительной, но зачеркнутой, онъ требуетъ, чтобы были установлены крестьянскіе суды, т. е. чтобы помѣщики были немедленно лишены права наказывать крѣпостныхъ по своему усмотрѣнію, а также сдавать ихъ въ рекруты безъ очереди, затѣмъ, чтобы повинности крестьянъ были опредѣлены закономъ и чтобы помѣщичьимъ крестьянамъ дано было право пріобрѣтать недвижимую собственность. Въ этихъ требованіяхъ чувствуется вліяніе лифляндскаго положенія 1804 г., которое Сперанскому было хорошо извѣстно, такъ какъ онъ былъ членомъ лифляндскаго комитета. Во второй же, окончательной, редакціи этого мѣста не былъ такъ ясно выраженъ совѣтъ учредить «крестьянскіе суды» и нѣтъ категорическаго требованія, чтобы повинности крестьянъ относительно помѣщиковъ были опредѣлены «сельскимъ уложеніемъ». Во введеніи къ «Уложенію государственныхъ законовъ» Сперанскій выражаетъ рѣшительное несочувствіе освобожденію крестьянъ безъ земли, что̀ онъ въ концѣ концовъ допускалъ въ своей запискѣ 1802 г., а также, въ видѣ переходной мѣры, и въ запискѣ для комитета 1826 г.

IV.

Большое значеніе въ исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе имп. Александра I имѣло объявленіе въ 1812 г. Вольнымъ Эконо-

---

разбираться въ спорахъ между собою и гдѣ должны были опредѣлять имъ наказанія, хотя полиція въ селеніи оставалась бы въ рукахъ помѣщика. Въ этой запискѣ Сперанскій не рѣшается предложить ограниченіе закономъ размѣра оброка помѣщичьихъ крестьянъ, находя, что для этого еще нужно сдѣлать «много приготовительныхъ распоряженій».

мическимъ Обществомъ задачи о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда; задача эта, содѣйствовавшая распространенію новой для огромнаго большинства дворянъ мысли о томъ, не будетъ ли выгодно самимъ помѣщикамъ уничтоженіе крѣпостного права, была, очевидно, навѣяна классическимъ сочиненіемъ Адама Смита, появившимся въ русскомъ переводѣ въ 1803—5 гг. «Изъ опыта всѣхъ вѣковъ и народовъ явствуетъ», говоритъ авторъ этого труда, «что работа свободныхъ людей становится всегда на повѣрку дешевле работы невольниковъ». Въ отвѣтъ на задачу Вольнаго Экономическаго Общества было прислано 14 сочиненій (изъ нихъ 11 на русскомъ языкѣ); 7 авторовъ высказались за вольнонаемный трудъ и 7 за крѣпостной, но насъ и на этотъ разъ интересуютъ только тѣ произведенія, которыя въ большей или меньшей степени заслужили одобреніе общества и, слѣдовательно, отвѣчали воззрѣніямъ его членовъ. Первую награду получилъ бывшій профессоръ харьковскаго университета Якобъ, еще ранѣе, въ сочиненіи на нѣмецкомъ языкѣ по полицейскому праву, предложившій цѣлую программу мѣръ, необходимыхъ для ограниченія крѣпостного права. Въ своемъ отвѣтѣ на задачу общества онъ доказываетъ невыгодность крѣпостного труда для самихъ землевладѣльцевъ и такимъ образомъ подрываетъ убѣжденіе въ необходимости для помѣщиковъ крѣпостного права, но предложенныя имъ мѣры были очень невыгодны для крестьянъ. Въ мелкихъ имѣніяхъ (до 100 десятинъ) онъ совѣтуетъ отобрать у крестьянъ всю землю и перевести ихъ на оброкъ, при чемъ желающимъ искать работу на сторонѣ выдать паспорта, а хорошихъ работниковъ удержать значительнымъ вознагражденіемъ, въ качествѣ батраковъ. Въ имѣніяхъ же болѣе 100 десятинъ Якобъ находитъ всего выгоднѣе, оставивъ часть земли для барской запашки, остальную землю раздавать въ наслѣдственную аренду какъ своимъ крестьянамъ, такъ и всѣмъ желающимъ, при чемъ бывшіе крѣпостные, сверхъ арендной платы, должны были платить оброкъ, какъ процентъ на капиталъ, затраченный на ихъ пріобрѣтеніе. Всякій хозяинъ долженъ былъ имѣть право продать свой участокъ по своему усмотрѣнію (съ переводомъ лежащей на немъ арендной платы), и люди свободные могли пріобрѣтать ихъ, не дѣлаясь крѣпостными[1]. Поденщики (живущіе на господскомъ дворѣ или у крестьянъ) и крестьянскія дѣти имѣли право наниматься, у кого хотятъ. Такимъ образомъ по проекту Якоба большинство крестьянъ обращалось въ наслѣдственныхъ арендаторовъ съ постоянною уплатою выкупа за личное освобожденіе сверхъ арендной платы, но прежняя гораздо болѣе прочная связь съ землею разрывалась, общинное землевладѣніе, гдѣ оно суще-

[1]) Это послѣднее условіе опущено въ русскомъ переводѣ отвѣта Якоба, напечатанномъ въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества».

ствовало, уничтожалось, и крестьяне лишались права на прокормленіе отъ помѣщика во время неурожаевъ и дѣлались уже сами отвѣтственными за исправное отбываніе государственныхъ податей и повинностей. Помѣщикамъ было, конечно, выгодно замѣнить свое владѣніе населенными землями съ извѣстными обязательствами, относительно крестьянъ и государства, простыми арендными отношеніями, хотя бы и на условіяхъ «вѣчной» аренды, но положеніе крестьянъ должно было бы при этомъ ухудшиться, тѣмъ болѣе, что Якобъ не требуетъ безусловно ограниченія повинностей крестьянъ закономъ, а говоритъ объ опредѣленіи ихъ свободными договорами. Пропаганда подобнаго плана, связаннаго въ сущности съ обезземеленіемъ крестьянъ, была еще опаснѣе вслѣдствіе того, что сочиненіе это было увѣнчано наградою въ 100 червонцевъ, изготовленною на средства государя. Вторая награда была присуждена за отвѣтъ Меркеля, извѣстнаго автора труда о положеніи крестьянъ-латышей въ Лифляндіи; онъ также доказываетъ, что вольнонаемный трудъ обходится дешевле крѣпостного. Третью же награду получилъ за свое сочиненіе генералъ Комаровъ, который предпочиталъ крѣпостной трудъ и котораго вовсе не соблазняло обезземеленіе крестьянъ (онъ считалъ экономическое положеніе нашихъ крѣпостныхъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ безземельныхъ работниковъ въ Западной Европѣ); такимъ образомъ Вольное Экономическое Общество, наградивъ медалью автора и напечатавъ это сочиненіе, какъ бы внесло нѣкоторую оговорку къ мнѣнію проф. Якоба.

Крѣпостное право въ Великороссіи нѣсколько смягчалось широкимъ распространеніемъ оброчной системы и существованіемъ общиннаго землевладѣнія, при которомъ помѣщичій гнетъ давилъ не на отдѣльную личность, а на цѣлую общину, уравнительнѣе распредѣлявшую тяжесть повинностей. Съ самаго учрежденія въ Петербургѣ Вольнаго Экономическаго Общества наши агрономы, еще не понимавшіе возможности усовершенствованія земледѣлія при сохраненіи общиннаго землевладѣнія, стали указывать (какъ, напр., Болотовъ) на вредъ черезполосицы. На вредъ для сельскаго хозяйства общинныхъ земель указывали и иностранные авторы, какъ, напр., Юсти, сочиненіе котораго «Основаніе силы и благосостоянія царствъ» стало выходить въ русскомъ переводѣ съ 1777 г. Въ 1780 г. московскій профессоръ Десницкій, докончившій свое образованіе въ шотландскомъ университетѣ въ Глазго, издалъ переводъ съ англійскаго книги Боудена «Наставникъ земледѣльческій или краткое англійскаго хлѣбопашества показаніе», въ предисловіи къ которому, ссылаясь на то, что въ Англіи свободный трудъ приводитъ къ усовершенствованію земледѣлія, совѣтовалъ помѣщикамъ сдѣлать опытъ: выписать англійскаго фермера, отдать ему въ аренду землю на 7 или 19 лѣтъ, какъ это въ обычаѣ въ Англіи, и

В. Е. Маковскій. Молебенъ на крестьянскомъ дворѣ.

обязать его научить данныхъ ему учениковъ плодоперемѣнной системѣ. Опыты введенія у насъ англійской системы началъ производить съ 1797 г. въ своихъ имѣніяхъ Калужской и Тульской губ. помѣщикъ Полторацкій, при чемъ ему приходилось прибѣгать и къ вольнонаемному труду, и къ приводу пахарей изъ другихъ своихъ имѣній. Но когда имп. Александръ I посѣтилъ калужское имѣніе Полторацкаго (въ 1816 году), то онъ нашелъ въ немъ хорошо обработанную барскую запашку, а крестьянъ «въ бѣдномъ положеніи» и сказалъ: «это образецъ иностраннаго хозяйства, а не нашего; въ Россіи добрый помѣщикъ и хорошій хозяинъ долженъ смотрѣть, чтобы крестьяне были богаты, собственная же запашка не составляетъ единственной цѣли домоводства». Въ концѣ концовъ Полторацкій разстроилъ и свои дѣла. Бакунинъ въ книгѣ «Правила, руководствующія къ новому раздѣлу и обрабатыванію полей» (1800 г.) рекомендовалъ разселеніе крестьянъ отдѣльными дворами съ уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія. Новыя агрономическія идеи встрѣчали нѣкоторое сочувствіе, и, по словамъ ихъ противника, гр. Ростопчина, въ его книгѣ «Плугъ и соха» (1806 г.) «проявилась скоропостижно мода на англійское земледѣліе, и англійскій фермеръ столько же начиналъ быть нуженъ многимъ русскимъ дворянамъ, какъ французскій эмигрантъ... и скаковыя лошади въ запряжку».

Еще въ концѣ XVIII в. проникли въ Россію изъ Германіи и нашли нѣкоторое примѣненіе идеи Шубарта о многопольной системѣ съ посѣвомъ клевера: на нихъ было основано «Новое земледѣліе» Рознатовскаго (1794—1800 г.г.), въ систему котораго также входило разселеніе крестьянъ отдѣльными дворами. Первымъ пропагандистомъ новой системы, еще до выхода книги Рознатовскаго, явился Бланкенагель, который въ 1792 г., въ своемъ имѣніи въ Звенигородскомъ уѣздѣ, посѣялъ клеверъ и въ помѣщичьей, и въ крестьянской запашкѣ. Его хозяйственная система была описана въ брошюрѣ Захарова «Усадьбы крестьянъ, или новый способъ селить крестьянъ и собирать съ нихъ помѣщичій доходъ» (1801 г.). Разселивъ своихъ крѣпостныхъ земледѣльцевъ отдѣльными дворами и введя у нихъ шестипольный сѣвооборотъ съ посѣвомъ клевера, помѣщикъ бралъ у нихъ въ свою пользу деньги за половину урожая съ четырехъ полей (за вычетомъ сѣмянъ) послѣ продажи ея въ городѣ; но все же, такое устройство хозяйства было стѣснительнѣе для крестьянъ, чѣмъ оброчная система, такъ какъ сопровождалось регламентаціею крестьянской жизни и хозяйства съ уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія.

Но уже въ концѣ XVIII в., въ «Деревенскомъ зеркалѣ», изданномъ въ 1798 г. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, были сдѣланы указанія на возможность введенія посѣва клевера въ крестьянское хозяйство безъ крутой ломки его, при помощи, такъ называемаго,

«пріусадебнаго» и «углового» травосѣянія. Этому сочувствовалъ и извѣстный русскій агрономъ Левшинъ, считавшій систему Шубарта непригодною для крестьянскаго хозяйства, такъ какъ она требовала содержанія скота въ стойлахъ; онъ совѣтовалъ, впрочемъ, ввести четвертое поле для кормовыхъ травъ. Это осуществилъ на общинныхъ поляхъ своихъ крестьянъ въ 1819 г. помѣщикъ Ярославскаго у. Самаринъ (описаніе хозяйства котораго появилось въ печати въ 1826 г.). Въ томъ же 1819 г. Вольное Экономическое Общество задало задачу о разселеніи помѣщичьихъ и казенныхъ крестьянъ отдѣльными дворами съ уничтоженіемъ черезполосицы въ пашнѣ и сѣнокосахъ (т. е. съ уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія), но за отвѣтъ на нее была присуждена медаль меньшаго размѣра, такъ какъ авторъ не осуществилъ на практикѣ предложенныхъ имъ мѣръ.

Помѣщикъ Сумскаго у. Слободско-Украинской губ. Стремоуховъ соединилъ (въ концѣ царствованія Александра I) барскую запашку съ крестьянскими землями, обрабатывалъ ихъ вмѣстѣ крестьянскимъ трудомъ и дѣлилъ урожай пополамъ, при чемъ давалъ изъ своей половины сѣмена и платилъ подати за крестьянъ, такъ что, описывая свое хозяйство въ 1829 г., увѣрялъ, что получаетъ въ свою пользу только треть дохода. Такого рода примѣненіе общественнаго труда, своего рода помѣщичій соціализмъ, былъ опасенъ тѣмъ, что при тѣхъ или другихъ способахъ его примѣненія давалъ возможность обходить ограниченіе крестьянской барщины тремя днями съ тягла. Позднѣе та же цѣль была достигнута при Николаѣ I инымъ путемъ—введеніемъ въ нѣкоторыхъ барщинныхъ хозяйствахъ урочной системы работъ.

Всѣ указанныя попытки, однако, большого распространенія не имѣли, и помѣщики предпочитали усовершенствованію крестьянскаго хозяйства простое усиленіе эксплоатаціи крестьянъ увеличеніемъ оброка и требованіемъ барщины въ размѣрѣ, превышающемъ установленный закономъ имп. Павла.

При Екатеринѣ II въ 1760-хъ г.г. наиболѣе обычнымъ для Великороссіи былъ оброкъ въ 1—2 р., въ 1770-хъ г.г. 2—3 р.; для 1780-хъ г.г. можно принять его среднюю величину въ 4 р., а въ первой половинѣ 1790-хъ г.г. средній размѣръ денежнаго оброка равнялся здѣсь 5 р. съ души. Такъ какъ на тягло приходилось отъ 2 до $2^1/_2$ д. м. п., то, слѣдовательно, средній оброкъ съ тягла въ то время равнялся 10—$12^1/_2$ р. При Александрѣ I величина оброка стала быстро возрастать. По свидѣтельству Шторха (1805 г.), въ разныхъ губерніяхъ оброкъ колебался отъ 4 до 12—15 р. съ души. Авторъ одного неизданнаго сочиненія, присланнаго въ Вольное Экономическое Общество (1813 г.), полагаетъ, что средній оброкъ во всей Россіи равняется 25—35 р. съ тягла, но авторъ другого произведенія (1814 г.) утверждаетъ, что нельзя «желать оброка болѣе 20 р. съ тягла, а иногда и этотъ оброкъ очень

труденъ крестьянамъ». Крюковъ, авторъ проекта по крестьянскому вопросу (1818 г.), считаетъ обычнымъ оброкъ съ тягла 20—40 р., слѣдов., въ среднемъ 30 р. Этому соотвѣтствуетъ заявленіе крестьянъ матери А. С. Грибоѣдова (которая въ имѣніи Костромской губ. брала оброкъ по 75 —100 р. съ тягла и тѣмъ вызвала ихъ волненіе въ 1819 г.), что они могутъ вносить «наравнѣ съ прочими по 30 р.» съ тягла. Въ Ивановской вотчинѣ (Владимірской губ.) гр. Шереметева въ 1815 г. крестьяне платили оброкъ въ 13 р. съ души, но въ 1824 г. онъ равнялся здѣсь уже 55 р. асс. съ тягла. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что съ паденіемъ курса ассигнацій [1]) цѣна хлѣба сильно возросла, и въ 1811—25 г.г. была въ Москвѣ въ 2,8 раза болѣе, чѣмъ въ концѣ XVIII в. Но, и принявъ это во вниманіе, мы найдемъ, что размѣръ оброка къ концу царствованія Александра увеличился, не говоря уже о томъ, что у особенно жестокихъ помѣщиковъ онъ превышалъ иногда 100 р. съ тягла.

Эксплоатація барщинныхъ крестьянъ также увеличилась. По словамъ автора сочиненія, представленнаго въ Вольное Экономическое Общество (1813 г.), «помѣщики работаютъ своими людьми различно — 3, 4, а другіе и 5 дней въ недѣлю».—«Извѣстно», говоритъ Н. И. Тургеневъ въ своей запискѣ 1819 г., «что нѣкоторые заставляютъ крестьянъ своихъ работать не 3, а 4, 5 и 6 даже дней въ недѣлю». Съ барщинныхъ крестьянъ помѣщики требовали еще взносовъ натурою, а зимою они доставляли произведенія сельскаго хозяйства въ города.

Въ царствованіе Александра I распространился весьма разорительный для крестьянъ обычай отдавать ихъ въ наемъ подрядчикамъ для дорожныхъ и строительныхъ работъ, а также на фабрики и заводы. Многіе помѣщики Витебской и Могилевской губерній получали отъ подрядчиковъ за работы своихъ крѣпостныхъ на дорогахъ въ лѣто по 110 р. за каждаго. Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ герцогъ Виртембергскій во время устроенія Нижегородской ярмарки отправилъ туда на работу множество своихъ нищенствующихъ крестьянъ, которые цѣлыми «сотнями и въ самомъ жалкомъ положеніи» шли съ родины на мѣсто назначенія. Помѣщики разныхъ губерній отдавали за плату въ свою пользу крестьянъ на фабрики (такъ называемые кабальные рабочіе). Декабристъ Якушкинъ встрѣтилъ въ Смоленской губ. болѣе ста крестьянъ, шедшихъ за полтораста верстъ на винокуренный заводъ, куда трудъ ихъ былъ запроданъ на зиму помѣщикомъ; по его словамъ, «такого рода сдѣлки были очень обыкновенны».

Съ увеличеніемъ числа помѣщичьихъ фабрикъ (особенно суконныхъ, полотняныхъ, а затѣмъ и свеклосахарныхъ заводовъ) крѣ-

---

[1]) Въ 1801—5 гг. ассигнаціонный рубль равнялся въ среднемъ 75 к., а въ слѣдующія пятилѣтія 1811—25 годовъ 25—26,7 к. сер.

постнымъ пришлось болѣе прежняго нести этотъ самый тяжелый видъ барщиннаго труда, который распространялся иногда даже на дѣтей моложе 10 лѣтъ. По словамъ Н. Тургенева, о томъ, что въ имѣніи есть фабрика, говорили съ такимъ ужасомъ, какъ еслибы тамъ появилась чума. Что эксплоатація крѣпостныхъ при Александрѣ I усилилась, это замѣчали и они сами, и посторонніе наблюдатели. Въ 1818 г. въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской губ. священникъ и крестьяне говорили члену Союза Благоденствія Тучкову, что «никогда не сравняютъ старыхъ помѣщиковъ съ молодыми... Нынѣшніе помѣщики всѣ лихи, а въ прежнее время, если это и бывало, то весьма рѣдко». Это объясняется увеличеніемъ производства хлѣба на продажу. Нѣкоторые помѣщики создали даже теорію, что крѣпостныхъ крестьянъ нужно «постоянно держать въ черномъ тѣлѣ»: бѣдные мужики и усерднѣе работаютъ на барщинѣ, и охотнѣе повинуются.

Обезземеленіе крестьянъ и обращеніе ихъ въ такъ называемыхъ «мѣсячниковъ» въ первой четверти XIX вѣка было все же довольно рѣдкимъ явленіемъ въ Великороссіи. Въ одной статьѣ 1804 г. встрѣчаемъ извѣстіе, что «бываютъ изрѣдка такіе помѣщичьи крестьяне, которые все время на господина работаютъ и отъ него получаютъ пропитаніе». О мѣсячникахъ упоминаетъ въ своей запискѣ 1819 г. и Н. Тургеневъ. Въ областяхъ же, присоединенныхъ отъ Польши, они, повидимому, были болѣе частымъ явленіемъ; по крайней мѣрѣ, декабристъ кн. Трубецкой утверждаетъ, что «несчастные жители арендныхъ имѣній и даже многихъ помѣщичьихъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и польской Украйнѣ живутъ почти круглый годъ мѣсячною дачею, не имѣя ничего собственнаго».

Мы видѣли выше, что нѣкоторые помѣщики, ради введенія улучшенной системы земледѣлія, разрушали общинное землевладѣніе своихъ крестьянъ; секретарь Вольнаго Экономическаго Общества Джунковскій въ запискѣ 1822 г. говоритъ: «нынѣ... у многихъ помѣщиковъ... участки земли раздѣлены навсегда между ихъ крестьянами», но все же это были явленія сравнительно рѣдкія, и мы видѣли, что даже требованіе закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ относительно раздѣленія земли на подворные участки въ полную собственность при увольненіи крестьянъ было несочувственно встрѣчено ими и почти вездѣ осталось мертвою буквою.

Усиленіе эксплоатаціи крестьянъ повело и къ усиленію жестокой расправы помѣщиковъ съ ихъ крѣпостными: оковы, колодки, деревянные чурбаны, къ которымъ приковывали провинившихся (такъ называемый «цѣпной стулъ»), шейныя рогатки, особыя тюремныя помѣщенія были распространены въ то время, повидимому, болѣе прежняго. Кромѣ жестокихъ тѣлесныхъ истязаній не только розгами, но также палками, плетьми, кнутомъ и голодомъ, помѣщики отдавали крѣпост-

ныхъ въ солдаты, ссылали въ отдаленную вотчину, отбирали у нихъ пожитки, а дѣвушекъ выдавали замужъ противъ ихъ желанія.

Торговля людьми въ розницу по-прежнему существовала въ большихъ размѣрахъ, и, напр., на базаръ въ селѣ Ивановѣ (Владимірской губ.) привозили на продажу дѣвушекъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, особенно изъ Малороссіи, и мѣстные богатые крестьяне гр. Шереметева покупали ихъ для домашнихъ работъ. На ярмаркѣ въ одной губерніи центральной Россіи помѣщики ежегодно продавали дѣвушекъ пріѣзжающимъ туда «азіатцамъ».

Движимое и недвижимое имущество крестьянъ было по-прежнему не обезпечено отъ помѣщичьихъ притязаній, и былъ случай, что гр. Шереметевъ захватилъ 50.000 р. своего умершаго крестьянина, лишивъ этихъ денегъ выкупленныхъ на свободу дѣтей покойнаго. За выкупъ одного своего крѣпостного, гр. Шереметевъ получилъ, по словамъ Н. И. Тургенева, 800,000 р. асс.

V

Въ противоположность мнѣніямъ лицъ, высказывавшихся за освобожденіе крестьянъ, продолжало сказываться даже въ интеллигентныхъ сферахъ отрицательное къ нему отношеніе. Карамзинъ въ запискѣ «О древней и новой Россіи» высказалъ самые крѣпостническіе взгляды и протестовалъ даже противъ запрещенія продажи людей въ рекруты, соглашаясь лишь на то, чтобы «подъ рукою» были приняты мѣры для обузданія жестокихъ помѣщиковъ, сдѣлавшихъ изъ этого промыселъ. Масоны времени Александра I были также консерваторами въ крестьянскомъ дѣлѣ. Поздѣевъ былъ рѣшительнымъ противникомъ малѣйшаго ослабленія помѣщичьей власти. Лопухинъ считалъ крѣпостное право необходимымъ при тогдашнемъ нравственномъ состояніи народа, «который требуетъ обузданія для собственной его пользы», и находилъ вреднымъ и опаснымъ даже указъ имп. Павла о трехдневной барщинѣ. Масоны времени Александра I ограничивались только проповѣдью человѣколюбиваго отношенія къ крѣпостнымъ, но не возвышались до идеи о противоестественности рабства и о необходимости его уничтоженія; напротивъ, согласно съ ихъ основными взглядами, крѣпостной могъ имѣть внутреннюю свободу, свободу отъ грѣха, и это ихъ совершенно удовлетворяло. Нѣкоторые изъ нихъ выступали даже защитниками своихъ собратьевъ-дворянъ, преслѣдуемыхъ администраціею за насилія и злоупотребленія относительно крестьянъ: примѣромъ этого можетъ служить кн. Баратаевъ, мастеръ масонской симбирской ложи, хвалившійся своимъ гуманизирующимъ вліяніемъ на тамошнихъ помѣщиковъ въ ихъ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ.

Въ запискѣ управляющаго московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ Малиновскаго (1817), отправленной авторомъ

Аракчееву съ просьбою, если возможно, представить ее государю, сгруппированы возраженія противъ освобожденія крестьянъ, вѣроятно, высказываемыя московскими крѣпостниками. Эти «здравомыслящіе россіяне» высказывали опасеніе, что въ случаѣ уничтоженія крѣпостного права разрушится отеческая и сыновняя связь между помѣщикомъ и подвластными ему, проявляющаяся въ заботѣ о нихъ господъ въ случаѣ неурожая хлѣба и повальныхъ болѣзней и въ «защитѣ отъ всякихъ постороннихъ насилій», хлѣбопашество придетъ въ упадокъ, наборъ рекрутъ будетъ замедляться а, можетъ быть, даже и совсѣмъ останавливаться (?), увеличатся недоимки въ податяхъ вслѣдствіе «разброда» крестьянъ, и ихъ отлучекъ изъ дому; они будутъ ежегодно мѣнять помѣщиковъ и отъ этого могутъ произойти новаго рода тяжбы между владѣльцами, вслѣдствіе уничтоженія помѣщичьей власти повиновеніе замѣнится своевольствомъ, дворянство обѣднѣетъ и лишится средствъ для несенія государственной службы; безъ понужденія къ труду работниковъ въ помѣщичьихъ селахъ уничтожатся заводы, фабрики и занятіе ремеслами, и отъ этого чрезмѣрно вздорожаютъ товары, множество дворовыхъ, при уменьшеніи помѣщичьихъ доходовъ, будетъ распущено, станетъ скитаться нищими и составитъ опасныя шайки; отъ злобы крестьянъ, неожиданно получившихъ свободу, пострадаютъ не только строгіе помѣщики, но и ихъ невинныя дѣти; отряженные для усмиренія крестьянъ военные отряды могутъ перейти на ихъ сторону, а внутреннимъ разстройствомъ Россіи воспользуются ея внѣшніе враги. Малиновскій оговаривается, что онъ «не отвергаетъ и не утверждаетъ положительно ни одного изъ сихъ мрачныхъ предвѣщаній», но его желаніе довести свою записку до свѣдѣнія государя показываетъ, что онъ желалъ запугать его. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ имъ возраженій, какъ, напр., прекращеніе не «сыновней связи», а обязанности помѣщиковъ прокармливать крестьянъ во время неурожаевъ, заслуживало серьезнаго вниманія и обезпеченія интересовъ освобожденныхъ, но многія возраженія были очень наивны, какъ, напр., опасеніе упадка промышленности вслѣдствіе того, что работникамъ на фабрикахъ придется платить.

Крестьянамъ трудно было опровергать эти запугиванія крѣпостниковъ, такъ какъ законодательной комиссіи, подобной Екатерининской, созвано не было. Оставалось прибѣгать къ старинному способу—подметнымъ письмамъ, чѣмъ занимались преимущественно дворовые. Повидимому, однимъ изъ дворовыхъ (такъ какъ ничего не упоминается о землѣ) написано письмо государю (1805 г.), авторъ котораго говоритъ, что пишутъ уже тринадцатое письмо, но «ни малаго отвѣта и милости» не получаютъ; «видно, не доставляютъ наши просьбы». Положеніе ихъ, «бѣдныхъ господскихъ рабовъ», таково, что еслибы имъ всѣмъ велѣли броситься въ огонь, то они бы ни мало не воспротивились,

а также были бы рады, еслибы ихъ всѣхъ взяли въ солдаты. Авторъ письма даетъ совершенно ясно понять, что безъ разрѣшенія основного вопроса русской жизни, вопроса о рабствѣ, изъ всѣхъ «государственныхъ трудовъ» государя и всѣхъ «дѣлъ министровъ» ничего не выйдетъ, и они не принесутъ «славы Россіи», и предлагаетъ царю лучше одарить господъ большимъ жалованьемъ и пенсіями, «а только бъ не было у нихъ насъ» и не пришлось бы мучиться и ожидать «награжденія розгами и палками». Онъ предлагаетъ учредить комитетъ, который выкупалъ бы тѣхъ «господскихъ» людей, которые будутъ объ этомъ просить, а пока не будетъ устроена судьба остальныхъ, лишить помѣщиковъ права наказывать своихъ крѣпостныхъ и предоставить это судебнымъ учрежденіямъ. Не видя никакого облегченія своей участи, «бѣдные рабы господскіе и вѣрные подданные» царя извѣщали его, что имъ теперь не на кого надѣяться, что они приходятъ въ отчаяніе и увѣдомляютъ, что скоро «сдѣлается здѣсь бунтъ превеликій у насъ, ибо негдѣ больше искать защиты».

Сочинитель только что изложеннаго подметнаго письма, или, по нынѣшнему, прокламаціи, видимо дворовый, не касается земельнаго вопроса, но изъ среды народа исходили иногда замѣчательныя предложенія и въ этомъ отношеніи. Такъ сохранилось «Разсужденіе настоящихъ обстоятельствъ, принадлежащее роднымъ сынамъ отечества» (1810 г.). Авторъ, обращаясь къ «любезнымъ сынамъ отечества», предлагаетъ между прочимъ слѣдующее: «дать всѣмъ хлѣбопашцамъ государства нашего посредствомъ общаго раздѣла земли столько, сколько силы каждаго обработать могутъ, распорядя трудами ихъ согласно качеству всякаго грунта оной до большаго изобилія и выгоднѣйшей способности и обратить всѣ повинности тѣхъ въ одни денежные и извѣстные поборы, соотвѣтственные доходамъ оныхъ». Очевидно полагая, что мало надежды, чтобы предложеніе «общаго раздѣла земли» соотвѣтственно рабочимъ силамъ хлѣбопашцевъ заслужило одобреніе правительства, авторъ «Разсужденія» кончаетъ его такъ: «здѣсь имя подписывать, кажется, не должно». Но разсужденіе это несомнѣнно написано Торговановымъ (въ то время онъ былъ мѣщаниномъ). Онъ рѣшился повторить свое предложеніе въ поданномъ имъ правительству въ 1825 г. сочиненіи подъ заглавіемъ «Отверзтыя врата въ храмъ блаженства», подписаннымъ имъ полнымъ именемъ: «С.-Петербургскій купецъ Тимофей Торговановъ». Здѣсь онъ мотивируетъ свое предложеніе раздѣла земель тѣмъ, «дабы земледѣльцы не оставались праздны» и «земли не лежали пусты», а также высказывается яснѣе относительно сборовъ съ крестьянъ, а именно онъ совѣтуетъ обратить всѣ повинности «хлѣбопашцевъ, какъ общественныя, такъ и владѣльческія» въ опредѣленные денежные сборы, которые вносились бы «въ положенные сроки въ мѣста присутственныя», чтобы «недовольные

ничѣмъ владѣтели не могли сверхъ силъ обременять имъ подвластныхъ таковыхъ же человѣковъ». Торговановъ пояснялъ, что по всѣмъ этимъ «матеріямъ» онъ можетъ представить «и полный проектъ». Записки Торгованова доходили и до государя. Въ 1810 г. онъ посылалъ ихъ М. М. Сперанскому, въ 1825 г.—Дибичу и дежурному генералу Потапову [1]).

Бунта, которымъ грозилъ составитель подметнаго письма 1805 г., не произошло, но было не мало отдѣльныхъ волненій въ помѣщичьихъ вотчинахъ, волненій, до сихъ поръ относительно времени Александра I почти вовсе не изслѣдованныхъ. Крестьяне ожидали, что за ихъ сопротивленіе французамъ въ 1812 г. и всѣ перенесенныя лишенія они получатъ свободу. Н. И. Тургеневъ свидѣтельствуетъ, что подъ вліяніемъ этихъ ожиданій они во многихъ мѣстностяхъ перестали признавать власть господъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ между дворовыми людьми помѣщиковъ ходили слухи, что французы освободятъ ихъ и что господскіе крестьяне скоро не будутъ платить оброка: такіе разговоры открыто велись тамъ въ народныхъ трактирахъ. [2]) Въ концѣ этого года произошелъ бунтъ ополченія въ Пензенской губ. Планъ возстанія былъ заранѣе обдуманъ ратниками, такъ что оно началось одновременно въ трехъ мѣстахъ. Они хотѣли, истребивъ офицеровъ-дворянъ, отправиться цѣлымъ ополченіемъ къ дѣйствующей арміи, явиться прямо на поле сраженія, напасть на непріятеля и разбить его; потомъ принести повинную государю и, въ награду за службу, выпросить себѣ прощеніе и вѣчную свободу отъ помѣщиковъ. Крестьяне были убѣждены, что государь требовалъ ополченія не съ нихъ, а только съ дворянъ. Всего сильнѣе было возстаніе въ городѣ Инсарѣ, гдѣ офицеры были жестоко избиты; меньшія волненія произошли въ Саранскѣ и Чембарѣ. Возстаніе было быстро усмирено и болѣе 300 ратниковъ жестоко наказаны: экзекуція длилась три дня. [3])

---

[1]) Одинъ дворовый человѣкъ помѣщика Баженова, Нижегородской губ., писалъ въ 1826 г., въ прошеніи на имя имп. Николая: «просимъ Васъ, отъ господъ нельзя (ли) освободить, господъ всѣхъ на жалованье посадить, на насъ всю (землю) по душамъ раздѣлить, а потомъ просимъ, нельзя (ли) какъ отъ солдатства освободить». «Дѣйствія Нижегород. ученой Архивн. Комиссіи», т. III, статья Снѣжневскаго, стр. 60.

[2]) Въ началѣ сентября 1812 г, крѣпостной человѣкъ тульскаго откупщика Безобразова въ селѣ гр. Бобринскихъ (Ефремовскаго уѣзда) держалъ рѣчь крестьянамъ, «чтобы они Бонапарта не пугались, что онъ идетъ въ Россію за тѣмъ, чтобы освободить крестьянъ, дать имъ волю и уничтожить помѣщиковъ». «Записки Д. Н. Свербеева». М. 1889, I, 73.

[3]) Въ іюлѣ 1818 г. до свѣдѣнія государя дошло, что во время прогулки въ Москвѣ гр. М. А. Дмитріевой—Мамоновой дворовый человѣкъ Казначеева подошелъ къ шедшему за нею крѣпостному человѣку, „произносилъ на счетъ помѣщиковъ и самой графини вслухъ довольно громко неприличныя и даже бранныя слова, проповѣдуя ему о вольности и независимости крѣпостныхъ людей отъ

Крестьянскій вопросъ затронутъ былъ въ найденной послѣ волненія Семеновскаго полка въ октябрѣ 1820 г. прокламаціи «отъ Семеновскаго полка Преображенскому». Въ ней виновниками всѣхъ неустройствъ въ Россіи объявлялся . . . . и тираны-дворяне. Нужно устранить . . . . и замѣнить его «законоуправителемъ», отвѣтственнымъ предъ депутатами, выбранными войскомъ, народъ же долженъ управляться выборными начальниками. Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ вызвало въ прокламаціи слѣдующее воззваніе къ солдатамъ: «Хлѣбопашцы угнетены податьми: многіе дворяне своихъ крестьянъ гоняютъ на барщину шесть дней въ недѣлю. Скажите, можно ли такихъ крестьянъ выключить изъ числа каторжныхъ? Дѣти сихъ несчастныхъ отцовъ остаются безъ науки, но оная всякому безъотмѣнно нужна, семейство терпитъ великіе недостатки; а вы, будучи въ такой великой силѣ, смотрите хладнокровно . . . . и не спросите . . . для какой выгоды даетъ волю дворянамъ торговать подобными намъ людьми, разорять ихъ и васъ содержатъ въ такомъ худомъ положеніи». [1])

VI.

Въ царствованіе имп. Александра крестьянскій вопросъ служилъ темою обсужденія въ различныхъ запискахъ, изъ которыхъ значительная часть представлялась самому государю. Кромѣ записокъ и проекта 1809 г. Сперанскаго и многихъ мнѣній, присланныхъ въ Вольное Экономическое Общество, найдено уже около 25 записокъ по крестьянскому вопросу, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, болѣе половины было извѣстно имп. Александру. Невозможно коснуться всѣхъ ихъ въ сжатомъ очеркѣ, но необходимо отмѣтить по крайней мѣрѣ главнѣйшія теченія мысли по этому предмету. Группируя записки, болѣе однородныя по содержанію, можно раздѣлить ихъ на 4 разряда; въ нихъ предлагалось: 1) ограниченіе крѣпостнаго права отдѣльными мѣрами, или обращеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ съ опредѣленіемъ размѣра повинностей, иногда съ предоставленіемъ имъ по истеченіи весьма продолжительнаго времени права перехода, 2) освобожденіе крестьянъ безъ земли, 3) освобожденіе съ одною усадебною землею, 4) освобожденіе съ пахотною и луговою землею посредствомъ выкупа ея крестьянами или государствомъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ и безъ выкупа.

помѣщиковъ и за то наказанъ келейно розгами». Государь велѣлъ сообщить московскому военному губернатору Тормасову, что двороваго «за столь буйственный и дерзновенный поступокъ слѣдовало наказать строжайшимъ образомъ и публично».

[1]) Прокламація эта напечатана въ моей статьѣ о волненіи Семеновскаго полка въ журналѣ «Былое» 1907 г. № 2.

Самымъ виднымъ представителемъ мнѣнія, что освобожденіе крестьянъ не желательно, а нужно ограниченіе крѣпостного права, былъ Вас. Наз. Каразинъ, о которомъ мы уже упоминали, какъ объ авторѣ записки, подброшенной имъ во дворецъ черезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ имп. Александра. Въ 1810 г. онъ написалъ обширное посланіе къ губернатору Слободско-Украинской губерніи, гдѣ было его имѣніе, Бахтину, въ которомъ подробно развилъ планъ преобразованія быта крестьянъ, примѣненный на дѣлѣ имъ самимъ съ 1805 г. Онъ утверждаетъ, что помѣщикъ такъ же необходимъ для крестьянъ, какъ монархъ для всего государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтуетъ уничтожить барщину, точно опредѣлить повинности крестьянъ и предоставить имъ неотъемлемое пользованіе землею (подъ условіемъ исправнаго отбыванія ими повинностей), уничтожить наказанія безъ суда и продажу людей безъ земли. Въ августѣ 1816 г. Каразинъ представилъ основанному имъ Филотехническому обществу уставъ своихъ сельскихъ учрежденій, и оно по поводу «публичныхъ сужденій» о законѣ 1816 г. объ освобожденіи эстляндскихъ крестьянъ безъ земли поручило ему къ предстоящему собранію слободско-украинскаго дворянства обработать сочиненіе, въ которомъ его сельское учрежденіе было бы не только изложено, но и сравнено съ другими ему подобными и соображено съ древними и новѣйшими государственными законами. Къ декабрю того же года онъ изготовилъ часть сочиненія подъ названіемъ «Практическое защищеніе противъ иностранцевъ, существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества». (Въ печати по цензурнымъ причинамъ въ свое время появились лишь небольшіе и менѣе важные отрывки изъ него). Первую главу этого сочиненія составило письмо къ Бахтину въ нѣсколько передѣланномъ видѣ, во второй и третьей онъ оспариваетъ мнѣнія защитниковъ освобожденія крестьянъ безъ земли. Здѣсь онъ высказываетъ слѣдующую замѣчательную мысль: «Земли подъ помѣщичьими селеніями трудно признать у насъ собственностію одного помѣщика, не давъ послѣднему никакихъ правъ и обязанностей. Давъ свободу, немедленно съ нею вмѣстѣ родите взаимныя неудовольствія». При освобожденіи безъ земли сосѣдство безсрочно пользующихся ею казенныхъ крестьянъ будетъ вѣчно возбуждать зависть бывшихъ крѣпостныхъ. «Наши политики... воображаютъ, что довольно сказать поселянамъ: «ну, теперь вы вольны! прочесть имъ поучительную главу изъ какого-нибудь курса», и «они немедленно войдутъ въ новый порядокъ вещей и смиренно посвятятъ себя трудамъ, благонравію, просвѣщенію!»

Въ запискѣ, подброшенной во дворцѣ въ 1801 г., Каразинъ выражалъ желаніе, чтобы государь «обезпечилъ существованіе помѣщичьихъ крестьянъ, поставивъ предѣлы ихъ зависимости»; но, посылая ту же записку въ 1812 г. Шишкову, онъ измѣнилъ это мѣсто такимъ образомъ: «введетъ у нихъ собственность, поставитъ предѣлы ихъ зависимости. И сіе не закономъ, могущимъ опасно поколебать нынѣшнія общественныя связи, но постепенностью обычая, который бы укрѣпилъ оныя болѣе». Соотвѣтственно этому, и передѣлывая въ 1816 г. письмо къ Бахтину, Каразинъ исключаетъ мысль, что «дѣйствія помѣщиковъ должны быть направляемы законами, начертанными для нихъ властью верховною». Но въ анонимной запискѣ «Мнѣніе одного украинскаго помѣщика, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями объ указѣ 23 мая 1816 г. и объ эстляндскихъ постановленіяхъ» [1]), гдѣ авторство Каразина очевидно нарочно замаскировано, онъ говоритъ уже смѣлѣе и требуетъ правительственныхъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ, а именно назначенія размѣра выкупа на свободу, прекращенія продажи людей безъ земли [2]) и разрѣшенія продажи помѣстій только цѣликомъ, а также дозволенія брать крестьянъ въ услуженіе лишь по выдачѣ имъ отпускной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, энергично протестуя противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи, Каразинъ утверждалъ, что «земля есть собственность народа наравнѣ съ помѣщиками», что «помѣщики были всегда только распорядителями земли». Не нужно однако забывать, что подъ собственностью крестьянъ на землю Каразинъ понималъ лишь неотъемлемое пользованіе ею до тѣхъ поръ, пока они исполняютъ опредѣленныя повинности въ пользу помѣщиковъ.

Флигель-адъютантъ Киселевъ, впослѣдствіи извѣстный министръ государственныхъ имуществъ, представилъ государю въ 1816 г. записку, въ которой предлагалъ дозволить капиталистамъ - недворянамъ покупать у дворянъ помѣстья съ тѣмъ, чтобы въ такихъ имѣніяхъ права и обязанности крестьянъ и помѣщиковъ были опредѣлены закономъ, запретить дворянамъ брать во дворъ земледѣльцевъ, а изъ дворовыхъ составить «особенное сословіе», которое приписать къ домамъ или помѣстьямъ съ тѣмъ, чтобы владѣльцы платили за нихъ подати, и обязать дворянъ при устройствѣ фабрикъ въ своихъ имѣніяхъ признавать «независимость крестьянъ» на тѣхъ же основаніяхъ, какія бу-

---

[1]) Принадлежность ея Каразину подтверждается не только свидѣтельствомъ декабриста кн. С. П. Трубецкого въ его запискахъ, но и донесеніемъ московскаго генералъ-губернатора гр. Тормасова государю 11 марта 1818 г., въ которомъ было сказано что «Мнѣніе одного украинскаго помѣщика» представляетъ выписку изъ сочиненія Каразина.

[2]) Въ 1820 г. Каразинъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ Кочубею три записки о злоупотребленіяхъ при продажѣ людей и о запрещеніи такой продажи безъ земли.

дутъ установлены для владѣльцевъ населенныхъ имѣній изъ разночинцевъ. По его словамъ, лучшіе изъ дворянъ соглашались на принятіе правительствомъ двухъ послѣднихъ мѣръ. Затѣмъ Киселевъ предлагалъ дозволить учрежденіе майоратовъ подъ условіемъ перехода въ нихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы и узаконить размѣръ выкупа на свободу. Наконецъ, онъ совѣтовалъ опредѣлить, какое количество крестьянъ необходимо для обработки земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ (которая для этого должна быть измѣрена), а излишнее населеніе выкупать на счетъ государства, переселять въ малонаселенныя губерніи на казенныя земли и обращать ихъ въ свободныхъ хлѣбопашцевъ [1]).

Мордвиновъ допускалъ ограниченіе крѣпостного права въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ лишь въ связи съ осуществленіемъ его аристократическихъ притязаній. Онъ желалъ раздачи значительнаго количества населенныхъ казенныхъ земель знатнѣйшимъ русскимъ фамиліямъ для созданія въ Россіи богатой и могущественной аристократіи, которая должна была ограничить самодержавную власть государя. Въ наброскѣ, написанномъ не позже 1813 г., онъ предлагалъ каждому изъ 50 членовъ проектированной имъ «Государственной Думы» (или «Думы вельможъ», или «Верховной палаты») даровать не менѣе 10.000 душъ казенныхъ крестьянъ, слѣдовательно, они получили бы вмѣстѣ 500.000 душъ. Такія имѣнія, присвоенныя достоинству члена думы, должны были бы переходить по наслѣдству къ старшему сыну, и крестьяне въ нихъ должны были платить «вельможамъ» такой же оброкъ, какой ка-

---

[1]) Козодавлевъ, сенаторъ, товарищъ министра, а позднѣе и министръ внутреннихъ дѣлъ написалъ: «Разсужденіе о постепенномъ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ изъ-подъ рабства и о способахъ, коими безопасно можно ввести между ими гражданскую свободу». Онъ предлагалъ дозволить покупать населенныя земли лицамъ, не платящимъ подушнаго оклада, но съ ограниченіемъ правъ владѣльцевъ этихъ имѣній сравнительно съ дворянами, а именно: крестьяне въ такихъ имѣніяхъ могутъ выкупаться за опредѣленную плату для перехода на другую землю, помѣщикъ не можетъ обращать ихъ въ дворовыхъ, а употреблять въ неземледѣльческія работы или перевести ихъ на оброкъ можетъ только по договору съ ними, количество рабочихъ дней должно быть опредѣлено закономъ. Съ этими же ограниченіями должно быть производимо пожалованіе имѣній въ аренду или въ полную собственность. Послѣдній родъ пожалованій Александромъ I былъ прекращенъ, но Козодавлеву хотѣлось его возстановить подъ тѣмъ предлогомъ, что крестьяне въ арендныхъ имѣніяхъ находятся въ очень тяжеломъ положеніи. Ничего другого для ограниченія крѣпостного правъ не придумалъ этотъ считавшійся крѣпостниками либераломъ воспитанникъ лейпцигскаго университета.

Въ двухъ запискахъ, представленныхъ государю около 1815 г. и, быть можетъ, принадлежащихъ перу М. Ѳ. Орлова, авторъ предлагалъ для ограниченія крѣпостного права воспользоваться тщеславіемъ дворянъ, и возводить имѣнія извѣстнаго размѣра въ боронства, графства и маркизства или маркграфства подъ условіемъ слѣдующихъ ограниченій крѣпостного права: 1) запрещенія продажи людей безъ земли и раздробленія деревень при продажѣ, 2) передачи наказаній крестьянъ въ вѣдѣніе крестьянскаго міра, 3) ограниченія ихъ повинностей.

зенные крестьяне вносили въ казну. Лѣса принадлежали бы «вельможѣ», а изъ пахотныхъ земель и луговъ присоединялась къ усадьбѣ только $^1/_5$ часть, которую онъ долженъ былъ бы обрабатывать или трудомъ своихъ «подданныхъ» (по добровольному договору) или наемными людьми. Крестьяне этихъ имѣній могли пріобрѣтать свободу за опредѣленную закономъ цѣну.—Только это послѣднее ограниченіе крѣпостного права допускалъ Мордвиновъ и относительно всѣхъ другихъ помѣщичьихъ крестьянъ, но предложенный имъ (въ запискѣ 1816 г.) размѣръ выкупа былъ слишкомъ великъ [1]).

Въ декабрѣ 1819 г. Ѳ. И. Глинка сообщилъ Н. И. Тургеневу, что Милорадовичъ, петербургскій военный губернаторъ, желаетъ имѣть записку о крѣпостномъ правѣ, чтобы представить ее государю и поговорить съ нимъ объ этомъ предметѣ. Тургеневъ немедленно исполнилъ его желаніе и въ своей запискѣ, послѣ краткаго, но правдиваго изображенія тяжелаго положенія барщинныхъ крестьянъ и дворовыхъ, предложилъ слѣдующія мѣры. Подтвердивъ исполненіе закона имп. Павла о трехдневной барщинѣ, онъ считалъ необходимымъ пояснить, что такая барщина освобождаетъ крестьянина отъ всякой другой повинности. Съ развитіемъ помѣщичьихъ фабрикъ на нихъ стали примѣнять трудъ даже очень маленькихъ дѣтей, такъ что Тургеневъ рѣшился предложить не допускать на такую работу дѣтей только моложе 10—12 лѣтъ! Продажу людей онъ считалъ необходимымъ дозволить лишь цѣлыми селеніями съ землею, владѣть крѣпостными разрѣшить только лицамъ, имѣющимъ помѣстья, и запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ подъ угрозою освобожденія крестьянъ, купленныхъ, проданныхъ, закабаленныхъ и взятыхъ во дворъ вопреки закону. Подъ такою же угрозою слѣдуетъ запретить въ городахъ господамъ самимъ наказывать своихъ слугъ, предоставивъ это полиціи, относительно же крѣпостныхъ въ деревнѣ точно регулировать право господина наказывать ихъ. Онъ предлагалъ также учредить комиссаровъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которымъ крестьяне могли бы жаловаться на помѣщика и которые вмѣстѣ съ предводителями дворянства и губернаторами могли бы уменьшать повинности крестьянъ или отдавать имѣнія въ опеку въ случаѣ превышенія установленной нормы. Произведеніе Тургенева понравилось имп. Александру, который сказалъ по этому поводу Милорадовичу: «я уже собралъ нѣсколько записокъ о крѣпостномъ правѣ [2]); я выберу изъ этихъ проектовъ все самое лучшее

---

[1]) Гр. Северинъ Потоцкій въ запискѣ 1818 г. предлагалъ императору Александру установить майораты въ имѣніяхъ отъ 4000 до 25000 десятинъ земли съ тѣмъ, чтобы владѣлецъ не могъ брать крестьянъ въ дворовые, переселять и продавать ихъ, но также не могъ бы и освобождать ихъ безвозмездно.

[2]) Съ нѣкототорыми изъ нихъ мы познакомились, о другихъ см. ниже.

и, наконецъ, сдѣлаю что-нибудь». Однако эти добрыя намѣренія не были осуществлены.

Къ числу проектовъ, авторы которыхъ желаютъ обратить крѣпостное право въ прикрѣпленіе къ землѣ на опредѣленныхъ условіяхъ, принадлежитъ проектъ Крюкова 1818 г., быть можетъ, нижегородскаго губернатора, отца двухъ братьевъ декабристовъ. Онъ предлагаетъ уничтожить право помѣщика продавать и закладывать людей. Крестьянскую землю онъ считаетъ необходимымъ совершенно отдѣлить отъ помѣщичьей, надѣливъ крестьянъ, кромѣ усадебной, не болѣе 6 дес. пахотной земли на тягло, $^1/_2$ дес. покоса, общимъ выгономъ и предоставивъ имъ $^1/_5$ часть дровяного лѣса для ихъ нуждъ, а не для продажи. Землю эту крестьяне не могутъ продавать ни цѣликомъ, ни частями; она остается за ними «неприкосновенною», но съ помѣщика слагаются долги въ казенныя учрежденія, которые или совершенно прощаются, или переводятся на крестьянъ. Кромѣ того, они уплачиваютъ за нее оброкъ помѣщику въ размѣрѣ 40 р. съ тягла, хотя, по признанію Крюкова, обычный тогда оброкъ былъ отъ 20 до 40 р. Если крестьяне пожелаютъ выкупить «оброчное право» помѣщика, т. е. получить свободу съ отведенною имъ землею, то должны уплатить по 500 р. съ души. Авторъ утверждаетъ, что продажная цѣнность «души» (съ землею) равнялась тогда 300—700 р., но въ свободные хлѣбопашцы выкупались на болѣе умѣренныхъ условіяхъ, а именно 44,7% всѣхъ выкупившихся уплатили помѣщикамъ отъ 300 до 500 р., а 49,5% даже менѣе 300 р. съ души. Крюковъ предлагалъ разрѣшить выкупаться семействами или дворами и безъ земли съ разрѣшеніемъ переселяться или избирать родъ жизни по закону. Дворовые должны были поступить въ крестьяне на общемъ основаніи, а взамѣнъ ихъ крестьяне должны были давать на время своему бывшему господину людей въ услуженіе (какъ это дѣлалось въ Лифляндіи до 1804 г.), но въ опредѣленномъ количествѣ (до 3% крестьянъ), и этихъ людей помѣщику разрѣшалось даже подвергать небольшому тѣлесному наказанію. Такое преобразованіе быта крестьянъ, въ виду обременительности платежей и повинностей въ пользу помѣщика, не могло бы улучшить ихъ экономическаго положенія, но по этому проекту они, по крайней мѣрѣ, не подвергались насильственному обезземеленію, и общинное землевладѣніе ихъ разрушать не предполагалось.

Къ этому же разряду предположеній слѣдуетъ отнести и проектъ Канкрина (1818 г.), который явился рѣшительнымъ противникомъ безземельнаго освобожденія и представилъ планъ постепеннаго ограниченія крѣпостного права, съ предоставленіемъ земли въ наслѣдственное пользованіе крестьянъ и опредѣленіемъ размѣра ихъ повинностей, которыя современемъ имъ разрѣшено было бы выкупать, а еще позднѣе было бы даровано и право перехода. Наряду съ нѣкоторыми вредными

для крестьянъ мѣрами, рекомендуемыми Канкринымъ (какъ, напр., насильственное превращеніе общиннаго землевладѣнія въ подворное) въ этомъ проектѣ было и много полезныхъ предложеній, но, къ сожалѣнію, авторъ желалъ растянуть его исполненіе на крайне долгій срокъ (до 1880 г.).

Освобожденіе крестьянъ безъ земли было осуществлено при имп. Александрѣ въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ, и прежде всего въ Эстляндской, гдѣ пришли къ нему такимъ образомъ. Положенія относительно эстляндскихъ крестьянъ, выработанныя мѣстнымъ ландтагомъ и утвержденныя государемъ 14 іюля 1802 г. и 27 авг. 1804 г. (послѣднее съ нѣкоторыми измѣненіями), были гораздо менѣе благопріятны для крестьянъ, чѣмъ соотвѣтственное лифляндское положеніе того же года. Въ Эстляндіи было дозволено продавать крестьянъ безъ земли, хотя и съ опредѣленными ограниченіями и съ согласія крестьянскаго суда, и брать сыновей и зятьевъ съ согласія родителей въ услуженіе помѣщику, домашняя расправа ограничена въ меньшей степени (при чемъ не дѣлалось различія между хозяевами и работниками), крестьянскій судъ поставленъ въ зависимость отъ помѣщика, крестьяне не получали права пріобрѣтать землю въ собственность, повинности ихъ въ пользу помѣщиковъ были назначены въ большемъ размѣрѣ и, наконецъ, опредѣленіе качества крестьянской земли, обязательное въ Лифляндіи въ связи съ определеніемъ размѣра повинностей, требовалось здѣсь лишь въ случаѣ спора между помѣщикомъ и крестьянами.

Въ томъ же году бар. Штакельбергъ представилъ имп. Александру записку, въ которой доказывалъ, что новый законъ не улучшилъ положенія крестьянъ въ Эстляндіи, но оставилъ ихъ въ нищетѣ, и гр. Пав. А. Строгановъ сообщилъ эстляндскому предводителю дворянства мнѣніе государя, что Положеніе (регулятивъ) 1804 г. не можетъ считаться окончательнымъ и должно быть современемъ улучшено. Осенью 1805 г. произошли довольно серьезныя волненія въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ въ Эстляндіи, а въ слѣдующемъ году въ правительственныхъ и иныхъ сферахъ произвела сильное впечатлѣніе анонимная книга дерптскаго профессора Эверса, на нѣмецкомъ языкѣ, «Временное устройство крестьянскаго сословія въ Эстляндіи», посвященная министру внутреннихъ дѣлъ Кочубею и сенатору Новосильцеву, гдѣ посредствомъ сравненія эстляндскаго Положенія о крестьянахъ съ лифляндскимъ показаны были всѣ недостатки перваго съ слѣдующимъ общимъ выводомъ: «Въ Эстляндіи дѣло не можетъ остаться въ такомъ положеніи, ибо—императоръ справедливъ». Въ 1809 г. лифляндскій комитетъ (въ Петербургѣ) рѣшилъ, что эстляндское крестьянское Положеніе должно быть измѣнено и нѣсколько приближено къ лифляндскому, для чего и созванъ былъ чрезвычайный ландтагъ въ февралѣ 1810 г. Такъ какъ требованія правительства весьма не нравились эстляндскому

дворянству, и особенно невозможными для себя оно считало расходы на межеванiе и кадастръ крестьянскихъ земель, которые несло дворянство въ Лифляндiи, то явилась мысль о совершенномъ освобожденiи крестьянъ безъ земли. Мы видѣли выше, что лифляндскому ландтагу въ 1803 г. обсуждать такой вопросъ государь запретилъ (впрочемъ, уже послѣ того, какъ онъ былъ рѣшенъ отрицательно); поэтому, чтобы узнать, какъ онъ смотритъ теперь на этотъ предметъ, отправился въ Петербургъ Я. Г. фонъ-Бергъ, подъ влiянiемъ котораго совершилось въ 1802 г. нѣкоторое ограниченiе крѣпостного права въ Эстляндiи, и чрезъ принца Георга Ольденбургскаго узналъ (въ концѣ сентября 1810 г.), что имп. Александръ съ видимымъ удовольствiемъ встрѣтилъ мысль объ уничтоженiи крѣпостного права. Затѣмъ Бергъ былъ отправленъ эстляндскимъ дворянствомъ въ Тверь, гдѣ жилъ принцъ Георгъ Ольденбургскiй (какъ генералъ-губернаторъ тверской, новгородской и ярославской губернiй), и принцъ далъ ему записку по этому предмету [1]) для передачи импер. Александру, въ которой горячо совѣтовалъ произвести предложенное уничтоженiе крѣпостного права и введенiе свободныхъ договоровъ между помѣщиками и крестьянами. Въ февралѣ 1811 г. собрался эстляндскiй ландтагъ, на которомъ были приняты подлежащiе дальнѣйшей разработкѣ основные принципы освобожденiя крестьянъ безъ земли, и государь 31 марта одобрилъ эти основныя начала, съ тѣмъ, чтобы дѣло это, до совершеннаго его окончанiя, производилось «безъ огласки». Въ январѣ 1812 г. была учреждена комиссiя для выработки закона объ освобожденiи крестьянъ уже не въ Петербургѣ, а въ Ревелѣ, и членами ея были почти исключительно мѣстные дворяне. 23 мая 1816 г. проектъ закона былъ утвержденъ императоромъ, а 8 янв. 1817 г. торжественно провозглашено въ Ревелѣ освобожденiе эстляндскихъ крестьянъ безъ земли. Упомянемъ о нѣкоторыхъ основныхъ началахъ этого закона.

Крестьяне освобождаются отъ наслѣдственной зависимости помѣщику, вслѣдствiе чего ихъ запрещается безъ земли или съ землею, по одиночкѣ или семьями, продавать, дарить, уступать, закладывать или иначе за кѣмъ-либо укрѣплять. Помѣщику сохраняется полная собственность на землю, почему и предоставляется ему имѣть надзоръ за благочинiемъ состоящихъ въ его помѣстьѣ мiрскихъ обществъ и живущихъ въ немъ крестьянъ. Крестьянинъ имѣетъ право прiобрѣтать въ наслѣдственное владѣнiе или собственность земли и другiя недвижимыя имущества, а также заключать договоры о добровольномъ вступленiи въ услуженiе, о взятiи и отдачѣ въ аренду земли. Крестьянину не запрещается переходить изъ одного общества въ другое и пере-

---

[1]) Подъ заглавiемъ „Размышленiя о свободномъ состоянiи, которое могло бы быть даровано эстонскимъ крестьянамъ“ (14 ноября 1810 г).

С. А. Коровинъ. На міру.

мѣнять по своей волѣ мѣсто жительства, если онъ исполнилъ всѣ свои обязанности относительно общества и прежняго помѣщика, но къ этому въ интересахъ дворянъ было присоединено возмутительное ограниченіе, что крестьянинъ не долженъ покидать границы губерніи, пока общее число эстляндскихъ крестьянъ не достигнетъ 140.000 д. м. п. (а между тѣмъ даже въ 1852 г. ихъ численность равнялась лишь 126.940); до этого времени крестьянинъ можетъ заключать договоры только въ предѣлахъ губерніи [1]) и при томъ лишь такіе, которые не отвлекали бы его отъ земледѣлія и земледѣльческихъ промысловъ; они не могли также поселяться въ городахъ, пока численность крестьянъ не достигнетъ 120.000 д. м. п. Для распространенія дѣйствія закона 1816 г. на всѣ классы населенія помѣщичьихъ имѣній Эстляндіи (крестьянъ, батраковъ и дворовыхъ) назначенъ былъ переходный періодъ въ 14 лѣтъ.—Подъ давленіемъ правительства курляндское дворянство также освободило своихъ крестьянъ безъ земли по закону, утвержденному имп. Александромъ 25 авг. 1817 г., а 26 марта 1819 г. государь утвердилъ и освобожденіе крестьянъ безъ земли въ Лифляндіи съ установленіемъ 13-лѣтняго переходнаго періода; отмѣчу, что по этому закону, въ отличіе отъ положенія 1804 г., помѣщикамъ было предоставлено право наказывать тѣлесно и крестьянъ-хозяевъ безъ предварительнаго приговора мірского суда [2]).

Благами безземельнаго освобожденія крестьянъ нѣкоторые остзейцы готовы были надѣлить и всю Россію. Такъ, напр., г. Стенбокъ въ запискѣ, присланной имъ въ 1809 г. Балашову, предлагаетъ введеніе вмѣсто крѣпостного права арендныхъ отношеній (повидимому, безсрочной аренды) на основаніи договоровъ со взносомъ арендной платы натурою. Довольно антипатичное предложеніе сдѣлалъ въ письмѣ къ имп. Александру (1812 г.) эстляндскій помѣщикъ Я. Г. фонъ-Бергъ, съ которымъ мы встрѣтились уже выше. Первое правило его проекта состояло въ томъ, чтобы было запрещено помѣщикамъ освобождать своихъ крѣпостныхъ безплатно (!!), запрещено продавать крестьянъ отдѣльно отъ земли, если только они сами на это не согласятся (какъ будто отъ крѣпостного трудно было добиться такого согласія!) и, наконецъ, дозволить выкупъ на свободу по цѣнамъ, опредѣляемымъ мѣстными комитетами, а для содѣйствія такому выкупу (безъ земли) учредить фондъ, изъ котораго выдавались бы ссуды. Такимъ образомъ Бергъ предлагалъ, чтобы русскіе крестьяне выкупали свою личную

---

[1]) Лишь въ 1856 г. эстляндскіе крестьяне получили свободу переселенія повсюду, въ Россіи, но и то съ ограниченіемъ, чтобы въ теченіе года безъ согласія землевладѣльца и крестьянскаго общества могло переселяться не болѣе 5% крестьянъ.

[2]) Axel v. Gernet. Geschichte u. System des bäuerlichen Agrarrechts in Estland. Reval. 1901.; А. Тобинъ. Лифляндское аграрное законодательство въ 19 столѣтіи. Т. I. Рига 1900 г.

свободу, тогда какъ относительно Эстляндіи въ это время уже рѣшено было произвести освобожденіе крестьянъ безъ земли, но и безъ выкупа.

Были, впрочемъ, и русскіе прожектеры, предлагавшіе безземельное освобожденіе крестьянъ. Таковы были два Малиновскихъ. Первый Василій Малиновскій, нашъ генеральный консулъ въ Яссахъ, прислалъ гр. Кочубею въ 1802 г. записку объ «освобожденіи рабовъ», въ которой предлагалъ въ извѣстный день объявить по всей Россіи уничтоженіе крѣпостного права, послѣ чего дворовые должны были пробыть у своихъ прежнихъ господъ «съ мѣсяцъ», а крестьянамъ дозволить переходъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. В. Малиновскій предлагалъ дозволить получившимъ свободу переселиться на казенныя земли съ тѣмъ, чтобы вновь отводимыя для поселенія земли принадлежали тому помѣщику, чьи крестьяне тамъ поселятся, но въ то же время онъ говоритъ и о правѣ «собственности» на землю (вѣроятно, безсрочнаго пользованія) этихъ же самыхъ переселившихся, лично свободныхъ крестьянъ. Другой Малиновскій, Алексѣй Ѳед., управляющій московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, о которомъ мы уже упоминали, предлагалъ (въ 1817 г.), если непремѣнно будетъ рѣшено дать свободу крестьянамъ и въ Великороссіи, въ ознаменованіе 1812 года и въ награду вѣрности крестьянъ въ это время, объявить свободными дѣтей обоего пола, рожденныхъ послѣ 1812 г. и включенныхъ въ 7 ревизію (1816 г.) и послѣ нея раждаемыхъ.

Проекты освобожденія крестьянъ безъ земли въ губерніяхъ съ русскимъ населеніемъ сочувствія не встрѣчали, но въ сѣверозападной Россіи примѣръ Остзейскаго края (а также и безземельнаго освобожденія крестьянъ въ 1807 г. въ герцогствѣ Варшавскомъ) вызывали стремленіе къ подражанію: это объясняется тѣмъ, что западный край, какъ и Остзейскія губерніи, имѣлъ хорошіе водные пути для сбыта хлѣба за границу, и помѣщики могли разсчитывать, обезземеливъ крестьянъ, увеличить свою запашку, а, слѣдовательно, и доходность имѣній. Мысль о такомъ освобожденіи крестьянъ впервые возникла среди дворянства Вилькомірскаго уѣзда. Проектъ, одобренный на уѣздномъ дворянскомъ собраніи, былъ въ 1817 г. переданъ губернскому дворянскому собранію въ Вильнѣ. Здѣсь въ янв. 1818 г. маршалъ одного повѣта (уѣздный предводитель дворянства) Завиша произнесъ рѣчь въ защиту освобожденія, которая встрѣчена была съ большимъ сочувствіемъ. Государь 27 февр. 1818 г. повелѣлъ виленскому военному губернатору Римскому-Корсакову собрать мнѣнія дворянства объ учрежденіи для этого дѣла особой комиссіи. 17 октября 1818 г. гродненскій губернскій маршалъ гр. Грабовскій обратился съ письмомъ къ государю, въ которомъ сообщалъ, что мѣстное дворянство ждетъ только его позволенія, чтобы приступить къ составленію положенія для обезпеченія существованія крестьянъ. Такъ какъ положеніе крестьянъ въ губерніяхъ Виленской,

Минской и Гродненской и въ Бѣлостокской области болѣе или менѣе одинаково, то онъ просилъ разрѣшенія государя, чтобы депутаты дворянства этихъ губерній работали вмѣстѣ надъ составленіемъ проекта освобожденія, слѣдуя образцамъ, представляемымъ Курляндіею и Польскимъ королевствомъ. 5 янв. 1819 г. Римскій-Корсаковъ донесъ государю, что изъ дворянъ Виленской губ. 1469 желали учредить комиссію, а 77 высказались противъ нея. Письмо Грабовскаго и донесеніе Римскаго-Корсакова были отосланы въ Варшаву Новосильцову, такъ какъ государь желалъ его содѣйствія въ этомъ дѣлѣ. Новосильцевъ въ письмѣ къ государю отъ 1 марта 1819 г. отнесся совершенно отрицательно къ принципу свободныхъ договоровъ между помѣщиками и крестьянами, освобожденными безъ земли, и рѣшительно высказался за опредѣленіе ихъ «повинностей соразмѣрно участкамъ господской земли, въ содержаніе имъ отдаваемымъ». Безъ такого опредѣленія повинностей, говоритъ Новосильцовъ, крестьяне будутъ всегда подвергаться притѣсненіямъ со стороны собственниковъ земли, «всѣ права, дарованныя крестьянамъ, будутъ совершенно мнимыми и не принесутъ имъ въ сущности никакой дѣйствительной выгоды»; при отсутствіи такого положенія о повинностяхъ онъ сомнѣвается въ искренности «всѣхъ предложеній, которыя были сдѣланы въ пользу крестьянъ», и смотритъ на нихъ «лишь какъ на увертки, къ которымъ прибѣгли, чтобы обойти главный вопросъ. Ибо какъ иначе можно было обезпечить этотъ несчастный классъ людей отъ пагубныхъ для нихъ послѣдствій безмѣрной жадности помѣщиковъ и арендаторовъ». Новосильцовъ не возлагаетъ надежды на конкуренцію между землевладѣльцами, думаетъ, что скорѣе они заключатъ между собою союзъ для окончательнаго подавленія крестьянъ, и говоритъ, что вѣроятно поэтому «въ эстляндскомъ и курляндскомъ положеніяхъ не сочли даже умѣстнымъ предоставить крестьянину право покидать свою губернію». Онъ указываетъ на то печальное положеніе, въ которое поставило крестьянъ Царства Польскаго освобожденіе безъ земли и безъ всякаго регулированія договоровъ относительно пользованія ею. Имп. Александру, повидимому, было извѣстно ранѣе «Мнѣніе одного украинскаго помѣщика» (Каразина) относительно освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи, гдѣ авторъ отрицательно отнесся къ этому освобожденію. Но въ Каразинѣ государь разочаровался, и его мнѣніе, вѣроятно, не произвело впечатлѣнія. Теперь имп. Александру впервые пришлось прочесть сильно и удобопонятно написанный протестъ противъ остзейскаго способа освобожденія крестьянъ. Поэтому онъ не спѣшилъ утверждать постановленіе литовскаго дворянства по крестьянскому вопросу, которое привезъ въ Петербургъ Римскій-Корсаковъ въ іюнѣ 1819 г. Онъ ждалъ присылки правилъ, которыя Новосильцовъ вызвался составить въ дополненіе къ эстляндскому и курляндскому крестьянскимъ Положеніямъ и которыя не были

готовы еще и въ іюнѣ 1820 г. Примѣръ остзейскихъ дворянъ показался соблазнительнымъ и дворянству Динабургскаго уѣзда Витебской губ. Тамъ съ декабря 1818 г. былъ также поднятъ вопросъ о безземельномъ освобожденіи крестьянъ, и дворянская комиссія составила въ 1822 г. Положеніе, сходное съ остзейскимъ. Дѣло о крестьянахъ Динабургскаго уѣзда тянулось еще и въ царствованіе имп. Николая, но ничего изъ этого не вышло. Въ сентябрѣ 1818 г. поднятъ былъ также вопросъ объ освобожденіи крестьянъ въ Слуцкомъ повѣтѣ Минской губ., но, выслушавъ докладъ объ учрежденіи тамъ комиссіи, государь въ іюнѣ 1819 г. приказалъ отложить его до изготовленія правилъ Новосильцовымъ.

Почти съ одною усадебною землею желалъ освободить своихъ крестьянъ извѣстный декабристъ И. Д. Якушкинъ. Въ 1819 г. онъ сдѣлалъ заявленіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ, что желаетъ отпустить на волю 121 душу своихъ крестьянъ Вяземскаго у., Смоленской губ. съ ихъ имуществомъ, строеніемъ и землею, находящеюся подъ усадьбами, огородами, выгонами и построенными въ 1820 году избами, не требуя за это никакой платы (всей земли—27 десятинъ); если же они пожелаютъ пользоваться бо́льшимъ количествомъ земли, то могутъ нанимать ее у него или у другихъ помѣщиковъ. Министерство предложило Якушкину заключить съ крестьянами договоръ на основаніи закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, но крестьяне не приняли предложенія помѣщика, отвѣтивъ ему такъ: «мы ваши, а земля наша» [1]. Якушкинъ, въ отличіе отъ многихъ современниковъ, хорошо понималъ всю полезность для крестьянъ общиннаго землевладѣнія.

Другой декабристъ, Н. И. Тургеневъ, въ наброскѣ правилъ, составленномъ имъ въ 1820 г., когда гр. Воронцовъ задумалъ устроить общество помѣщиковъ съ цѣлью освобожденія крестьянъ (не осуществившееся вслѣдствіе неразрѣшенія его имп. Александромъ), предложилъ, чтобы дома и огороды были «собственностью крестьянъ, по предположенію Якушкина» (т. е. безвозмездно), а относительно остальной земли крестьянамъ и помѣщикамъ было бы предоставлено право заключать «добровольное условіе на долгое время, даже Erbpacht» (наслѣдственная аренда,—Тургеневъ прибавляетъ, что не видитъ «выгоды короткихъ сроковъ» аренды) съ тѣмъ, чтобы крестьянинъ могъ отказаться отъ заключенія контракта, а помѣщику этого не дозволялось. Тургеневъ отмѣтилъ, что нужно будетъ рѣшить «важный вопросъ»: «предоставить ли помѣщику полное право требовать, сколько онъ захочетъ, отъ крестьянина» (за пользованіе землею),

[1]) Смоленскій предводитель дворянства въ оффиціальномъ донесеніи 1840 г. говоритъ: «Крестьяне издавна составили себѣ убѣжденіе..., что земля, на которой они живутъ и которою пользуются, если не собственность ихъ, то, по крайней мѣрѣ, общая съ помѣщиками». Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина II, 25.

или назначить maximum его требованій», напр., днями работы. Должно установить также «право перехода» крестьянъ. Отказавшись отъ земли, кромѣ усадебной, крестьянинъ можетъ жить въ своемъ домѣ, не имѣя никакого дѣла съ помѣщикомъ. Но въ случаѣ причиняемаго помѣщику безпокойства «судомъ можетъ быть заставленъ продать свой домъ и удалиться. Для освобожденія крестьянъ», по мнѣнію Тургенева, «нужно время; дворовыхъ можно отпустить немедленно». Третій декабристъ, Никита Мих. Муравьевъ, въ первой редакціи своего проекта конституціи предложилъ совершенно безземельное освобожденіе крестьянъ, а во второй—освобожденіе съ усадебною землею, въ обоихъ случаяхъ безъ выкупа.

Къ числу предположеній относительно освобожденія крестьянъ съ землею принадлежитъ проектъ, составленный въ 1818 г. Аракчеевымъ по приказанію имп. Александра, при чемъ государь поставилъ условіемъ, чтобы онъ «не заключалъ въ себѣ никакихъ мѣръ, стѣснительныхъ для помѣщиковъ», и особенно, чтобы эти мѣры «не представляли ничего насильственнаго въ исполненіи со стороны правительства». По проекту Аракчеева, слѣдовало учредить постоянную комиссію, отъ которой всякій помѣщикъ могъ требовать покупки у него крестьянъ съ надѣломъ по 2 десятины на ревизскую душу, для чего слѣдовало ежегодно отпускать изъ казны 5 милл. рублей. Если принять стоимость «души» съ землею въ 300 р., то ежегодно такимъ образомъ было бы выкупаемо лишь около 16.000 душъ м. п. Такъ какъ ежегодный приростъ крѣпостного населенія былъ, конечно, гораздо болѣе, то такимъ способомъ крестьяне никогда не были бы освобождены.

Надъ немедленнымъ освобожденіемъ всѣхъ крестьянъ съ землею задумывались въ сущности только декабристы. Вопросъ о правѣ крестьянъ на землю очень занималъ Н. И. Тургенева. Еще въ 1816 г. онъ спрашиваетъ въ своемъ дневникѣ: «почему земля болѣе принадлежитъ помѣщику, нежели крестьянамъ?» Въ томъ же году, вѣроятно, подъ вліяніемъ прусскаго законодательства, у него является мысль о томъ, что слѣдуетъ отдать крестьянину половину помѣщичьей земли, при чемъ, имѣя въ виду интересы помѣщиковъ малоземельныхъ, онъ считалъ полезнымъ опредѣлить максимумъ участка крестьянина. Въ 1820 г. онъ также выражаетъ желаніе, чтобы крестьянамъ дана была въ собственность часть земли «по соразмѣрности», опредѣливъ при томъ minimum и maximum ея количества. Но, какъ видно изъ позднѣйшаго его письма къ брату, онъ не предлагалъ этого гласно, чтобы не испугать помѣщиковъ: онъ полагалъ, что освобожденіе даже съ одною усадебною землею лучше для крестьянъ, чѣмъ крѣпостное состояніе. Окончательная мысль Никиты Мих. Муравьева, выраженная въ его показаніи во время слѣдствія по дѣлу декабристовъ, была такова: «Крѣпостное состояніе отмѣняется. Помѣщичьи крестьяне по-

лучаютъ въ свою собственность дворы, въ которыхъ они живутъ, скотъ и земледѣльческія орудія... и по 2 десятины земли на каждый дворъ для осѣдлости ихъ». Эту землю они, очевидно, должны были получить безплатно, пахотныя же земли «обрабатываютъ по договорамъ обоюднымъ» съ владѣльцами; они получаютъ право пріобрѣтать землю и «въ потомственное владѣніе». Опытъ Якушкина показалъ, что освобожденія съ однѣми усадебными землями крестьяне не принимали; ихъ не могли удовлетворить и 2 десятины на дворъ (даже Аракчеевъ предлагалъ выкупать крестьянъ съ 2 дес. на ревизскую душу); произвести безвозмездное отчужденіе помѣщичьихъ земель въ большемъ размѣрѣ казалось членамъ Сѣвернаго тайнаго общества невозможнымъ; оставался поэтому одинъ исходъ—выкупъ земель, и это ранѣе всѣхъ понялъ членъ этого общества Якушкинъ, а въ Южномъ обществѣ—Пестель. Якушкинъ въ 1825 г. занимался вычисленіями относительно «выкупа крѣпостныхъ крестьянъ» казною. Въ январѣ слѣдующаго года онъ былъ арестованъ и на первомъ же допросѣ заявилъ, что «всего болѣе занимался отысканіемъ способа уничтожить крѣпостное состояніе въ Россіи», что этотъ узелъ «долженъ быть развязанъ правительствомъ, или, въ противномъ случаѣ, насильственно разорванный, онъ будетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія», и что правительство «можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ». Декабристъ Завалишинъ свидѣтельствуетъ, что въ совѣщаніяхъ членовъ Сѣвернаго общества большинство мнѣній «склонялось къ выкупу» крестьянъ «государствомъ», который облегчался задолженностью помѣщиковъ казнѣ.

Въ Южномъ тайномъ обществѣ господствовало относильно крестьянскаго вопроса мнѣніе Пестеля. Въ своемъ сочиненіи «Русская Правда», которое должно было послужить наказомъ временному верховному правленію при проведеніи преобразованій, онъ выставилъ основное требованіе, чтобы освобожденіе создало крестьянамъ «лучшее положеніе противу прежняго, а не мнимую свободу» даровало бы имъ, чтобы оно «елико возможно, было улучшено и на твердыхъ началахъ и правилахъ положительнымъ образомъ основано». Для выработки такого постановленія верховное правленіе должно было возложить на дворянскія собранія обязанность представить свои проекты и затѣмъ изъ нихъ «выборъ сдѣлать, цѣлое составить и оное въ ходъ и дѣйствіе привести». Предположенія свои въ «Русской Правдѣ» относительно освобожденія крестьянъ Пестель не успѣлъ окончательно обработать. Въ особомъ наброскѣ о дѣлежѣ земель онъ предлагалъ, смотря по большему или меньшему обилію земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, или безвозмездное принудительное отчужденіе половины помѣщичьихъ земель (если въ имѣніи болѣе 10 дес. на душу), или вознагражденіе дворянъ за отобранныя у нихъ земли, хотя и не всегда въ полной

мѣрѣ (послѣднее въ имѣніяхъ, гдѣ было отъ 5 до 10 дес. на душу) казенною землею или деньгами изъ казны.[1]).

Предположенія Якушкина о выкупѣ крестьянъ казною, а также и планъ Пестеля не были извѣстны имп. Александру. Во всѣхъ же остальныхъ проектахъ, разсмотрѣнныхъ въ этой главѣ, предлагались или различныя мѣры для ограниченія крѣпостного права, или неудачныя, невыгодныя для крестьянъ мѣропріятія при его окончательной ликвидаціи. Но правительство было само повинно въ томъ, что крестьянскій вопросъ не былъ разработанъ съ необходимою полнотою, такъ какъ въ 1820 г. запрещено было печатать что-либо какъ за, такъ и противъ освобожденія крестьянъ. Немудрено, что при Александрѣ I было очень мало сдѣлано для уничтоженія и ограниченія крѣпостного права. Самыми важными мѣрами въ этомъ отношеніи были прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній въ полную собственность и указъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ; затѣмъ нужно упомянуть объ уничтоженіи правила «по холопу раба» (по которому свободная женщина, вышедшая замужъ за крѣпостнаго, дѣлалась крѣпостною по мужу), запрещеніи помѣщикамъ продавать трудъ своихъ крѣпостныхъ на фабрики и заводы, запрещеніи продажи крѣпостныхъ на ярмаркахъ (не прекратившемъ однако этого позорнаго обычая) и, наконецъ, объ уничтоженіи права помѣщиковъ отдавать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу [2]). Освобожденіе крестьянъ безъ земли въ Остзейскомъ краѣ слѣдуетъ отнести къ числу явленій отрицательныхъ, такъ какъ оно тяжело отразилось на экономическомъ положеніи крестьянъ. Призракъ обезземеленія грозилъ уже западной Россіи. Въ 1819 г. ходили слухи, какъ писалъ Кочубей Сперанскому, что государь предполагаетъ производить освобожденіе крѣпостныхъ по губерніямъ, и что Псковская получитъ учрежденіе для крестьянъ, сходное съ лифляндскимъ. Письмо Новосильцова отъ 1 Марта 1819 г., повидимому, охладило сочувствіе императора освобожденію крестьянъ безъ земли, а волненіе Семеновскаго полка 18 октября 1820 г. заставило его совершенно забыть о планахъ эмансипаціи; этимъ волненіемъ по крайней мѣрѣ (и, вѣроятно, появившеюся въ это время прокламаціею), какъ полагаетъ, было вызвано неисполненіе проекта Аракчеева. Освобожденію крестьянъ безъ земли цѣлыми имѣніями, къ счастію, мѣшалъ законъ 20 февраля 1803 г.

---

[1]) О взглядахъ декабристовъ на крестьянскій вопросъ см. въ моей книгѣ «Политическія и общественныя идеи декабристовъ». Спб. 1909 г.

[2]) Въ 1824 крестьянамъ въ Грузіи было разрѣшено выкупаться при продажѣ дворянскихъ имѣній съ публичнаго торга, при чемъ они пріобрѣтали личную свободу и право собственности на землю и поступали въ число свободныхъ хлѣбопашцевъ (П. С. З. т. XXXIX. № 20. 806). О крѣпостномъ правѣ и крестьянскомъ вопросѣ въ Грузіи см. статьи Калантарова въ «Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ» т. II, Тифлисъ, 1872 и Кучаева «Феодализмъ и закрѣпощеніе въ Закавказьѣ» («Русскій Вѣстникъ») 1893 г. №№ 1 и 3.

о свободныхъ хлѣбопашцахъ, въ чемъ и заключается его главное значеніе. Но это было многимъ непріятно, и даже Н. И. Тургеневъ въ запискѣ, представленной въ 1820 г. имп. Александру Милорадовичемъ, указывалъ на неполноту этого закона и предлагалъ разрѣшить помѣщикамъ сохранять право собственности на землю при освобожденіи крестьянъ, предоставляя имъ лишь пользованіе ею, не замѣтивъ, что законъ 1803 г. допускалъ это, но только на практикѣ соотвѣтственное правило его не нашло примѣненія. Стремленіе къ безземельному освобожденію обнаружилось и среди нашей высшей бюрократіи, и ей едва не удалось добиться осуществленія своихъ желаній. 4 мая 1824 г. государемъ было утверждено положеніе Государственнаго совѣта (по поводу одного изъ дѣлъ объ увольненіи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы) о томъ, что было бы весьма полезно допустить освобожденіе крестьянъ не только съ землею, но и безъ земли [1]).

Согласно этому мнѣнію Государственнаго совѣта, комиссія составленія законовъ должна была пересмотрѣть правила о свободныхъ хлѣбопашцахъ и составить проектъ новаго закона объ увольненіи крестьянъ вообще.

Совѣтъ комиссіи (въ составъ котораго входили тогда А. И. Тургеневъ, братъ Н-я И-ча, и Балугьянскій, юристъ, бывшій профессоръ и ректоръ университета, уже и прежде подготовлявшій проекты объ освобожденіи крестьянъ безъ предоставленія имъ права собственности на землю) выработалъ порученный ему проектъ. Личное освобожденіе крестьянъ и дворовыхъ оставлено было въ немъ безъ измѣненія. Что касается увольненія крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, то предполагалось разрѣшить его лишь относительно благопріобрѣтенныхъ, а не родовыхъ крестьянъ, и увольненіе это могло быть произведено: 1) дарственною записью, 2) договоромъ и 3) духовнымъ завѣщаніемъ. Кромѣ измѣненія правилъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, совѣтъ комиссіи рѣшилъ образовать новое свободное крестьянское состояніе срочныхъ и безсрочныхъ содержателей земли, остающейся собственностью помѣщика. Въ срочные и безсрочные содержатели предполагалось дозволить отпускать крестьянъ и дворовыхъ, какъ родовыхъ, такъ и благопріобрѣтенныхъ. Земли полагалось брать въ содержаніе не менѣе 3 десятинъ. Участокъ земли, состоящій въ безсрочномъ содержаніи, переходитъ безъ раздробленія съ дворомъ, всѣми земледѣльческими орудіями и скотомъ въ наслѣдственное пользованіе назна-

---

[1]) «Уволенные крестьяне» по мнѣнію Государственнаго совѣта, «могутъ и по всѣмъ вѣроятностямъ, конечно, будутъ оставаться на той же землѣ, на которой они дотолѣ жили. Новое въ Россіи свободное сословіе тогда только въ существѣ своемъ составиться можетъ, когда на истинныхъ началахъ учреждено будетъ, и когда отъяты будутъ существующія нынѣ препоны помѣщикамъ освобождать, а крестьянамъ получать свободу».

ченному въ завѣщаніи сыну (а при отсутствіи его—дочери) [1]). Правила объ освобожденіи на условіяхъ срочной и безсрочной аренды съ недостаточнымъ огражденіемъ интересовъ крестьянъ не могли принести имъ пользы, и потому нельзя жалѣть о томъ, что проектъ комиссіи осуществленъ не былъ [2]).

VII.

Имп. Николай, внимательно слѣдившій за дѣломъ декабристовъ, кое-чему все-таки научился изъ ихъ показаній и писемъ къ нему изъ крѣпости. По его желанію, былъ составленъ «Сводъ показаній» членовъ тайныхъ обществъ «о внутреннемъ состояніи государства». Въ немъ были между прочимъ приведены слова А. Бестужева о недовольствѣ крѣпостныхъ тѣмъ, что для нихъ ничего не сдѣлали послѣ 1812 г., и о злоупотребленіяхъ крѣпостнымъ правомъ. Въ заключеніи къ этому своду было указано на необходимость «улучшить положеніе земледѣльцевъ» и «уничтожить» унижающую человѣческое достоинство «продажу людей». Въ февралѣ 1827 г. этотъ «Сводъ» былъ представленъ государю, а 25 апрѣля въ секретномъ комитетѣ, учрежденномъ 6 декабря 1826 г. подъ предсѣдательствомъ гр. Кочубея для преобразованія всѣхъ частей управленія, была прочитана собственноручная записка имп. Николая, въ которой онъ выражалъ желаніе, чтобы была произведена перепись однимъ дворовымъ людямъ, послѣ нея было запрещено обращать крестьянъ въ дворовыхъ и чтобы затѣмъ съ дворовыхъ взимали тройныя подати съ цѣлію прекращенія увеличенія ихъ числа. По приказанію государя, комитету были также переданы бумаги о запрещеніи продажи людей безъ земли, полученныя имп. Александромъ отъ московскаго генералъ-губернатора кн. Д. В. Голицына.

Сперанскій, членъ этого комитета, внесъ въ него записку, составленную по приказанію имп. Николая, въ которой, въ числѣ первоначальныхъ мѣръ, онъ предлагалъ совершенно воспретить безземельное отчужденіе крестьянъ, а затѣмъ дозволить освобожденіе ихъ цѣлыми деревнями безъ земли. Единственнымъ средствомъ прекратить помѣщичьи злоупотребленія онъ считалъ опредѣленіе всѣхъ работъ и повинностей договоромъ. Онъ предлагалъ также различныя мѣры, чтобы прекратить увеличеніе дворовыхъ и понудить помѣщиковъ по-

---

[1]) Владѣть имѣніями, населенными срочными и безсрочными содержателями, предполагалось разрѣшить не только потомственнымъ, но и личнымъ дворянамъ, купцамъ двухъ первыхъ гильдій и канцелярскимъ чинамъ. По истеченіи 50 лѣтъ безсрочнаго содержанія помѣщикъ могъ поставить новыя условія, и если содержатель на нихъ не согласится, то договоръ разрушается.

[2]) Я остановился подробнѣе на исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе имп. Александра, такъ какъ для этого времени мнѣ вновь удалось собрать много неизданныхъ матеріаловъ.

степенно обращать ихъ въ крестьянъ. Къ концу 1829 г. былъ изготовленъ къ внесенію въ государственный совѣтъ «Проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ». Отмѣтимъ главныя черты его въ томъ видѣ, какой онъ принялъ послѣ измѣненія его Государственнымъ совѣтомъ и имп. Николаемъ. Помѣщики сохраняли право продавать и всѣми законными способами укрѣплять крестьянъ не иначе, какъ съ землею; они могли переселять ихъ на другія свои земли, но продавать на своз предполагалось запретить. Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ сохраняется, но крестьяне, нарушившіе договоры, подвергаются не только всей строгости взысканій, установленныхъ для частныхъ договоровъ, но и заключенію въ рабочихъ домахъ, а въ крайнемъ случаѣ могутъ быть по судебному приговору возвращаемы въ прежнее состояніе [1]).

При обсужденіи проекта закона о состояніяхъ Государственный совѣтъ, въ засѣданіи 24 апрѣля 1830 г., высказался противъ «общаго освобожденія» крестьянъ безъ земли, такъ какъ послѣдствіемъ этого было бы раздѣленіе ихъ на немногихъ богатыхъ арендаторовъ и «непомѣрное количество бѣдныхъ поденщиковъ»; однако въ слѣдующее засѣданіе, по настоянію нѣкоторыхъ членовъ, онъ нашелъ возможнымъ допустить увольненіе крестьнъ по договорамъ и безъ земли, но каждый разъ съ разрѣшенія государя. Затѣмъ кн. Меншиковъ сдѣлалъ попытку добиться совершенной отмѣны увольненія крестьянъ съ землею, но Государственный совѣтъ на это не согласился. Проектъ закона былъ отосланъ въ Варшаву на заключеніе цесаревича Константина Павловича; онъ отнесся къ нему отрицательно, высказавшись противъ безусловнаго запрещенія продажи дворовыхъ отдѣльно отъ имѣній, къ которымъ они приписаны, и запрещенія обращать крестьянъ въ дворовыхъ. Кончилось тѣмъ, что подъ вліяніемъ опасеній, возбужденныхъ іюльскою революціею 1830 г. во Франціи, бельгійскою революцію, польскимъ возстаніемъ и холерою въ Россіи, предположенныя мѣры относительно крѣпостныхъ осуществлены не были.

Послѣ этой первой неудачной попытки ограниченія крѣпостного права, имп. Николай, считая несвоевременнымъ его уничтоженіе, все же полагалъ, что онъ долженъ подготовить окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса. «Главная цѣль моя», сказалъ онъ въ 1844 г.,—

---

[1]) По проекту положенія о дворовыхъ они должны были записываться въ ревизію отдѣльно отъ крестьянъ. Запрещалось вмѣсто нихъ ставить рекрутъ изъ крестьянъ, но обратная замѣна дозволялась. Послѣ первой же ревизіи запрещалось обращать крестьянъ въ дворовыхъ, но дозволялось переводить дворовыхъ въ крестьяне. Подушная подать должна была взиматься съ дворовыхъ въ двойномъ размѣрѣ сравнительно съ крестьянами. Продавать и закладывать дворовыхъ отдѣльно отъ деревень, къ которымъ они приписаны, а также и принадлежащихъ владѣльцамъ, не имѣющимъ деревень, запрещалась.

«измѣнить крѣпостное у насъ состояніе», однако онъ обнаружилъ мало рѣшительности въ этомъ отношеніи. Такъ, онъ считалъ невозможнымъ опредѣлить повинности крестьянъ во всей Россіи положительнымъ закономъ и желалъ, чтобы этому предшествовалъ рядъ добровольныхъ договоровъ между помѣщиками и крестьянами; онъ думалъ, что необходимо «избѣгать до послѣдней крайности прямого воспрещенія помѣщикамъ брать изъ крестьянъ въ дворовые», хотя въ началѣ царствованія считалъ это необходимымъ; онъ былъ убѣжденъ, что никоимъ образомъ нельзя прикоснуться къ праву собственности помѣщиковъ на землю. Очень благопріятною для крестьянъ чертою взглядовъ имп. Николая было лишь рѣшительное осужденіе имъ остзейской системы освобожденія крестьянъ безъ земли. Въ этомъ его поддерживалъ министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ, который при Александрѣ I лично зналъ Пестеля и былъ знакомъ съ его планами преобразованій [1]). Въ проектѣ, представленномъ Киселевымъ въ секретный комитетъ, учрежденный въ 1839 г., онъ высказался за то, чтобы помѣщики, сохраняя право вотчинной собственности на землю, предоставили крестьянамъ личную свободу и затѣмъ, снабдивъ ихъ опредѣленнымъ количествомъ земли, имѣли бы зато право на соразмѣрныя повинности крестьянъ или оброкъ, «положительно опредѣленные въ особомъ по каждому имѣнію инвентарю». Онъ желалъ достигнуть этого путемъ договоровъ между помѣщиками и крестьянами съ тѣмъ, однако, чтобы установленъ былъ предложенный имъ minimum надѣловъ и maximum повинностей. Онъ вынужденъ былъ, однако, вслѣдствіе возраженій другихъ членовъ комитета, отказаться отъ опредѣленія размѣра надѣловъ, а, слѣдовательно, и соотвѣтственныхъ имъ повинностей. Понятно, что законъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, по которому предоставлялось помѣщикамъ право, сохраняя въ своей собственности землю, заключать съ крестьянами договоры объ опредѣленіи ихъ повинностей, не имѣлъ почти никакихъ послѣдствій. Очень важною положительною стороною взглядовъ Киселева было то, что онъ былъ рѣшительнымъ защитникомъ общиннаго землевладѣнія. Онъ полагалъ также, что послѣ различныхъ подготовительныхъ мѣръ должно быть рѣшительно запрещено брать крестьянъ во дворъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій высказался въ особой запискѣ за опредѣленіе повинностей крестьянъ инвентарями, а затѣмъ предлагалъ издать постепенно слѣдующія узаконенія: 1) предоставить крестьянамъ право имѣть движимую и недвижимую собственность, 2) постановить, чтобы всѣ крѣпостные были приписаны къ населенной землѣ, 3) запретить всякое отчужденіе людей безъ земли, 4) ограни-

[1]) Еще для секретнаго комитета 1835 г., наиболѣе вліятельными членами котораго были Сперанскій и Канкринъ, послѣднимъ словомъ въ крестьянскомъ вопросѣ являлось безземельное освобожденіе крестьянъ.

чить, а затѣмъ и вовсе воспретить брать людей съ пашни во дворъ, 5) запретить отдачу людей въ услуженіе и нѣк. друг. Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ мѣръ онъ соглашался допустить переходъ крестьянъ къ другимъ помѣщикамъ и въ иныя сословія. Однако предложенія Перовскаго встрѣтили мало сочувствія въ секретномъ комитетѣ, на разсмотрѣніе котораго была передана его записка и однимъ изъ членовъ котораго былъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Комитетъ соглашался лишь на предоставленіе крѣпостнымъ крестьянамъ права на движимое имущество. Вообще цесаревичъ высказывался въ это время по крестьянскому вопросу въ консервативномъ смыслѣ. Въ комитетѣ 1848 г. онъ стоялъ за отмѣну закона 1847 г., распространившаго на всю Россію право грузинскихъ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга. Въ 1848 г. онъ заявилъ смоленскому дворянству чрезъ своего гофмаршала, что, какъ ему извѣстно, государь не имѣетъ намѣренія измѣнять положенія помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ 1847 г. имп. Николай обратился за содѣйствіемъ въ крестьянскомъ дѣлѣ къ смоленскимъ дворянамъ и чрезъ ихъ депутатовъ передалъ имъ свое желаніе, чтобы они помогли осуществленію его намѣреній обращеніемъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные. Однако, затѣмъ было сообщена воля государя, чтобы каждый «отдѣльно» руководился указомъ 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Записка 13 смоленскихъ дворянъ, предлагавшихъ рядъ мѣръ для ограниченія крѣпостного права, была не одобрена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; не могло встрѣтить тогда сочувствія и записка Вонлярлярскаго, предлагавшаго не ограниченіе крѣпостного права, а совершенное его уничтоженіе при помощи выкупной операціи съ п р е д о с т а в л е н і е м ъ к р е с т ь я н а м ъ в с е й з е м л и, к о т о р о ю о н и п о л ь з о в а л и с ь, въ потомственное владѣніе съ уплатою вѣчнаго поземельнаго оброка въ казну по 2 р. 50 к. съ десятины. Обращеніе къ смоленскому дворянству при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ закончилось лишь представленіемъ имп. Николаю двухъ крѣпостническихъ записокъ губернскаго предводителя кн. Друцкого-Соколинскаго.

Напротивъ, помѣщики малоземельной Тульской губерніи поняли всю выгодность для нихъ освобожденія крестьянъ съ весьма ничтожными надѣлами. Въ 1844 г. девять тульскихъ дворянъ подали губернатору заявленіе, что они готовы освободить крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ по одной десятинѣ на ревизскую душу съ тѣмъ, чтобы крестьяне платили за это въ казну, сверхъ подушной подати, по 3 р. сер. съ десятины, а зато изъ долга помѣщиковъ кредитнымъ учрежденіямъ было бы сложено по 45 р. на душу. Правительство потребовало, чтобы составители проекта заручились согласіемъ крестьянъ, что было, конечно, мудрено при предлагаемомъ въ немъ нищенскомъ надѣлѣ. Туль-

скій губернаторъ Н. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи получившій титулъ графа Амурскаго, предлагалъ въ 1846 г. дозволить помѣщикамъ освобождать крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы и безъ ихъ согласія на опредѣленныхъ правительствомъ условіяхъ. Въ слѣдующемъ году губернаторъ обратился, по повелѣнію государя, къ девяти тульскимъ дворянамъ съ запросомъ, отказались ли они отъ намѣренія освободить крестьянъ или же приготовляютъ новые проекты. Они ходатайствовали объ учрежденіи въ Тульской губ. оффиціальнаго комитета по крестьянскому дѣлу подъ предсѣдательствомъ губернатора, но ихъ просьба была отвергнута, однако имъ разрѣшено было совѣщаться, пригласивъ на свои собранія начальника губерніи. Тогда они составили новый проектъ выкупа крестьянъ и дворовыхъ на волю по одиночкѣ по 100 р. за душу м. п. съ надѣломъ по 1 дес., за землю же, сверхъ того, необходимую для составленія надѣла не менѣе 3 дес. на дворъ, полагалась особая плата по 45 р. съ десятины. Но, узнавъ о письмѣ гофмаршала наслѣдника цесаревича къ смоленскимъ дворянамъ, они не представили второго проекта, а шестеро изъ нихъ заявили, что желали бы надѣлить своихъ крестьянъ по 1 дес. земли въ личную собственность и получить за то денежное вознагражденіе при посредствѣ правительства. Министерство внутреннихъ дѣлъ отвергло ихъ проектъ.

Въ 1847 г., во время дворянскихъ выборовъ въ Рязанской губ., А. И. Кошелевъ хотѣлъ обратиться къ дворянству съ предложеніемъ ходатайствовать о разрѣшеніи государя на составленіе комитета изъ двухъ депутатовъ отъ каждаго уѣзда ихъ губерніи, «для предположенія мѣръ къ узаконенію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ». Въ проектѣ, который онъ желалъ внести въ рязанское дворянское собраніе, онъ предлагалъ нѣкоторыя измѣненія, неблагопріятныя для крестьянъ, въ законѣ объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ, напр., заключеніе договоровъ не навсегда, а на срокъ отъ 6 до 12 лѣтъ съ дозволеніемъ перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ, чтобы дворянство приняло на себя иниціативу въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ, вводя инвентари, которые представлялись бы въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ лишь въ случаѣ неодобренія ихъ губернскимъ комитетомъ. На обращеніе Кошелева къ министру внутреннихъ дѣлъ тотъ отвѣчалъ, что государь нашелъ составленіе комитета неудобнымъ.

Въ 1848 г. дворяне Царскосельскаго, Ямбургскаго и Петербургскаго уѣздовъ задумали составить положеніе, точно опредѣляющее повинности крестьянъ, и для выработки его выбрали особые комитеты, но министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ это избраніе противозаконнымъ, и учрежденіе комитетовъ разрѣшено не было.

Въ сороковыхъ и первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ былъ предложенъ еще отдѣльными лицами рядъ проектовъ о пріобрѣтеніи помѣщичь-

ихъ имѣній въ казну [1]) или выкупа земли крестьянами при содѣйствіи правительства посредствомъ кредитной операціи, обыкновенно съ небольшими надѣлами.

Если уже провинціальное дворянство начинало мѣстами обсуждать вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, то тѣмъ болѣе имъ занимались въ интеллигентныхъ кружкахъ Петербурга, Москвы, Кіева. Московскіе славянофилы желали освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ землею и съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. П. В. Кирѣевскій, извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ, въ письмѣ къ Кошелеву (1847 г.) доказывалъ недостаточность сдѣлокъ съ крѣпостными отдѣльныхъ владѣльцевъ и выражалъ желаніе, чтобы посредствомъ общаго закона былъ произведенъ «полный раздѣлъ помѣщиковъ съ крестьянами», которымъ «справедливо было бы отдать половину земли», какъ полагалъ Кирѣевскій (въ отличіе отъ Кошелева),—даже безъ выкупа. И. С. Аксаковъ въ 1849 г. держался того мнѣнія, что «помѣщики должны понести правомѣрный убытокъ при эмансипаціи крестьянъ за то, что цѣлыя столѣтія пользовались безобразными правами надъ собственностью и лицомъ крестьянина» и что крестьянинъ имѣетъ болѣе, чѣмъ помѣщикъ, правъ на землю. Ю. Самаринъ въ запискѣ, составленной имъ для лифляндскаго комитета 1846 г., установилъ теорію о «правѣ крестьянъ на землю», и Хомяковъ, одобрившій эту записку, выработалъ въ концѣ сороковыхъ годовъ (несохранившійся) планъ освобожденія крестьянъ съ землею посредствомъ одновременнаго выкупа по всей Россіи.

Объ уничтоженіи не только крѣпостного права, но и всякихъ сословныхъ привилегій мечтали члены такъ называемаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства въ Кіевѣ, въ которомъ (въ 1846—47 г. г.) принимали участіе Н. И. Костомаровъ, Шевченко, Н. И. Гулакъ и другіе сторонники федераціи славянскихъ народовъ. Въ ихъ воззваніи къ «братьямъ украинцамъ» выражалось желаніе, чтобы «въ каждой республикѣ было всеобщее равенство и свобода и никакого различія сословій». Въ сочиненіи Костомарова на русскомъ и малорусскомъ языкахъ, упоминаемомъ при допросахъ подъ названіемъ «Законъ Божій», которое было отчасти навѣяно произведеніемъ Мицкевича «Księgi narodu Polskiego» сказывалось рѣзко отрицательное отношеніе автора и къ современному политическому строю, и къ крѣпостному праву: «Не любила Украина ни царя, ни пана, и составила у себя козацство, т. е. братство, куда каждый, вступая, былъ братомъ другихъ, былъ ли онъ прежде господиномъ или рабомъ, лишь бы онъ былъ христіанинъ; и были козаки между собою всѣ равны, а старшины выбирались на со-

[1]) Декабристъ М. А. Фонвизинъ предлагалъ такимъ образомъ въ 14 лѣтъ покончить съ крѣпостнымъ правомъ.

браніи». Упомянувъ о возстаніи казаковъ и народа, о томъ, что Польша не хотѣла отказываться отъ своего «панства», о соединеніи съ московщиною по невѣдѣнію, ...
авторъ говоритъ, что «нѣмка царица Катерина . . . .
. . . . кончила козацство и свободу, ибо, отобравши тѣхъ, котарые были въ Украинѣ старшинами, надѣлила ихъ дворянствомъ и землями и отдала имъ вольную ихъ братію въ ярмо, однихъ подѣлала господами, а другихъ рабами.—И погибла Украина. Но такъ только кажется. Не погибла она . . . .
. . . .
. . . .
. . . . Встанетъ Украина изъ своей могилы и опять возsоветъ къ братьямъ-славянамъ, и услышитъ воззваніе ея, и возстанетъ славянщина . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . И Украина сдѣлается независимою Рѣчью Посполитою (т. е. республикою) въ союзѣ славянскомъ».

Въ соціалистическихъ кружкахъ въ Петербургѣ, образовавшихся во второй половинѣ сороковыхъ годовъ подъ вліяніемъ пропаганды М. В. Буташевича-Петрашевскаго [1]), одни ждали освобожденія народа отъ верховной власти, другіе, напротивъ, возлагали надежду на народное возстаніе; какъ истинные соціалисты, они, отчасти подъ вліяніемъ книги бар. Гакстгаузена, умѣли (подобно Бѣлинскому, а нѣсколько позднѣе и Герцену) оцѣнить великое значеніе для народа общины и артели. Нѣкоторые петрашевцы готовились и къ пропагандѣ своихъ идей въ народѣ и съ этою цѣлію написали небольшія статьи, направленныя противъ крѣпостного права, для распространенія ихъ среди крестьянъ и солдатъ («Десять заповѣдей» Филиппова, «Солдатская Бесѣда» Григорьева). Петрашевскій въ «Проектѣ объ освобожденіи крестьянъ» высказался за освобожденіе ихъ съ землею безъ вознагражденія помѣщикамъ. «Первымъ и самымъ простымъ способомъ освобожденія крестьянъ», говоритъ онъ, «можетъ являться прямое, безусловное освобожденіе ихъ съ тою землею, которая ими была обрабатываема безъ всякаго вознагражденія за то помѣщика. Такое разрѣшеніе этого вопроса просто, да и не слишкомъ несправедливо, на томъ основаніи, что родъ человѣческій есть въ совокупности обладатель земного шара; всякій отдѣльный членъ человѣчества имѣть можетъ ту часть въ своемъ владѣніи земного шара», которая «можетъ

---

[1]) См. о нихъ въ моей книжкѣ: «Изъ исторіи общественныхъ идей въ концѣ 1840-хъ гг.» 1905 г.

придтись» на его долю по раздѣлу... поровну между всѣми его обитателями». Если принять во вниманіе, что значительная часть земной поверхности еще вовсе не обработана, то «выйдетъ, что пай, нами данный крестьянину, будетъ несравненно менѣе того, какой ему слѣдовало бы по настоящему получить. Имѣя это въ виду», нельзя не признать, что все-таки при раздѣлѣ «на долю помѣщиковъ придется хорошая, чуть не львиная часть. Ибо въ пользу ихъ останутся тѣ поля, кои не нужны для пропитанія освобожденныхъ крестьянъ, строенія, ими для нихъ сдѣланныя и т. п.» Но хотя Петрашевскій признавалъ такое рѣшеніе крестьянскаго вопроса справедливымъ, онъ, видимо, мало разсчитывалъ на осуществленіе своего плана. «Такое рѣшеніе вопроса объ уничтоженіи рабства», говоритъ онъ, «было (бы) единственно годнымъ или возможнымъ, еслибы у разныхъ людей было тождество въ развитіи,—тогда это ничего не представило (бы) неудобнаго».

Въ обществѣ значительно усилился интересъ къ крестьянскому дѣлу. По свидѣтельству министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія сдѣлался «однимъ изъ довольно обыкновенныхъ предметовъ откровенной бесѣды въ образованныхъ состояніяхъ». Для владѣльцевъ была возможность освобождать не отдѣльныхъ людей, а вообще крестьянъ своихъ имѣній на основаніи или закона 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ, или указа 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Первымъ закономъ воспользовалось въ царствованіе имп. Николая около 250 помѣщиковъ, освободившихъ 67.149 душъ крестьянъ м. п., въ томъ числѣ 9 помѣщиковъ дали свободу своимъ крестьянамъ безъ всякой платы (216 д. м. п.); было также 8 случаевъ освобожденія безъ вознагражденія помѣщику, но съ нѣкоторыми обязательствами дѣлать взносы съ благотворительною и иною цѣлью.—На основаніи указа 1842 г. перешло въ обязанные крестьяне всего 24.708 д. м. п. трехъ крупныхъ владѣльцевъ: гр. М. С. Воронцова, кн. Витгенштейна и гр. Потоцкихъ. Гр. Мечиславъ Потоцкій, зять Киселева, желалъ освободить своихъ крѣпостныхъ въ Подольской губ. (15.056 душъ м. п.) съ предоставленіемъ въ собственность безъ всякаго вознагражденія $^2/_3$ помѣщичьей земли; но правительство не разрѣшило этого, подъ предлогомъ, что имѣніе родовое, но въ сущности потому, что считало такой примѣръ опаснымъ, боялось, что онъ можетъ взволновать другихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и Потоцкому было дозволено дать крестьянамъ въ собственность лишь небольшое количество земли (менѣе $^1/_2$ дес. на душу), а остальная земля (всего вмѣстѣ съ подаренною въ собственность около 5 дес. на душу) была предоставлена имъ съ платою маленькаго оброка (около 1 р. съ десятины); но нельзя было помѣшать этому доброму помѣщику жертвовать ежегодно изъ своихъ до-

Фото-цинко-гравюра Т-ва „Образованіе“

Земскіе выборы.

К. Трутовскій

ходовъ по 15.000 р. на составленіе и поддержаніе общественной крестьянской кассы. Вообще же дворянство, какъ мы видимъ, очень мало воспользовалось закономъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ и почти вовсе не воспользовалось указомъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ.

Правительство не хотѣло и думать объ уничтоженіи крѣпостного права. Имп. Николай, въ своей рѣчи въ Государственномъ совѣтѣ въ 1842 г., рѣшительно заявилъ, что «въ настоящую эпоху всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства». Но и для ограниченія крѣпостного права было сдѣлано до такой степени мало, что далеко не были выполнены требованія, высказанныя въ этомъ отношеніи еще во вторую половину XVIII в. Полнаго запрещенія продажи людей безъ земли сдѣлано не было, и только прекращено было въ 1833 г. разлученіе при этомъ членовъ семейства и запрещено въ 1841 г. покупать крѣпостныхъ безъ земли иначе, какъ съ припискою къ населенному имѣнію покупателя. Для устройства быта дворовыхъ не было принято никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ, такъ какъ указы 1844 г. о дозволеніи имъ заключать съ помѣщиками договоры объ освобожденіи не имѣли никакого значенія. Не было ничего сдѣлано и для предоставленія крестьянамъ права собственности, такъ какъ указъ 3 марта 1848 г. требовалъ для пріобрѣтенія ими недвижимой собственности согласія помѣщика и притомъ не допускалъ исковъ относительно прежнихъ пріобрѣтеній на имя господина. Размѣра выкупа, за который можно было бы пріобрѣтать свободу, опредѣлено не было. Распространеніе въ 1847 г. на всю Россію права грузинскихъ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ публичнаго торга, было отмѣнено менѣе, чѣмъ черезъ два года. Серьезною мѣрою было ограниченіе повинностей крестьянъ въ Юго-западномъ краѣ при генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ инвентарными правилами 1847 г., измѣненными въ 1848 г., которыя были обязательны для помѣщиковъ и предоставляли крестьянамъ право жаловаться на своихъ господъ, но и то неопредѣленность урочнаго положенія давала помѣщикамъ возможность увеличивать уроки, а за жалобы на нарушеніе правилъ нѣкоторые помѣщики ссылали крестьянъ на поселеніе или подвергали ихъ тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніямъ; кромѣ того, повинности были недостаточно соразмѣрены съ величиною надѣла.

Очень важная поправка къ безземельному освобожденію крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ была внесена указомъ 26 мая 1846 г., который: 1) воспретилъ владѣльцамъ имѣній произвольно сгонять крестьянъ, обрабатывающихъ для себя не менѣе 3 морговъ (около 1½ десятинъ земли) съ ихъ участковъ, пока они исправно отбываютъ всѣ лежащія на нихъ повинности, а также перемѣнять или уменьшать предоставленные каждому крестьянину участки или угодья, или увели-

чивать отбываемыя за нихъ повинности; напротивъ, крестьяне могутъ переселяться, куда угодно, соблюдая лишь установленный полицейскій порядокъ и предупредивъ помѣщика за 3 мѣсяца до начала хозяйственнаго года. 2) Тѣмъ же указомъ землевладѣльцы были обязаны водворять на каждый оставляемый крестьяниномъ участокъ, не позже, какъ въ теченіе 2 лѣтъ, новаго поселенца, отнюдь не присоединяя этихъ участковъ и усадебъ къ собственнымъ господскимъ землямъ. 3) Предписано было уничтожить изъ существующихъ во владѣльческихъ имѣніяхъ «даремщинъ и принудительныхъ наймовъ» тѣ, которые окажутся «не имѣющими законнаго основанія». Нужно замѣтить, впрочемъ, что оппозиція со стороны мѣстныхъ чиновниковъ сильно ослабила дѣйствіе этого указа [1]).

Старались внести нѣкоторыя поправки и въ Положенія о лифляндскихъ и эстляндскихъ крестьянахъ. Въ Лифляндіи помѣщики послѣ реформы 1819 года, преобразуя свои хозяйства, вводя плодоперемѣнные сѣвообороты и стремясь къ округленію своихъ дачъ и расширенію своихъ запашекъ, по истеченіи арендныхъ сроковъ, обыкновенно годовыхъ, нерѣдко или отказывали въ сохраненіи прежнихъ условій аренды и возвышали повинности (такъ какъ закономъ 1819 г. были уничтожены вакенбухи, которыми опредѣлялась норма обязанностей крестьянъ относительно землевладѣльца), или совершенно присоединяли крестьянскіе участки къ своимъ полямъ и обрабатывали ихъ наемными работниками. Значительное ухудшеніе положенія крестьянъ вызвало волненія ихъ въ 1841 г., которыя выразились въ стремленіи очень многихъ крестьянъ переселиться въ южную Россію и заставили ландтагъ и правительство заняться вопросомъ объ измѣненіи закона 1819 г. Это привело къ изданію лифляндскаго Крестьянскаго Поземельнаго Уложенія 1849 г., которымъ было запрещено помѣщикамъ присоединять къ мызной землѣ землю, находящуюся въ арендномъ пользованіи крестьянъ, и только единовременно и не въ примѣръ будущему дозволено отдѣлить опредѣленную часть ея для пріобщенія къ мызной подъ предлогомъ надѣленія ею мызныхъ батраковъ [2]). Кромѣ того, былъ учрежденъ банкъ для содѣйствія крестьянамъ, обложеннымъ денежнымъ оброкомъ, въ выкупѣ ихъ участковъ въ собственность, капитализируя оброкъ изъ 4% [3]). Съ цѣлію охранить отдѣльныхъ

---

[1]) Dziennik Praw, t. XXXVIII, стр. 8—10. А. А. Корниловъ. «Очерки по исторіи обществ. движенія и крест. дѣла въ Россіи». Спб. 1905. стр. 356—364.

[2]) Въ случаѣ жалобъ крестьянъ, состоящихъ на барщинѣ, на обремененіе повинностями въ пользу помѣщика, ихъ велѣно было уменьшать, по крайней мѣрѣ, до размѣра, опредѣленнаго вакенбухами на основаніи Положенія 1804 г. и дополнительныхъ къ нему статей 1809 г. Но въ приходской комиссіи, разсматривающей такія дѣла, засѣдали 2 дворянина и лишь одинъ представитель крестьянъ.

[3]) Банкъ обязывался выдать продавцу 60 процентовъ покупной суммы облигаціями на ежегодную уплату непрерывнаго четырехпроцентнаго дохода съ нея,

крестьянъ отъ частыхъ отказовъ въ землѣ было опредѣлено отдавать участки въ аренду не менѣе, какъ на 6 и не свыше 50 лѣтъ (за исключеніемъ договоровъ съ условіемъ двукратнаго перенаслѣдованія, при чемъ арендаторъ долженъ былъ снабдить свой участокъ опредѣленнымъ и неотдѣляемымъ отъ него инвентаремъ, т. е. опредѣленнымъ количествомъ скота и земледѣльческихъ орудій) [1]. Въ Эстляндіи новое Положеніе было издано уже при Александрѣ II, въ 1856 г.

На Кавказѣ при намѣстникѣ кн. М. Воронцовѣ очень печально закончилось разсмотрѣніе вопроса объ опредѣленіи взаимныхъ отношеній крѣпостныхъ крестьянъ и помѣщиковъ въ Грузіи. Проектъ закона, опредѣляющаго эти отношенія, составленный совѣтомъ главнаго управленія, Воронцовъ поручилъ разсмотрѣть четыремъ уѣзднымъ дворянскимъ комитетамъ Тифлисской губерніи при участіи нѣкоторыхъ чиновниковъ. Затѣмъ онъ призналъ проектъ совсѣмъ «несоотвѣтствующимъ духу времени», но, вмѣсто того, чтобы исправить его, представилъ его государю въ доказательство тщетности сдѣланныхъ имъ попытокъ и предложилъ оставить крѣпостное право въ Грузіи «при нынѣ дѣйствующихъ законахъ и обычаяхъ». Представленіе это, одобренное кавказскимъ комитетомъ, было въ 1849 г. утверждено государемъ [2]. Воронцовъ возбудилъ также ходатайство объ отмѣнѣ закона 1836 г., разрѣшавшаго каждому крестьянину Грузіи, «на принадлежность котораго помѣщикъ не имѣетъ никакихъ законныхъ актовъ», начать искъ о свободѣ [3], и въ 1849 г. государь утвердилъ мнѣніе кавказскаго комитета, по которому «помѣщичій крестьянинъ не иначе можетъ начать искъ о свободѣ, какъ представивъ, куда слѣдуетъ, надлежащія доказательства, что онъ самъ, или отецъ, или дѣдъ его пользовались правами свободнаго состоянія; исковъ же о свободѣ «по отсутствію документовъ у помѣщиковъ отнюдь не допускать», при чемъ «крестьянинъ, отыскивающій свободу, впредь до совершеннаго окончанія дѣла, долженъ оставаться въ полномъ повиновеніи у помѣ-

---

15—20% уплачивались покупщикомъ продавцу, при самой покупкѣ, наличными деньгами, а 20—25% оставались въ долгу на покупщикѣ, который вносилъ по 4% на всю сумму выкупного капитала въ банкъ, и тотъ выдавалъ уже продавцу проценты за 20—25% покупной цѣны, а проценты за 15—20% выкупа, уплаченные ранѣе наличными деньгами, обращались на погашеніе долга.

[1]) 2-е Полн. Собр. Зак. т. XXIV, № 23. 385; В. Владиславлевъ. «Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи». «Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1894 г. № 8; Tobien. Beiträge zur Geschichte der livl. Agrargesetzgebung. (Baltische Monatschrift, 1881—82 гг. B. 28—29). П. Ш. (Шульцъ). «Лифляндскіе крестьяне и вновь изданное о нихъ положеніе» (оттискъ изъ «Журн. Мин. Гос. Им.» 1863 г.).

[2]) 2-е Полн. Собр. Закон., т. XXIV, № 23.478. «Акты Кавказской Археографической Комиссіи», т. X, Тифлисъ, 1885 г., №№ 28, 35 и 38.

[3]) 2-е Полн. Собр. Закон. т. XI, № 9553.

щика». Такимъ образомъ, при Воронцовѣ, вмѣсто улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ въ Грузіи, послѣдовало стѣсненіе ихъ правъ [1]).

Царане (отъ румынскаго слова цара-земля), т. е. крестьяне, живущіе на владѣльческихъ земляхъ въ Бессарабіи, были и по присоединенія ея къ Россіи людьми лично свободными; однако есть указаніе декабриста Завалишина («Записки» I, 169), что тамъ закрѣпощали пришлыхъ и бѣглыхъ людей. Въ царствованіе имп. Николая было постановлено, что въ Бессарабіи вообще невозможно владѣніе населенными имѣніями на крѣпостномъ правѣ, а могутъ быть только крѣпостные дворовые [2]).

VIII.

Ухудшеніе фактическаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ, замѣтное еще при Александрѣ I, продолжалось и въ царствованіе имп. Николая. Мы видѣли, что при Екатеринѣ II въ нечерноземной полосѣ Россіи большинство помѣщичьихъ крестьянъ состояло на оброкѣ (въ 12 губерніяхъ въ среднемъ выводѣ 55% оброчныхъ и 45% барщинныхъ крестьянъ); относительно черноземной полосы Великороссіи мы имѣемъ данныя Екатерининскаго времени лишь для 7 губерній; въ нихъ въ среднемъ выводѣ значительно преобладала барщина (74% барщинныхъ и только 26% оброчныхъ крестьянъ). Относительно тѣхъ же 12 нечерноземныхъ губерній существуютъ соотвѣтственныя данныя и для времени, непосредственно предшествующаго паденію крѣпостного права; въ это время было 58,9% оброчныхъ и 41,1% барщинныхъ, а въ тѣхъ же, что и въ XVIII в., семи черноземныхъ губерніяхъ 28,8% оброчныхъ и 71,2% барщинныхъ. Повидимому, въ тѣхъ и другихъ нѣсколько увеличилось количество оброчныхъ крестьянъ, но и этого незначительнаго улучшенія въ положеніи крестьянъ въ дѣйствительности не существовало, такъ какъ приведенныя цифры для времени, предшествующаго крестьянской реформѣ, не представляютъ уже свѣдѣній о чисто оброчныхъ и исключительно барщинныхъ кресть-

---

[1]) «Утвержденіе русскаго владѣльчества на Кавказѣ, т. XII. Иваненко. «Гражданское управленіе Закавказьемъ отъ присоединенія Грузіи до намѣстничества вел. кн. Михаила Николаевича. Тифлисъ, 1901 г., стр. 373-374. Кучаевъ. «Феодализмъ и закрѣпощеніе въ Закавказьѣ», «Русскій Вѣстникъ» 1893 г. № 3. Воронцовъ въ письмѣ къ Киселеву утверждалъ, что примѣръ ограниченія крѣпостного права слѣдуетъ показать въ собственной Россіи, и только тогда можно думать объ этомъ въ провинціи, стоящей на низшей степени цивилизаціи. «Архивъ кн. Воронцова». т. XXXVIII, 155.

[2]) См. мою книгу «Крестьянскій вопросъ въ XVIII и перв. половинѣ XIX вв.», т. II, 544,545. О повинностяхъ вольныхъ поселянъ относительно помѣщиковъ см. ст. Сабурова. «Дворянство и поселяне въ Бессарабіи (въ 1826 г.)». «Телескопъ» 1831 г., ч. I, стр. 474 и сл. О людяхъ, розданныхъ при Александрѣ I въ услуженіе дворянамъ и чиновникамъ (скутельникахъ, бреслашахъ и слугахъ) и объ уничтоженіи этого злоупотребленія въ 1816 г, см. «Сборн. матер., извл. изъ Архива Соб. Е. В. Канц.» VII, 304-323.

янахъ. Прежде оброчные крестьяне находились почти всегда въ болѣе льготномъ положенiи, чѣмъ барщинные; теперь была значительно развита система смѣшанныхъ повинностей, когда сверхъ оброка помѣщики назначали и нѣкоторое количество барщиннаго труда или сверхъ барщины нѣкоторое количество оброка. Крестьянъ съ такими смѣшанными повинностями въ 13 нечерноземныхъ губернiяхъ было теперь болѣе 22%, въ 10 черноземныхъ губернiяхъ 10%, а въ 23 губернiяхъ Великороссiи болѣе 16%, т. е. около $^1/_6$ всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ [1]). Среднiй размѣръ оброка значительно возросъ не только со времени Екатерины II, но даже и со времени послѣднихъ годовъ царствованiя Александра I. Для первой половины 1820-хъ гг. среднiй оброкъ въ Великороссiи можно принять не болѣе 50 р. асс. съ тягла, что по тогдашнему курсу ассигнацiоннаго рубля (26,7 коп. сер. за 1 руб. ассигнацiи) составитъ 13 р. 35 к., а предъ крестьянскою реформою средніе оброки съ тягла колебались въ нечерноземныхъ губернiяхъ Великороссiи отъ 12 р. 51 к. (въ Олонецкой губ.) до 27 р. 26 к. (въ Петербургской), а въ черноземныхъ отъ 15 р. 60 к. (въ Курской) до 27 р. 56 к. (въ Самарской), въ среднемъ же выводѣ по 24 губернiямъ Великороссiи оброкъ равнялся 19 р. 10 к. сер., слѣдовательно, со времени послѣднихъ годовъ царствованiя Александра I величина оброка возросла почти въ полтора раза.

Хотя по наблюденiямъ Заблоцкаго-Десятовскаго въ 1840-хъ гг., сгруппированнымъ имъ въ весьма интересный очеркъ положенiя помѣщичьихъ крестьянъ въ то время [2]), всего болѣе была распространена 3хъ-дневная барщина, установленная закономъ имп. Павла, однако эта норма часто нарушалась. Одинъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства Рязанской губ. (во второй половинѣ 1850-хъ гг.) заявилъ, что строгое требованiе, чтобы барщина въ рабочую пору не превышала трехъ дней, «явно повлечетъ къ разстройству хозяйства владѣльцевъ». [3]) Въ Костромской губ. у нѣкоторыхъ помѣщиковъ, въ имѣнiяхъ которыхъ размѣръ запашки былъ болѣе средней или гдѣ заготовлялось большое количество дровъ при отдаленности лѣсовъ, крестьяне круглый годъ работали по 4 дня въ недѣлю, а помѣщики зато принимали на себя уплату подушныхъ и рекрутскихъ денегъ. По свидѣтельству Заблоцкаго-Десятовскаго, мѣстами встрѣчалась не только 4хъ-дневная, но даже 5 и 6-дневная барщина, при чемъ крестьянамъ прихо-

---

[1]) И. И. Игнатовичъ. «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденiя». Изд. 2-е, М. 1910 г., стр. 48, 290—293. Обращаю вниманiе читателей на эту прекрасную книгу, переработанную при второмъ изданiи и весьма дополненную. Въ дальнѣйшемъ изложенiи я заимствую изъ нея нѣкоторыя свѣдѣнiя.

[2]) См. въ приложенiи къ его книгѣ «Гр. Киселевъ и его время» т. IV.

[3]) Повалишинъ «Рязанскiе помѣщики и ихъ крѣпостные», Рязань. 1903 г., стр. 246.

дилось работать на себя по воскресеньямъ (у мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ Костромской губ. за Волгою). Относительно Саратовской губ. есть вообще немало указаній на чрезмѣрность работъ на господина, встрѣчалась тамъ даже и «сквозная барщина» (7 дней въ недѣлю). [1]) Сверхъ регулярной барщины во многихъ имѣніяхъ требовался одинъ поголовный день, иногда за особую плату: такъ, въ Тульской губ., кромѣ 3хъ-дневной барщины, въ воскресенье послѣ обѣдни назначался «бенефисъ» помѣщику, т. е. крестьяне работали поголовно. Во время спѣшныхъ лѣтнихъ работъ мѣстами созывались на барщину всѣ крестьяне (напр., это дѣлали многіе помѣшики Смоленской губ.), что было весьма разорительно для крестьянъ, такъ какъ отрывало ихъ отъ собственныхъ работъ во время лѣтней страды. Бывало и такъ, что въ самое рабочее время помѣщики требовали барщины въ хорошіе дни, а дождливые и ненастные оставляли крестьянамъ. Крестьяне Саратовской губ. жаловались, что ихъ хлѣбъ отъ долгаго стоянія въ поляхъ и несвоевременной уборки высыпается и выклевывается птицей. Нѣкоторые помѣщики заставляли крестьянъ сначала окончить господскія полевыя работы, а потомъ уже приниматься за свои (такъ дѣлалось въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Костромской губ.) Этотъ порядокъ барщины, составлявшій прямое нарушеніе закона, ускорялъ господскую работу, но крестьяне, при всей поспѣшности, запаздывали съ уборкою яровыхъ хлѣбовъ со своихъ полей, и ихъ нерѣдко заносило снѣгомъ.

Около половины 1840-хъ гг. помѣщики додумались до того, чтобы сдѣлать барщинный трудъ болѣе напряженнымъ: для этого они начали вырабатывать и даже печатать урочныя положенія. Такъ, напр., въ имѣніи гр. Шуваловыхъ въ Пензенской губ. на барщинѣ задавались такіе большіе уроки, что крестьяне не успѣвали ихъ кончить и употребляли на это по два и по три дня изъ своего времени. Въ имѣніи Кривцова въ Саратовской губ., въ концѣ 30-хъ годовъ, крестьяне также работали по урокамъ и, если не вырабатывали ихъ, то также кончали въ свои дни. Урочная работа составляла обходъ закона имп. Павла о трехдневной барщинѣ, но на это администрація не обращала вниманія.

Есть указанія на уменьшеніе примѣненія крѣпостного труда на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, что̀ тогдашніе экономисты правильно объяснили неудовлетворительностью барщинной работы и тѣмъ, что при этихъ условіяхъ содержаніе или плата, выдаваемая барщинному крестьянину помѣщикомъ-фабрикантомъ, дорого ему обходились. Предъ освобожденіемъ крестьянъ число крѣпостныхъ рабочихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ было нѣсколько менѣе, чѣмъ въ 1825 г.

---

[1]) См. Д. Л. Мордовцевъ. «Наканунѣ воли». Полное собраніе его сочиненій т. XXXIV и XXXV. Спб. 1909 г. Первое изданіе этого интереснаго труда (1890 г.), составленнаго по матеріаламъ саратовскихъ архивовъ, было уничтожено цензурою при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Сипягинѣ.

Но все же существовало не мало помѣщичьихъ фабрикъ, особенно суконныхъ, и заводовъ винокуренныхъ, свеклосахарныхъ и желѣзодѣлательныхъ, а фабричныя и заводскія работы составляли самый тяжелый видъ барщиннаго труда. Кромѣ того, на фабрикахъ былъ значительный запросъ на такъ называемыхъ «кабальныхъ» рабочихъ, т. е. крѣпостныхъ, отдаваемыхъ помѣщикомъ въ наемъ на прочіе фабрики и заводы (при чемъ ихъ владѣльцы прямо вносили помѣщику плату за данныхъ имъ рабочихъ), несмотря на то, что такая продажа труда крѣпостныхъ была прямо запрещена закономъ 1825 г.

Размѣръ помѣщичьей запашки при имп. Николаѣ былъ значительно болѣе, чѣмъ при Екатеринѣ II. Во второй половинѣ XVIII вѣка въ великороссійскихъ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ, въ пользованіи крестьянъ состояло отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ всей пахотной земли; есть не мало указаній, что при Александрѣ I величина помѣщичьей и крестьянской запашки была одинакова, предъ крестьянской же реформой въ черноземныхъ губерніяхъ Великороссіи въ пользованіи крестьянъ всей удобной земли (безъ лѣса) находилось отъ 37% (въ Самарской) до 57% (въ Симбирской). Съ увеличеніемъ помѣщичьей запашки естественно уменьшался размѣръ крестьянскаго надѣла. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ помѣщики, ради сохраненія для себя возможно большаго количества земли, прекращали ея нарѣзку на прибылыя тягла, переводили часть крестьянъ въ затяглые и отпускали ихъ на оброкъ безъ надѣленія землею. Участилось также обращеніе крестьянъ въ мѣсячниковъ (безземельныхъ батраковъ). Еще въ запискѣ 1842 г. декабристъ М. Фонвизинъ отмѣтилъ, что «нѣкоторые наши новые агрономы» дѣлаютъ своихъ обнищавшихъ крестьянъ батраками при господскихъ усадьбахъ. Позднѣе тенденція къ обезземеленію болѣе увеличилась. «Мѣсячники», говоритъ о нихъ Самаринъ, «стоятъ на самомъ рубежѣ между крѣпостнымъ состояніемъ и рабствомъ». Мѣсячнику «нѣтъ исхода изъ его положенія и, кромѣ скудно обезпеченнаго содержанія и вѣчнаго труда на другого до истощенія силъ, будущность ничего ему не представляетъ». Всего чаще мѣсячники въ Великороссіи встрѣчались тогда въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ; но, напр., въ Тамбовской губ. богатая помѣщица, кн. В . . . ская перевела всѣхъ своихъ крестьянъ на мѣсячину; значительную часть крестьянъ обратилъ на мѣсячное содержаніе и крупный помѣщикъ Ж . . . въ. Несомнѣнно отрицательнымъ явленіемъ было и чрезмѣрное увеличеніе со времени 9-й ревизіи (1851 г.) до 10-й (1859 г.) дворни, возросшей въ эти нѣсколько лѣтъ съ 4,79 до 6,79% всего крѣпостного населенія, что объясняется тѣмъ, что помѣщики стремились, подъ вліяніемъ усиливающихся слуховъ объ освобожденіи, переводить крестьянъ въ дворовые (пока это не было запрещено въ 1858 г.), чтобы уменьшить количество земель, которое должно будетъ отвести крестьянамъ.

Въ Малороссіи и въ Западномъ краѣ вслѣдствіе отсутствія общиннаго землевладѣнія было гораздо сильнѣе имущественное неравенство среди крестьянъ, чѣмъ въ Великороссіи. Они раздѣлялись здѣсь на три разряда: тяглыхъ, полутяглыхъ и пѣшихъ. Въ Полтавской губ. тяглыхъ тяголъ было 18,6%, полутяглыхъ 8% и пѣшихъ 73,4%, слѣд., пѣшія тягла составляли здѣсь почти $^3/_4$ всего числа; въ Черниговской губ. гораздо большее количество крестьянъ было надѣлено землею, а именно тяглыхъ тяголъ было 63,8%, пѣшихъ 33,3%, имѣющихъ только усадьбу 2,9%, слѣдовательно, пѣшіе составляли лишь $^1/_3$ всѣхъ тяголъ. Въ Полтавской губ. (въ имѣніяхъ болѣе 100 душъ) было 9,5% тяголъ совершенно безземельныхъ. Въ Полтавской и Черниговской губ. находимъ очень большое количество дворовыхъ: въ первой 10,8%, въ Черниговской 9,6%. Въ Югозападномъ краѣ, въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, уже послѣ введенія инвентарныхъ правилъ 1848 г., было крестьянъ, надѣленныхъ усадебною и полевою землю: хозяевъ тяглыхъ $34^1/_2$%, хозяевъ пѣшихъ $48^3/_4$%, крестьянъ, пользующихся одною усадебною землею безъ полевой (огородниковъ), $9^1/_4$% и, наконецъ, крестьянъ, вовсе не надѣленныхъ землей (бобылей), $7^1/_2$%.

Еще въ 1842 г. декабристъ Фонвизинъ въ своей написанной въ Сибири запискѣ «Объ указѣ 2 апрѣля 1842 г.» (объ обязанныхъ крестьянахъ) отмѣтилъ, что «въ губерніяхъ хлѣбопашественныхъ: малороссійскихъ, Харьковской, бѣлорусскихъ, литовскихъ, Минской, Волынской, Каменецъ-Подольской, Кіевской, новороссійскихъ, въ землѣ Донскихъ козаковъ, въ Міусскомъ округѣ, въ которомъ находятся всѣ имѣнія, населенныя крѣпостными донского дворянства, а также и въ Кавказской области—оброчные крестьяне весьма рѣдкое исключеніе.» Это свидѣтельство Фонвизина совершенно подтвердилось вычисленіями, произведенными г-жею Игнатовичъ (стр. 53) на основаніи данныхъ (о всѣхъ имѣніяхъ этихъ мѣстностей), помѣщенныхъ въ Трудахъ Редакціонныхъ Комиссій, а именно оказалось, что оброчныхъ крестьянъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ было 7,6%, въ землѣ Войска Донского 2,8, въ Малороссіи правобережной 2,6, лѣвобережной 0,7, и, наконецъ, въ новороссійскихъ степяхъ только 0,1%.

Въ литовскихъ губерніяхъ интересы крестьянъ были еще менѣе ограждены, чѣмъ въ юго-западномъ краѣ. И тамъ помѣщики, какъ мы видѣли, умѣли обходить законъ даже послѣ введенія общихъ инвентарныхъ правилъ; въ литовскихъ же губерніяхъ ограничились лишь повѣркою и исправленіемъ частныхъ инвентарей, которые и стали дѣйствовать по порядку введенія ихъ въ имѣніяхъ въ 1845—47 гг. и сохранились до самаго освобожденія крестьянъ. Въ Гродненской губ. помощь помѣщика скотомъ или хлѣбомъ служила источникомъ закабаленія его крѣпостныхъ, такъ какъ онъ требовалъ, чтобы крестьянинъ отработалъ эту помощь по цѣнѣ, назначенной помѣщикомъ; точно

такъ же поступалъ здѣсь господинъ и въ случаѣ покрытія имъ недоимокъ крестьянъ въ казенныхъ податяхъ.

Выше было указано на попытки введенія усовершенствованныхъ системъ земледѣлія при Александрѣ I; нѣкоторые помѣщики продолжали ихъ и при имп. Николаѣ I, и это приводило иногда къ весьма печальнымъ для крестьянъ результатамъ. Такъ, напр., въ Зарайскомъ у. Рязанской губ. Коробьинъ, извѣстный въ свое время хозяинъ-новаторъ, перевелъ своихъ зажиточныхъ крестьянъ, ради перехода къ плодоперемѣнному хозяйству, съ оброка на барщину и этимъ прямо ихъ разорилъ, такъ какъ лишилъ очень выгодныхъ отхожихъ заработковъ [1]). Что это не было явленіемъ единичнымъ, видно изъ слѣдующаго свидѣтельства Кирѣевскаго въ половинѣ 1840-хъ гг.: «Иногда учреждались плодоперемѣнныя хозяйства, гдѣ избытокъ земли и недостатокъ рукъ указывали на устройство, прямо противоположное... Заводили многосложныя орудія, не соотвѣтствующія мѣстнымъ потребностямъ... Вводили усиленную работу и часто излишнее отягощеніе барщины... Прежній естественный характеръ сельскихъ отношеній замѣнили характеромъ фабричной напряженности... Многіе разорили своихъ крестьянъ. Многіе возбудили въ нихъ мысль о разрозненности ихъ выгодъ съ интересами помѣщика-фабриканта»; иные «разорялись сами». [2]) Другой наблюдатель (Николаевъ) также отмѣчаетъ, какъ вслѣдствіе неудачныхъ опытовъ подобныхъ «экономопреобразователей» и введенія 7-ми, 9-ти, 12-типольнаго хозяйства «крестьяне охаютъ, ахаютъ, бѣднѣютъ, просятъ уже хлѣба, имѣнія закладываются и перезакладываются, а толку въ преобразованіяхъ не видно, и о барышахъ нѣтъ и помина». [3]) Ранѣе многихъ другихъ излѣчился отъ этихъ увлеченій извѣстный сельскій хозяинъ, отецъ двухъ членовъ Союза Благоденствія, Н. Н. Муравьевъ, который и заявилъ объ этомъ въ примѣчаніяхъ къ переводу «Основаній раціональнаго сельскаго хозяйства» Тэера (первый томъ котораго вышелъ въ 1830 г.), указавъ на несовмѣстимость плодоперемѣнной системы съ тогдашними хозяйственными условіями и крѣпостнымъ трудомъ. Муравьевъ понималъ, что улучшеніе помѣщичьяго хозяйства нужно начинать съ хозяйства крестьянскаго. Но это было выше пониманія большинства помѣщиковъ, и они старались поднять доходность своихъ имѣній усиленіемъ эксплоатаціи крѣпостного труда, побуждаемые увеличеніемъ вывоза хлѣба (далеко однако отстававшаго отъ увеличенія размѣровъ его производства) и требованіями внутренняго рынка. Но существованіе крѣпостного права подрывало возможность правильнаго разсчета и въ хлѣбной торговлѣ,

---

[1]) *Бажаевъ.* «Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Европейской Россіи.» М. 1900 г., стр. 91—92.

[2]) «Полн. собр. сочиненій И. В. Кирѣевскаго» т. II, 196—197.

[3]) «Москвитянинъ», 1848 г. ч. II, 49—50.

такъ какъ помѣщики, пользуясь даровымъ трудомъ своихъ крѣпостныхъ для доставки хлѣба въ крупные торговые центры, сбывали его нерѣдко по слишкомъ низкой цѣнѣ, иногда ниже его дѣйствительной стоимости.

Муравьевъ считалъ обработку наемными рабочими необходимою только по связи съ требованіемъ, для усовершенствованія земледѣлія, хорошаго инвентаря, но для своего времени рѣшительно заявлялъ, что «работа наемными рабочими была бы самымъ неосновательнымъ и разорительнымъ дѣломъ». Однако, жизнь учила другому. Въ 1840-хъ годахъ очень многіе купцы и другіе владѣльцы поссессіонныхъ фабрикъ, т. е. пользовавшихся трудомъ рабочихъ, составлявшихъ неотъемлемую принадлежность этихъ промышленныхъ заведеній, поняли, что принудительный трудъ невыгоденъ и обременителенъ для самихъ предпринимателей и, освободивъ поссессіонныхъ, замѣнили ихъ вольнонаемными рабочими. Начали понимать это и нѣкоторые помѣщики: такъ, въ 1852 г. псковской помѣщикъ Воиновъ говоритъ, что при хорошемъ надзорѣ за барщинниками работа исполняется тремя четвертями обычнаго количества рабочихъ, т. е. что «работы утягиваются, по крайней мѣрѣ, на четвертую долю времени». Другой помѣщикъ, Ладыженскій, утверждалъ даже, что въ барщинѣ всегда пропадало работы на половину [1]). Примѣненіе вольнонаемнаго труда въ великороссійскихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ было все же однако явленіемъ исключительнымъ; совершенно иное было въ Новороссіи, гдѣ онъ былъ сильно распространенъ и гдѣ, по свидѣтельству Сухомлинова, автора одного изъ отвѣтовъ на задачу, объявленную Ученымъ Комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ о крестьянскомъ хозяйствѣ (1842 г.), помѣщичьи земли въ южной России, обрабатываемыя вольнонаемными работниками, приносили болѣе дохода, чѣмъ тѣ, которыя воздѣлывались крѣпостными. Въ Ковенской губ. опыты примѣненія вольнонаемнаго труда начались около 1839 г., и всѣ, осмотрительно примѣнявшіе его, находили примѣненіе его выгоднымъ и не желали возвратиться къ барщинѣ. Примѣненіе его облегчалось здѣсь наличностью малоземельныхъ крестьянъ и безземельныхъ рабочихъ, а также и большими удобствами для вывоза хлѣба вслѣдствіе близости прусской границы и возможности сплава къ морю. Если очень многіе владѣльцы поссессіонныхъ фабрикъ поняли невыгодность для себя принудительнаго труда, то и болѣе разумные помѣщики должны были видѣть, что крѣпостное право—роза не безъ шиповъ. Помѣщиковъ не могли не тяготить обязанность продовольствовать крестьянъ во время неурожаевъ и еще болѣе отвѣтствен-

[1]) М. Н. Покровскій. «Крестьянская реформа». «Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ», изд. А. и И. Гранатъ, вып. 9, стр. 73.

ность за исправную уплату ихъ крестьянами государственныхъ податей, такъ какъ при накопленіи недоимокъ имѣніе брали въ опеку (въ 1840 г. такихъ имѣній было 916). Недаромъ во многихъ губерніяхъ, преимущественно черноземныхъ, ненаселенныя земли въ 1854—59 гг. уже продавались нерѣдко дороже населенныхъ.

Мѣстными условіями объясняется различіе въ отношеніи помѣщиковъ къ различнымъ способамъ освобожденія крестьянъ: въ нечерноземныхъ губерніяхъ имъ было невыгодно безземельное освобожденіе, такъ какъ въ этомъ случаѣ они не могли бы при назначеніи выкупа за землю включить въ него и вознагражденіе за личность крестьянина; опасались также вызвать переселеніе крестьянъ въ губерніи хлѣбородныя. Напротивъ, нѣкоторые помѣщики въ черноземныхъ губерніяхъ уже мечтали о безземельномъ освобожденіи, а такъ какъ оно встрѣчало при Николаѣ I рѣшительное противодѣйствіе со стороны правительства, то и составлялись, какъ мы видѣли это на примѣрѣ тульскаго кружка дворянъ, проекты освобожденія крестьянъ съ возможно меньшимъ надѣломъ.

Усиленію сознанія въ помѣщичьей средѣ, что необходимо покончить съ крѣпостнымъ правомъ, весьма содѣйствовали протесты крѣпостныхъ противъ помѣщичьей власти: поджоги господскихъ домовъ, убійства и избіенія, даже сѣченіе помѣщиковъ ихъ крѣпостными, наконецъ, волненія помѣщичьихъ крестьянъ, которыхъ по свѣдѣніямъ Министерства внутреннихъ дѣлъ съ 1826 по 1854 г. было 556, но въ дѣйствительности, гораздо болѣе [1]). Особенно значительны были обширное волненіе въ Витебской губ. въ 1847 г. и движеніе въ 10 губерніяхъ, начавшееся въ 1854 г. послѣ вызова охотниковъ въ гребную флотилію.

Крѣпостное право было вредно и для интересовъ государства. Казна получала гораздо менѣе прямыхъ налоговъ съ помѣщичьихъ крестьянъ, чѣмъ съ государственныхъ, такъ какъ первые платили сравнительно незначительную подушную подать и были избавлены отъ взиманія оброчнаго сбора въ пользу государства, которому подлежали вторые. Казна теряла на косвенныхъ налогахъ, такъ какъ крѣпостное право препятствовало развитію промышленности и торговли: оно давало возможность помѣщикамъ удовлетворять посредствомъ крѣпостного труда многія свои потребности и, понижая вообще народное благосостояніе, уменьшало внутренній рынокъ, столь необходимый для нашей промышленности. Несмотря на многочисленность факторовъ, подготовившихъ освобожденіе, важную роль сыграло и вступленіе на пре-

---

[1]) Такъ, напр., въ 1842 г. въ отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ упоминается объ одномъ волненіи помѣщичьихъ крестьянъ въ Саратовской губ., а въ дѣйствительности, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, крестьяне волновались въ ней въ 37 имѣніяхъ.

столъ имп. Александра II; хотя онъ и держался прежде въ этомъ отношеніи консервативнаго образа мыслей, но и литературныя вліянія, и волненія крѣпостныхъ крестьянъ въ 10 губерніяхъ, и несостоятельность всего крѣпостническаго строя, доказанная Крымскою войною, заставили измѣнить его свое прежнее мнѣніе. «Хорошо, что мы заключаемъ миръ», сказалъ государю кн. М. Д. Горчаковъ, возвратившись изъ Крыма, «дальше воевать мы были не въ силахъ. Миръ даетъ намъ возможность заняться внутренними дѣлами, и этимъ нужно воспользоваться. Первое дѣло — нужно освободить крестьянъ, потому что здѣсь узелъ всякихъ золъ» [1]).

В. Семевскій.

---

[1]) Подготовка паденія крѣпостного права разсмотрѣна во многихъ отношеніяхъ подробнѣе въ моемъ сочиненіи „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», т. I и II. Спб. 1888 г. (первый томъ приготовляется къ печати для новаго изданія въ переработанномъ видѣ); но настоящая статья составлена на основаніи не только этого труда, но и многихъ новыхъ не изданныхъ и печатныхъ матеріаловъ и позднѣе его появившихся сочиненій.

Ходъ и исходъ крестьянской реформы.

Ст. *В. Я. Уланова.*

I.

Первые шаги правительства Александра II по освобожденію крестьянъ. Настроеніе общества.

При воцареніи Александра II общественная атмосфера была плотно насыщена ожиданіемъ реформъ, подъ давленіемъ цѣлаго ряда экономическихъ, политическихъ и гуманитарныхъ факторовъ, дѣйствовавшихъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества съ разною степенью интенсивности. Современники осязательно чувствовали скрытую, но могучую подпочвенную работу, разрушавшую крѣпостническіе устои общественной жизни [1]). Во всемъ усматривались тѣ или иныя знаменія грядущаго переворота: правительственныя распоряженія, ничего общаго съ крестьянскимъ вопросомъ не имѣющія, принимались за мѣры къ освобожденію; робкіе шаги и намеки власти развертывались въ общественномъ сознаніи въ видѣ опредѣленныхъ проектовъ и плановъ реформы; прямыя отрицательныя заявленія и репрессивныя мѣры правительства вызывали усиленную обходную работу.

Всѣ знали, что Александръ II, еще въ бытность свою наслѣдникомъ, проникся реакціоннымъ направленіемъ Николаевскаго режима, и тѣмъ не менѣе въ его воцареніи видѣли начало новой жизни, эру назрѣвшихъ реформъ: «желали, чтобы въ его царствованіе совершились освобожденіе крѣпостныхъ людей и созывъ общей Земской Думы» (А. И. Кошелевъ). Указы о мобилизаціи ополченцевъ въ Крымскую войну были поняты крестьянами, какъ мѣра освобожденія для крѣпостныхъ, которые поступятъ въ ополченіе,—и въ 9-ти губерніяхъ пришлось правительству штыками и розгами разъяснять доподлинный смыслъ своихъ указовъ; поступившее въ продажу въ сенатскую лавку разъясненіе сената: «По вопросу о порядкѣ совершенія записей на уволь-

---

1) Современникъ описываемаго событія, Заблоцкій-Десятовскій, пишетъ: «сами помѣщики увѣряютъ, что нигдѣ эти слухи не распространялись такъ быстро, не повторялись такъ часто, какъ въ настоящее царствованіе (Николая I). Большинство убѣждено въ томъ, что эти слухи, эти толки раждаетъ не что иное, какъ духъ времени, противъ котораго не можетъ устоять никакая человѣческая сила!!».

неніе помѣщиками крестьянъ въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ» было принято за указъ о вольности, и въ теченіе трехъ дней въ сенатской лавкѣ не было отбоя, пока полиція не приняла мѣръ къ очищенію сенатской площади отъ толпъ народа; на запрещеніе цензуры трактовать въ печати о крѣпостномъ правѣ, пресса отвѣчала изліяніемъ скорби по поводу американскихъ «негровъ, работающихъ скованными руками, совершающихъ тяжелый невольный трудъ», и призывала благословеніе на «вольный трудъ, спорый и плодоносный»; на неясные слухи о таинственной работѣ разныхъ секретныхъ комитетовъ передовые элементы общества отвѣчали сотнями проектовъ и памфлетовъ, въ которыхъ рисовались очертанія реформы во всей ея сложности и глубинѣ, а также связанныя съ нею опасенія, и общество съ лихорадочной воспріимчивостью проникалось мыслями и чувствами авторовъ этой контрабандной литературы. Съ другой стороны, такіе второстепенные и заурядные въ крѣпостное время акты, какъ циркуляръ министра Ланского, былъ принятъ крѣпостниками, какъ великая хартія вольностей, всего на всего потому, что министръ въ этомъ циркулярѣ заявлялъ, что ему поручено «ненарушимо охранять права, вѣнценосными предками (императора) дарованныя дворянству» и что самъ онъ, гр. Ланской, считаетъ себя представителемъ дворянства у трона. Циркуляръ былъ распроданъ въ двухъ изданіяхъ, и «первенцы земли русской» волновались отъ радости на банкетахъ и въ салонахъ отъ этого циркуляра не менѣе, чѣмъ крѣпостные на сенатской площади,—фактъ, характерный для тревожныхъ ожиданій крѣпостниковъ. Это была пора напряженныхъ общественныхъ переживаній, повышенной воспріимчивости и чувствительности къ впечатлѣніямъ пробуждавшейся жизни. «Въ это время, по словамъ К. Д. Кавелина, – общественное мнѣніе расправляло все болѣе и болѣе крылья. Нельзя было и узнать больше этого караванъ-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества. Все говоритъ, все толкуетъ вкось и вкривь, иногда и глупо, а все-таки толкуетъ и черезъ это, разумѣется, учится. Если лѣтъ пять-шесть такъ продлится, – общественное мнѣніе, могучее и просвѣщенное, сложится, и позоръ недавняго еще безголовья хоть немного изгладится!!». Изъ этого то горнила общественнаго оживленія и напряженныхъ ожиданій и вылилось убѣжденіе наверху, что «лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу». Впервые правительство Александра II высказалось въ нерѣшительныхъ, правда, выраженіяхъ въ пользу внутреннихъ реформъ въ манифестѣ, оправдывавшемъ позорный для Россіи исходъ Крымской войны, окончательно вскрывшей предъ императоромъ всю несостоятельность и дряблость крѣпостного строя, одного изъ незыблемыхъ началъ Николаевскаго режима.

Въ манифестѣ говорилось, что потери Россіи по миру при ликвидаціи этой кампаніи «не важны въ сравненіи съ тягостями продолжительной войны и съ выгодами, которыя обѣщаетъ успокоеніе державы. Да будутъ сіи выгоды вполнѣ достигнуты совокупными стараніями нашими и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ. При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ».

Несмотря на неопредѣленность и общность выраженій этого манифеста, общество, привыкшее усматривать признаки переворота даже въ менѣе подходящихъ актахъ, приняло этотъ манифестъ за прямое объявленіе поворота во внутренней политикѣ правящихъ сферъ. Настала и для крѣпостниковъ очередь недоумѣвать. Желая убѣдиться, что заключительная часть манифеста вовсе не означаетъ того, чего они такъ опасались, крѣпостники чрезъ своего представителя гр. Закревскаго (московскаго генералъ-губернатора) обратились къ государю, пріѣхавшему въ Москву, съ просьбой успокоить ихъ насчетъ тревожныхъ толковъ. Но то, что услышали отъ государя принятые имъ предводители московскаго дворянства, не похоже было на успокоеніе. «Я узналъ, господа,—сказалъ государь,—что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображеній».

Эта рѣчь была переходомъ черезъ Рубиконъ въ крестьянскомъ вопросѣ: всѣ почувствовали, что періодъ ожиданій прошелъ,—отступленіе отрѣзано, и настала пора дѣятельной подготовки къ реформѣ, тѣмъ болѣе, что въ правящихъ кругахъ ничего не было сдѣлано для приступа къ этому дѣлу. Насколько неожиданной для всѣхъ явилась выраженная въ этой рѣчи воля государя, видно изъ того, что министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Ланской, которому поручено было «ненарушимо охранять права, дарованныя дворянству», узналъ о рѣчи государя лишь изъ частныхъ сообщеній и повѣрилъ имъ только, убѣдившись въ томъ изъ личной бесѣды съ императоромъ. Тѣмъ и характерна

крестьянская реформа, что не продуманная заранѣе и спокойно разработанная мысль подготовленныхъ къ дѣлу законодателей вызвала и опредѣлила ее, а созрѣвшая подъ спудомъ насильственно поддерживаемаго строя жизненная потребность проявила свою организующую силу какъ въ первыхъ шагахъ неподготовленнаго правительства, такъ въ появленіи дѣятелей и въ образованіи и ростѣ основъ самой реформы. Это была именно та сила, про которую сказано, что она «въ немощахъ совершается» и «изъ камней создаетъ чадъ Аврааму». Первые дѣятели, которымъ было поручено предначертать планъ реформы, или совершенно были къ ней неподготовлены, или были сознательными врагами освобожденія, умудренные къ тому же опытами крестьянскихъ комитетовъ Николаевской поры. Гр. Ланской, послѣ бесѣды съ государемъ о смыслѣ его рѣчи, совершенно не представлялъ себѣ возложеннаго на него порученія и вынужденъ былъ въ своихъ первыхъ шагахъ идти по стопамъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Левшина, человѣка хотя и знакомаго съ крестьянскимъ вопросомъ, трудолюбиваго и образованнаго, но безъ всякой творческой инициативы: для плановъ и практическихъ шаговъ своихъ Левшинъ искалъ указаній и матеріала въ работахъ комитетовъ по крестьянскому вопросу предшествующаго царствованія. Неудивительно, что для этихъ двухъ дѣятелей самыя основныя стороны реформы были неясны, и они едва поспѣвали давать наскоро составленные отвѣты на выдвигаемыя ходомъ дѣла требованія. Характернымъ примѣромъ тому служитъ составленіе министерскаго доклада о ходѣ освобожденія. Подписывая составленную Левшинымъ докладную записку государю, въ которой критиковался проектъ освобожденія, составленный Розеномъ, гр. Ланской вдругъ сообразилъ, что государь можетъ потребовать отъ него мнѣнія, какъ ему самому представляется ходъ реформы.—«Что я буду отвѣчать»?—говорилъ Ланской Левшину: «Я уже не имѣю права теперь (послѣ критики чужого проекта) сказать, что не готовъ къ проекту, хотя краткому». — И Левшинъ, чтобы вывести изъ затрудненія своего патрона, въ одинъ день сочинилъ докладъ о ходѣ освобожденія. Неудивительно поэтому, что въ этихъ докладахъ были высказаны самыя туманныя представленія о такомъ, напр., коренномъ вопросѣ, какъ содѣйствіе правительства выкупу крестьянами осѣдлости. Прожектерамъ казалось, что «выкупъ земли для крестьянъ запутаетъ наши финансы и что *лучше, чтобы люди пріобрѣтали имущества своими трудами, нежели надѣлять ихъ насчетъ государства безъ всякой ихъ заботы* и ввергнуть ихъ тѣмъ въ безпечность, къ которой помѣщичьи крестьяне и безъ того пріучены крѣпостнымъ правомъ». Не болѣе свѣдущими были вначалѣ и другіе официальные столпы реформы.

Образовавшійся по инициативѣ Ланского-Левшина въ концѣ 1856 г.

К. Трутовскій. Мировой съѣздъ въ провинціи.

«секретный комитетъ», по образцу комитетовъ Николаевскаго времени состоялъ изъ кн. Орлова,—(председателя Госуд. Совета), кн. Долгорукова (шефа жандармовъ), гр. Блудова, гр. Адлерберга, Ланского, Муравьева (министра государствен. имуществъ), Чевкина, Брока, кн. Гагарина, бар. Корфа и Ростовцева.

Рѣшивши въ первую очередь заняться разсмотрѣніемъ поступившихъ къ правительству проектовъ (числомъ до 100), члены комитета выдѣлили изъ себя для этой цѣли особую комиссію въ лицѣ Гагарина, Корфа и Ростовцева. Казалось бы, что такое дѣло, какъ изученіе и согласованіе матеріаловъ, имѣющихъ лечь въ основу работъ комитета, будетъ поручено лицамъ, знакомымъ съ вопросомъ и могущимъ основательно разобраться въ этомъ обширномъ матеріалѣ; на дѣлѣ было не то: Ростовцевъ просилъ уволить его отъ этой обязанности въ виду незнакомства съ крестьянскимъ вопросомъ; Корфъ послѣдовалъ его примѣру, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что у него нѣтъ своихъ имѣній въ русскихъ губерніяхъ. По просьбѣ государя эти «эксперты» крестьянскаго дѣла все-таки приняли возложенный на нихъ трудъ. Въ результатѣ каждымъ изъ членовъ этой комиссіи было представлено въ комитетъ по проекту, изъ которыхъ заслуживало вниманія развѣ только предложеніе Корфа, рекомендовавшаго устройство по губерніямъ дворянскихъ комитетовъ для предварительнаго разсмотрѣнія вопроса на мѣстахъ. Большинство другихъ членовъ комитета были завѣдомые враги реформы и всѣми силами старались въ дальнѣйшемъ затормозить ее. Такъ, Муравьевъ, предпринявшій лѣтомъ 1857 г. поѣздку по дѣламъ въ провинцію, всюду, гдѣ могъ, увѣрялъ дворянъ, что изъ затѣи ничего не выйдетъ. Больше того, онъ старался оказывать давленіе на подчиненныхъ чиновниковъ, получившихъ назначеніе участвовать въ подготовительной работѣ.

Въ противовѣсъ имъ государь назначилъ въ комитетъ вел. кн. Константина Николаевича, искренняго сторонника реформы. Энергичныя выступленія послѣдняго разрѣшились только тѣмъ, что комитетъ установилъ хронологическія рамки общаго хода реформы, разбивъ его на три періода: въ первомъ предлагалось министру внутреннихъ дѣлъ собрать необходимыя для работы комитета недостающія данныя, причемъ было предупредительно постановлено «не стѣснять министра» срокомъ доставленія этихъ данныхъ; второй періодъ должно было, по мысли комитета, посвятить составленію правилъ, опредѣляющихъ переходное положеніе крестьянъ на срокъ не болѣе 10 лѣтъ; въ послѣднемъ періодѣ предполагалось приступить къ окончательному устройству свободнаго крестьянства.

«Послѣ утвержденія журнала 18 августа (1857 г.),—разсказываетъ въ своихъ запискахъ Левшинъ,—многіе изъ участниковъ въ составленіи его ласкали себя надеждою, что дѣло уснетъ; но послѣдствія по-

казали, что государь вовсе не одинаково съ ними думалъ, и что дѣлу предстоялъ такой скачокъ, такое salto mortale, отъ котораго все государственное управленіе могло пойти вверхъ дномъ».

Дѣло въ томъ, что во время коронаціи, въ концѣ 1856 г., Левшину было поручено «позондировать» собравшихся въ Москву предводителей дворянства относительно ихъ взглядовъ на освобожденіе. Какъ и слѣдовало ожидать, предводители дворянства отнеслись въ лучшемъ случаѣ уклончиво, а то и прямо со страхомъ къ этимъ «пробамъ» правительства, и только представители литовскаго дворянства, которымъ предстояло введеніе невыгодныхъ для нихъ инвентарныхъ правилъ (опредѣляющихъ экономическія отношенія крѣпостныхъ къ помѣщикамъ), отнеслись болѣе сочувственно къ бесѣдамъ Левшина, разсчитывая, какъ сообщаетъ Я. А. Соловьевъ, «усыпивъ правительство выраженіемъ сочувствія, заслужить его довѣріе и вмѣстѣ съ тѣмъ захватить дѣло въ свои руки, подобно помѣщикамъ Прибалтійскаго края»... Какъ бы то ни было, но сговорчивость литовскихъ дворянъ рѣшено было немедленно использовать, и 3 ноября 1856 года инвентарныя правила литовскихъ губерній были возвращены изъ Министерства внутреннихъ дѣлъ черезъ виленскаго генералъ-губернатора Назимова на пересмотръ литовскаго дворянства, при чемъ послѣднему предложено было «не стѣсняться прежними постановленіями и инструкціями». Годъ спустя во второй половинѣ октября 1857 г. въ Петербургъ пріѣхалъ Назимовъ съ адресомъ отъ дворянъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерній, въ которомъ они просили объ освобожденіи крестьянъ безъ земли, какъ это было сдѣлано въ Курляндской губерніи. Тщетно большинство секретнаго комитета настаивало на сохраненіи выработаннаго имъ затяжного хода реформы; напрасно другая часть крѣпостниковъ убѣждала пойти на предложеніе литовскаго дворянства; государь послѣдовалъ мысли Ростовцева, Ланского и Блудова, предлагавшихъ немедленно отвѣтить на адресъ литовскаго дворянства официальнымъ заявленіемъ, что правительство непоколебимо рѣшило приступить къ преобразованію быта крѣпостныхъ на условіи обезпеченія для нихъ прочной осѣдлости. Ланской получилъ приказъ составить соотвѣтственный рескриптъ въ три дня, каковой и былъ подписанъ государемъ 20 ноября 1857 г., въ одну ночь напечатанъ и 21 ноября разосланъ въ копіяхъ по всей крѣпостной Россіи губернаторамъ и предводителямъ дворянства для освѣдомленія ихъ «о началахъ, какими правительство руководится въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянство само вызывается содѣйствовать новому устройству быта поселянъ». А. И. Кошелевъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что «въ Петербургѣ, въ высшей администраціи, была сильная борьба противъ опубликованія рескрипта къ Виленскому генералъ-губернатору, и въ особенности противъ официальной разсылки этого документа къ

губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства прочихъ губерній Имперіи».

«Во главѣ оппозиціи стоялъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта кн. Орловъ; и онъ рѣшился, всѣмъ авторитетомъ своего званія и своей опытности, подѣйствовать на молодого императора. Онъ отправился во дворецъ, приказалъ о себѣ доложить государю, и какъ въ это время изъ кабинета императора выходилъ старикъ гр. Адлербергъ, то Орловъ сообщилъ ему въ короткихъ словахъ о цѣли своего пріѣзда. Входитъ онъ въ кабинетъ императора, говоритъ ему самымъ сильнымъ и настойчивымъ образомъ противъ опубликованія упомянутаго рескрипта и почти на колѣняхъ умоляетъ государя не открывать эры революціи, которая поведетъ къ рѣзнѣ,—къ тому, что дворянство лишится всякаго значенія и, быть можетъ, и самой жизни, а его величество утратитъ и престолъ. Когда кн. Орловъ выходилъ изъ кабинета государя, то ожидавшій его выхода гр. Адлербергъ спросилъ его: «ну что?»—«Потрясенъ», отвѣтилъ съ довольною улыбкою кн. Орловъ, «и рескриптъ не будетъ опубликованъ». Еще не успѣлъ кн. Орловъ отъѣхать отъ дворца, какъ докладъ министра внутреннихъ дѣлъ объ обнародованіи рескрипта былъ уже государемъ утвержденъ и тотчасъ возвращенъ по принадлежности. На слѣдующій день этотъ рескриптъ появился въ офиціальной газетѣ». Въ такомъ же порядкѣ и аналогичный по содержанію рескриптъ былъ данъ 5 дек. 1857 г. на имя петербургскаго генералъ-губернатора въ отвѣтъ на старую просьбу дворянства Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ объ открытіи комитетовъ для разработки инвентарныхъ правилъ въ Петербургской губерніи.

Эти два рескрипта недаромъ взволновали крѣпостниковъ: они были дѣйствительно крупнымъ и рѣшительнымъ шагомъ въ ходѣ крестьянской реформы, не столько по обязательнымъ началамъ освобожденія, выраженнымъ въ этихъ рескриптахъ—въ непродуманную и неясную редакцію этихъ обязательныхъ началъ крѣпостники могли бы влить желанное содержаніе, что они и сдѣлали, какъ увидимъ, впослѣдствіи,—сколько по организаціонному значенію этихъ рескриптовъ, вырывавшихъ дѣло реформы изъ рукъ крѣпостниковъ и переносившихъ его изъ мути «секретныхъ комитетовъ» на общественную арену. Установленный секретнымъ комитетомъ первый періодъ реформы—собираніе необходимыхъ матеріаловъ на мѣстахъ, по требованію рескриптовъ, долженъ былъ протекать совершенно въ другихъ условіяхъ и рамкахъ времени, такъ какъ разработка этого матеріала поручалась теперь не министру, обязанному дѣйствовать «безъ огласки» и «нестѣсненному срокомъ» доставленія матеріаловъ, а учреждаемымъ въ каждой губерніи, по желанію дворянъ, комитетамъ, обязаннымъ въ шестимѣсячный (а не безграничный, какъ хотѣлось крѣпостникамъ) срокъ

выработать «подробный проектъ объ устройствѣ и улучшенiи быта помѣщичьихъ крестьянъ»,—чѣмъ вопросъ выносился изъ тайниковъ комитета, хотя на узкую, но все же общественную арену разработки, гдѣ работа «безъ огласки» была сама собой немыслимымъ дѣломъ; эта сторона рескриптовъ и являлась самымъ тяжкимъ ударомъ для разсчетовъ крѣпостниковъ.

Важное, конечно, значенiе для дальнѣйшаго хода реформы имѣли и самыя начала рескриптовъ, признанныя обязательными при новомъ устройствѣ быта крѣпостныхъ. Начала эти состояли въ слѣдующемъ:

1) «Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченiе опредѣленнаго времени, прiобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованiе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченiя ихъ быта и для выполненiя ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскiя общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полицiя; и

3) При устройствѣ будущихъ отношенiй помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ».

Большая общность и сжатость выраженiя этихъ началъ, равно какъ непродуманность ихъ до конца (характерная черта всего, что писали едва поспѣвающiе за ходомъ дѣла Ланской-Левшинъ) вызвали впослѣдствiи дiаметрально-противоположныя толкованiя этихъ началъ, чему не мало содѣйствовалъ Ланской своимъ «дополнительнымъ отношенiемъ къ рескрипту». Въ «отношенiи» этомъ содержались между прочимъ «соображенiя, могущiя, по мнѣнiю министра, служить пособiемъ губернскимъ комитетамъ при ихъ занятiяхъ». Эти то «соображенiя» и дали поводъ крѣпостникамъ влить въ общiя начала рескрипта желанное содержанiе. Въ соображенiяхъ, между прочимъ, устанавливался для освобождаемыхъ крестьянъ «переходный перiодъ» срокомъ «не свыше 12 лѣтъ», «когда крестьяне должны быть болѣе или менѣе крѣпки землѣ, а потомъ уже» вступаютъ «въ окончательный или свободный» перiодъ, «когда правительство разрѣшитъ имъ переходы изъ одной мѣстности въ другую...

Право свободнаго состоянiя и право собственности на (усадебную) осѣдлость прiобрѣтаются крестьянами не иначе, какъ по взносѣ ими, въ продолженiе переходнаго срока, выкупа»... Эти и подобныя соображенiя, вопреки воли ихъ авторовъ, «разъясняли» начала рескрипта на руку крѣпостникамъ. Введенiемъ «переходнаго состоянiя», безъ особыхъ оговорокъ,

опредѣляющихъ отношеніе его къ началамъ рескрипта, давалось крѣпостникамъ право утверждать, что начала эти обязательны только для «переходнаго періода», когда крестьяне «должны быть крѣпки землѣ», а послѣ «въ свободномъ періодѣ» они могутъ идти, куда угодно, съ отвязанныхъ отъ нихъ помѣщичьихъ земель, иначе говоря, — крестьяне получали свободу безъ земли. Больше того, по смыслу этого «разъясненія» выходитъ, что не только «усадебная осѣдлость», но и «право свободнаго состоянія» пріобрѣтается крѣпостными «не иначе, какъ по взносѣ ими, въ продолженіе переходнаго срока, выкупа».—Ну, а если въ этотъ срокъ крѣпостные не внесутъ выкупа? Выводъ ясенъ: во всякомъ случаѣ права на «осѣдлость» они лишаются и т. д. Были, конечно, въ этихъ соображеніяхъ и болѣе выгодныя для крестьянъ разъясненія, были въ немъ неясности и противорѣчія, но всѣ эти свойства руководящихъ актовъ, которыя могли погубить реформу при бюрократическомъ секретномъ оперированіи съ нею, были не опасны предъ свѣтомъ общественной мысли, предъ голосомъ общественныхъ дѣятелей, болѣе подготовленныхъ, чѣмъ члены секретнаго комитета. Дѣятели эти смогли несовершенство и неясность выраженія преподанныхъ правительствомъ началъ использовать въ выгодахъ крестьянства, вливши въ нихъ продиктованные жизненными потребностями смыслъ и форму. Недаромъ общество и печать приняли эти начала съ неподдѣльнымъ восторгомъ и ожиданіями: они давно привыкли черпать «благодать даже изъ скудельныхъ сосудовъ».

Московская интеллигенція отмѣтила появленіе рескриптовъ торжественнымъ банкетомъ въ купеческомъ собраніи, на которомъ было произнесено 7 восторженныхъ рѣчей. Ораторы единодушно отмѣчали важность правительственнаго шага, призывали благословеніе на государя, но въ то же время въ очень осторожныхъ, больше описательныхъ выраженіяхъ упоминали объ освобожденіи, такъ какъ открыто говорить и писать объ этомъ возбранялось. Самая смѣлая рѣчь была сказана представителемъ московскаго купечества В. А. Кокоревымъ, который и получилъ за нее выговоръ изъ Петербурга, вслѣдствіе представленія гр. Закревскаго. Это былъ инцидентъ, характерный для бюрократіи, у которой, видимо, Севастополь не подорвалъ самоувѣренности. — «Присутствіе живительнаго свѣта мы чувствуемъ теперь на самихъ себѣ, и его лучъ исходитъ прямо изъ сердца Александра II», говорилъ Кокоревъ на банкетѣ: «Свѣтъ этотъ выразился въ желаніи царя вывести нашихъ братьевъ-крестьянъ изъ того положенія, которое томило ихъ и вмѣстѣ съ ними насъ, почти три вѣка; этимъ свѣтомъ озарена теперь и согрѣта вся русская земля. Вотъ подъ какимъ яркимъ освѣщеніемъ приближаемся мы къ новому 1858 году. Для 15,000,000 людей восходитъ заря гражданской полноправности. Отъ

этого мы вступаемъ въ новую жизнь, перерождаемся, пульсы наши бьютъ иначе: ровно, твердо, сильно... Первое и главное зерно обновленія—судьба 15.000.000 крестьянъ—вложено Царемъ въ общественную мысль. Да ниспошлетъ Провидѣніе всѣмъ открывающимся комитетамъ о крестьянахъ чистоту въ намѣреніяхъ, и ясность въ воззрѣніяхъ, а главное, такую простоту въ опредѣленіи новыхъ началъ, которая была бы понятна всѣмъ и выражала бы очевидную удобопримѣняемость къ жизни. Этому трудному дѣлу вѣрнѣйшій другъ и помощникъ—свѣтозарная гласность мнѣній, сообщаемыхъ изъ каждой мѣстности во всеобщее свѣдѣніе широковѣщательнымъ печатнымъ словомъ»... Что касается печати, то даже такіе оппозиціонные органы, какъ Современникъ и Колоколъ Герцена, посвятили восторженныя статьи по поводу рескриптовъ. Даже Чернышевскій облекся въ тогу церковнаго витіи и заговорилъ богословскимъ языкомъ: «Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ,—писалъ онъ въ «Современникѣ»,—увѣнчаетъ Александра II счастьемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы—счастьемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ». Статья Герцена по тому же поводу является одною изъ яркихъ, напечатанныхъ имъ въ «Колоколѣ», по силѣ чувства. «Ты побѣдилъ, Галлилеянинъ»—было эпиграфомъ къ къ этой статьѣ. «Имя Александра II-го,—писалъ Герценъ,—принадлежитъ исторіи. Еслибы его царствованіе завтра же кончилось—все равно, начало освобожденія сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ могъ безнаказанно остановиться. Нѣтъ, нѣтъ—пусть онъ довершитъ начатое, пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону... Гнилое, своекорыстное, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой—неопасны. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ власть и свобода, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе» (Корниловъ). И крѣпостники, дѣйствительно, чувствовали себя подавленными. Объ этомъ мы узнаемъ изъ донесеній губернаторовъ и предводителей дворянства на запросъ Ланского: «Какое впечатлѣніе произвело распоряженіе сіе (т. е. упомянутые выше рескрипты) въ разныхъ губерніяхъ?» «Первое впечатлѣніе по прочтеніи (этихъ отвѣтовъ) было самое тяжелое»,—пишетъ Я. А. Соловьевъ, которому Левшинъ передалъ «довольно значительную пачку полученныхъ отзывовъ». «Надобно было употребить всю силу воли, чтобы сбросить съ себя невольное вліяніе тѣхъ страховъ и ужасовъ, которые рисовались въ воображеніи губернскихъ предводителей и даже губернаторовъ. Но эти тревожныя извѣстія шли изъ великорусскихъ губерній, отзывы изъ западныхъ губерній были совершенно противоположнаго характера. Польскіе помѣщики выражали полное свое сочувствіе къ предпринятому правительствомъ преобразованію. Такъ...

минскій предводитель увѣдомлялъ, что первое впечатлѣніе на дворянъ, бывшихъ въ Минскѣ во время полученія бумаги по устройству быта крестьянъ, выразилось «великой радостью и искреннѣйшей благодарностью «къ правительству, которое дозволило дворянству приступить къ уничтоженію крѣпостного права». Но искренности этихъ заявленій Я. А. Соловьевъ не вѣрилъ: «На сторонѣ помѣщиковъ этихъ губерній, писалъ онъ, былъ большій, въ сравненіи съ коренными русскими губерніями, уровень образованія вообще и въ особенности политическаго. Они сейчасъ поняли силу правительства, ставшаго во главѣ прогрессивнаго движенія; они сознали, что противъ такой силы возможно противопоставлять не прямое противодѣйствіе, а хитрость»... Чѣмъ бы ни были вызваны сочувственные отзывы польскаго дворянства, но положительная заслуга ихъ та, что благожелательные освобожденію элементы бюрократіи, не исключая и самого Я. А. Соловьева, нашли въ этихъ отзывахъ ободреніе общественнаго голоса, особенно въ виду мрачныхъ настроеній, навѣваемыхъ отзывами предводителей великорусскаго дворянства. И предъ судомъ исторіи едва ли можно «хитрость» лицъ, сознающихъ силу вещей, ставить ниже «искренности» слѣпого своекорыстія, готоваго лѣзть на «необоримую стѣну» назрѣвшихъ общественныхъ потребностей. А такою именно «искренностью» отличались отзывы большинства великорусскаго дворянства, предводители котораго, по словамъ Я. А. Соловьева, писали, «что офиціальное извѣстіе о мѣрахъ къ уничтоженію крѣпостной зависимости въ трехъ западныхъ губерніяхъ было «новостію поразительною», что, «несмотря на давно существующіе слухи, помѣщики не вѣрили или не хотѣли вѣрить, что вопросъ этотъ серьезно занимаетъ правительство и что оно рѣшится приступить къ прямому его разрѣшенію», что предводители дворянства не обнаружили «сочувствія къ намѣреніямъ правительства». Такъ писалъ изъ Калуги тогдашній губернаторъ графъ Д. И. Толстой, который самъ былъ помѣщикомъ, прежде и послѣ того управлявшимъ своимъ имѣніемъ въ Рязанской губерніи. Въ заключеніе графъ Толстой доносилъ объ «опасеніяхъ, которыя, искренне или нѣтъ, выражаются многими насчетъ общественнаго спокойствія. Хотя съ своей стороны губернаторъ сохранялъ убѣжденіе, что общее спокойствіе губерніи не будетъ нарушено, но «не ручался, чтобы не были частные безпорядки, которые могутъ потребовать рѣшительныхъ мѣръ»...

Замѣчателенъ отзывъ орловскаго предводителя (В. В. Апраксина), который между прочимъ, писалъ, что предпринятая правительствомъ мѣра возлагаетъ на губернскихъ предводителей дворянства «священную обязанность склонять всякаго дворянина къ содѣйствію видамъ правительства, если не по убѣжденію, то по чувству личнаго самосохраненія».

По отзыву рязанскаго предводителя дворянства (Селиванова), было вообще замѣтно въ народѣ тревожное ожиданіе. «Неизвѣстно», прибавлялъ предводитель, «что насъ ожидаетъ въ будущемъ... тѣмъ болѣе, что въ Рязанской губерніи войскъ, кромѣ двухъ батальоновъ, во всей губерніи нѣтъ. Всѣ распущенные изъ полковъ солдаты разсыпаны по деревнямъ и при первомъ случаѣ станутъ въ главѣ всякаго безпорядка. На земскую полицію разсчитывать невозможно». По отзыву того же предводителя, впечатлѣніе, произведенное на помѣщиковъ распоряженіями правительства, заключалось «въ страхѣ за будущее».

Рязанскій предводитель дворянства, прежде чѣмъ отвѣтить министру на его запросъ, рѣшилъ позондировать у своихъ дворянъ, какъ они относятся къ вопросу объ улучшеніи быта крѣпостныхъ. Отвѣты, приводимые у А. Повалишина, чрезвычайно характерны для настроенія захолустнаго дворянства. «Бытъ крестьянъ моихъ такъ улучшенъ, писалъ одинъ, что они не знаютъ, чего бы желать, ибо ни мнѣ, ни правительству ни письменныхъ, ни словесныхъ просьбъ не изъявляли, потому и я не знаю, что бы придумать къ ихъ улучшенію». – «Понимая совершенно благонамѣренные виды правительства, я всегда старалась въ точности исполнять ихъ, слѣдя неусыпно за нравственностью моихъ крестьянъ, внушая имъ страхъ Божій, убѣждая ежегодно говѣть и прося нашего приходского священника объяснять имъ христіанскія обязанности и любовь къ Царю, стараясь по возможности о распространеніи у нихъ грамотности и обучая полезнымъ ремесламъ, помогая имъ въ физическихъ ихъ нуждахъ... Мнѣ остается только пожелать и просить Бога, чтобы при вновь предпринимаемомъ для нихъ улучшеніи они остались всѣ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ быту, такими же честными, трезвыми, трудолюбивыми, какъ были въ единственномъ моемъ управленіи... Къ дополненію благонамѣренной цѣли мнѣ остается только желать удалить изъ имѣнія человѣкъ трехъ крестьянъ, сохранившихъ отъ прошлаго управленія духъ своеволія, могущій при настоящемъ исполненіи быть гибельнымъ не только для нихъ, но и увлечь своимъ примѣромъ легковѣрныхъ людей».—

«Наши крестьяне такъ мало развиты въ моральномъ отношеніи,—писалъ третій,—что для нихъ въ настоящее время наилучшій порядокъ есть нынѣ существующій, потому что они, какъ дѣти, нуждаются въ опекунѣ: этотъ то опекунъ и есть помѣщикъ, пользы котораго, тѣсно соединенныя съ благосостояніемъ крестьянъ, заставляютъ его, если не изъ любви къ ближнему и не изъ патріархальныхъ отношеній, существующихъ изстари, то чисто матеріальныя пользы помѣщика — быть отцомъ, а не тираномъ своихъ рабовъ... Во всякомъ случаѣ, руководствуясь исторіей и своею небольшою опытностью, я нахожу, что для блага и благоденствія какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, или оставить нынѣ

существующій законъ, или же освободить крестьянъ совершенно, потому что оставленіе помѣщика, какъ власти полицейской, уже не поддерживаемой моральнымъ вліяніемъ, которое потрясено до самаго основанія слухами о свободѣ, ни къ чему не поведетъ, исключая какъ къ возстаніямъ и убійствамъ помѣщиковъ, что мы видимъ изъ исторіи французской революціи въ 1792 году».

Впрочемъ, мы были бы несправедливы, еслибъ отмѣченныя отношенія дворянъ къ рескриптамъ считали типичными для всего дворянства. Въ его средѣ были все-таки элементы, которые или сочувствовали началамъ рескрипта, или даже шли дальше ихъ, составляя лѣвую оппозицію правительству. Такъ, тверской предводитель дворянства А. М. Унковскій писалъ министру: «Хотя нельзя еще съ точностью опредѣлить впечатлѣніе, которое могутъ произвести циркуляры на всю массу дворянства, но почти можно ручаться, что помѣщики вполнѣ поймутъ необходимость упраздненія крѣпостного права. Между тѣмъ, не могу не упомянуть о томъ обстоятельствѣ, что при чтеніи циркуляровъ вашего выс-пр-ва и копій съ высочайшихъ рескриптовъ... замѣчаютъ, что основанія, въ нихъ изложенныя, совершенно непримѣнимы въ быту великорусскихъ крестьянъ, не знающихъ никогда средины между крѣпостнымъ и свободнымъ трудомъ, и находятъ возможнымъ одинъ только способъ освобожденія крестьянъ — посредствомъ выкупа ихъ съ нѣкоторою частью земли». По словамъ Я. А. Соловьева, «это далеко не было одиночное мнѣніе нѣкоторыхъ дворянъ Тверской губерніи. Во всѣхъ концахъ Россіи между дворянами-помѣщиками были люди, которые вполнѣ раздѣляли мнѣнія, выраженныя въ отзывѣ тверского предводителя», въ доказательство чего Соловьевъ ссылается на имѣвшіяся у него частныя извѣстія.

Такимъ образомъ, компромиссныя начала рескриптовъ вызвали двойную оппозицію провинціальнаго дворянства, которому спѣшили на помощь великосвѣтскіе крѣпостники, старавшіеся всячески раздувать и комментировать шедшіе изъ провинціи вопли протеста. «Въ петербургскихъ гостиныхъ, на придворныхъ выходахъ, на разводахъ и на смотрахъ войскъ, въ стѣнахъ Государственнаго Совѣта и Сената слышались болѣе или менѣе энергичные протесты противъ намѣренія правительства. Послѣдствіемъ преобразованія, — говорили противники реформы, — будетъ то, что помѣщики останутся безъ рабочихъ рукъ, крестьяне по свойственной лѣности не будутъ работать и для себя, производительность государства уменьшится, отъ этого произойдутъ — общая дороговизна, голодъ, болѣзни и всѣ народныя бѣдствія».

«Въ это же время явятся неповиновеніе крестьянъ, пугачевщина, со всѣми ужасами и съ прибавленіемъ «глубоко задуманной» демокра-

тической революціи. Противъ предоставленія крестьянамъ усадебныхъ мѣстъ въ собственность въ петербургскихъ гостиныхъ въ особенномъ ходу были замѣчанія, что крестьяне, живя въ однихъ селеніяхъ съ помѣщиками, при встрѣчѣ съ ними и проходя мимо ихъ домовъ, не будутъ снимать шапокъ (!?!); еще болѣе говорили о томъ, что крестьяне, по ихъ грубости и невѣжеству, будутъ купаться въ рѣкахъ и помѣщичьихъ прудахъ передъ окнами помѣщиковъ, у которыхъ могутъ быть дочери-невѣсты. Въ болѣе интимныхъ разговорахъ упрекали правительство въ нарушеніи дворянскихъ правъ и въ неблагодарности къ дворянству, которое всегда служило опорой престолу и жертвовало жизнью за царя и отечество». (Записки сенатора Я. А. Соловьева).

Мы нѣсколько подробно остановились на характеристикѣ настроенія провинціальнаго и столичнаго дворянства послѣ опубликованія рескриптовъ, чтобы яснѣе представить себѣ въ дальнѣйшемъ, во-первыхъ, необычайно бурную и въ большинствѣ случаевъ враждебную радикальной постановкѣ работу губернскихъ комитетовъ, во-вторыхъ, оттѣнить рѣшимость и стойкость сторонниковъ реформы и, въ-третьихъ, уяснить себѣ причины тѣхъ уступокъ и урѣзокъ, какія въ концѣ концовъ въ угоду крѣпостникамъ были сдѣланы въ подсказанныхъ жизнью основаніяхъ реформы. Во всякомъ случаѣ, изъ раздавшагося «волчьяго воя закоснѣлыхъ помѣщиковъ» правительство поняло, что ему придется долго дожидаться, пока «дворянство само вызовется содѣйствовать новому устройству поселянъ».

Государь нетерпѣливо ожидалъ адресовъ дворянства объ открытіи комитетовъ и надѣялся, что примѣру петербургскаго дворянства послѣдуетъ московское, но проходили недѣли, а адреса изъ Москвы не было. Другія губерніи смотрѣли на Москву, а нѣкоторые губернаторы и предводители буквально слѣдовали наставленію министра, оставаясь «безпристрастными зрителями и наблюдателями» и «не употребляя никакихъ настояній или внушеній». (Я. А. Соловьевъ). Первымъ прислало свой адресъ нижегородское дворянство, поддавшись порыву, вызванному вдохновенной рѣчью своего губернатора А. Н. Муравьева.

Правительство поспѣшило отвѣтить на этотъ адресъ очень теплымъ рескриптомъ, подчеркивая свое удовольствіе въ виду именно того, что нижегородское дворянство «п е р в о е п о с п ѣ ш и л о воспользоваться случаемъ д а т ь п р и м ѣ р ъ готовности способствовать успѣху... полезнаго для всѣхъ въ государствѣ состояній дѣла». Послѣ этого гр. Закревскому было сообщено о неприличіи дальнѣйшаго молчанія московскаго дворянства, которое, дѣйствительно, вынуждено было нехотя тащиться по стопамъ нижегородцевъ, за что и получило довольно прозрачный упрекъ въ данномъ ему рескриптѣ. Впрочемъ, уже послѣ нижегородскаго адреса Ростовцевъ успокаивалъ государя относительно успѣха дѣла, сравнивая подачу адресовъ съ игрой дѣтей въ солдатики,

поставленные одинъ подлѣ другого: когда крайняго солдатика толкнуть, тогда всѣ остальные сами собой падаютъ. И, дѣйствительно, адресы-солдатики стали затѣмъ падать, какъ изъ рога изобилія: въ промежутокъ времени отъ 9 марта по 6 іюля было дано 35 рескриптовъ. По словамъ Левшина, «это были уже дѣйствія нормальныя, болѣе или менѣе запоздалыя, и имѣли своимъ источникомъ не энтузіазмъ, а напоминанія, дѣланныя отъ министерства губернаторамъ, и невозможность какой-либо губерніи отстать отъ другихъ». Эта «невозможность отстать» вызывалась довольно опредѣленнымъ отношеніемъ крестьянъ къ ходу реформы. Если заслуживаютъ малаго довѣрія застращиванія губернаторовъ и предводителей «бунтами», то нѣтъ основанія не довѣрять сообщеніямъ искреннихъ сторонниковъ освобожденія. Въ перепискѣ князя В. А. Черкасскаго съ Ю. Ѳ. Самаринымъ и А. И. Кошелевымъ встрѣчаемъ много характерныхъ для настроенія крестьянъ замѣтокъ. «Наши крестьяне далеко не такъ равнодушны къ вопросу, какъ ваши самарскіе»,—писалъ кн. Черкасскій изъ Тульской губ. Ю. Самарину отъ 24 сент. 1858 г.: «Наши (тульскіе) зорко слѣдятъ за дѣломъ, знаютъ, кто выбранъ депутатомъ, кто назначенъ отъ правительства, и хотя у хорошихъ помѣщиковъ трехдневная барщина шла нынѣшній годъ еще отлично, зато у дурныхъ вспышки бывали часты. Въ Каширскомъ уѣздѣ въ одномъ имѣніи, не повинующемся новому помѣщику, начавшему съ огромнаго уменьшенія крестьянскаго надѣла, крестьяне при слѣдствіи, производившемся въ присутствіи чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, громогласно укоряли своего предводителя въ глаза передъ зерцаломъ, говоря ему: «Какой ты предводитель! Все разъѣзжаешь въ Москву и Петербургъ, а своимъ дѣломъ не занимаешься: это срамъ!»—«Воля ваша,—замѣчаетъ Черкасскій,—это совершенно новые симптомы, которымъ нельзя не радоваться»... Тотъ же кн. Черкасскій въ отвѣтномъ письмѣ Кошелеву отъ 13 іюня 1858 г. отмѣчалъ, что «указанное (Кошелевымъ) обстоятельство затрудненія, встрѣчаемаго въ вывозкѣ крестьянами своего навоза въ поле, не есть отрывочное явленіе вашего (Рязанскаго) края. Замѣчательно, что то же самое повторяется, какъ кажется, вездѣ, какъ бы tacito consenso (съ молчаливаго согласія) всего крестьянскаго сословія, хотя... этому не могла предшествовать никакая предварительная сдѣлка. Съ одной стороны, это, по мнѣнію моему, драгоцѣнное еще новое доказательство крѣпкаго убѣжденія крестьянъ въ томъ, что часть земли принадлежитъ имъ несомнѣнно; съ другой,—всеобщность этого симптома указываетъ на то, что, вѣроятно, и во всѣхъ прочихъ дѣйствіяхъ, касающихся ихъ общихъ сословныхъ интересовъ, крестьянамъ не нужно будетъ никакого формальнаго соглашенія для того, чтобы дѣйствовать сообща, но что подобный образъ дѣйствія есть естественное и неминуемое послѣдствіе всего нашего

историческаго положенія. Въ другихъ словахъ — неправильное веденіе новаго дѣла поведетъ къ всеобщему отказу отъ барщины и проч. и проч.... Это заявленіе мысли въ крестьянскомъ сословіи крайне важно въ настоящее время для напоминанія намъ, помѣщикамъ, нашихъ обязанностей къ нему»... Въ письмѣ отъ 9-го іюля 1858 года, Ю. Самаринъ сообщаетъ Кошелеву и кн. Черкасскому: «Сестра пишетъ мнѣ изъ Серпухова: теперь въ окрестностяхъ крестьяне рѣшительно отказались ходить на барщину болѣе трехъ дней въ недѣлю, и становой отказался ихъ за это наказывать. Я читалъ и толковалъ рескрипты и циркуляры на четырехъ сходкахъ. Слушали съ большимъ вниманіемъ. Готовности выкупать усадьбы я встрѣтилъ болѣе, чѣмъ ожидалъ; но выкупа усадебъ міромъ не одобряютъ, хотятъ покупать ихъ въ личную собственность, каждый домъ про себя. Вообще боятся поземельнаго надѣла и сильно настаиваютъ на введеніи денежнаго оброка вмѣсто барщины, лишь бы оброкъ былъ не слишкомъ тяжелъ».

Кошелевъ отъ 27 іюля писалъ: «Барщина... у насъ едва-едва справляется. Число больныхъ доходитъ до невѣроятія, а дѣлать нечего, развѣ призывать земскую полицію. Порютъ у насъ вдоволь, и дѣло такъ не можетъ продолжаться. Опасаюсь за осень; во время храмовыхъ праздниковъ могутъ быть большіе безпорядки».

При подобныхъ симптомахъ настроеній помѣщичьихъ крестьянъ и началась дѣятельность губернскихъ комитетовъ, призванныхъ правительствомъ развить «основанія рескриптовъ и составить подробный проектъ объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ» данной губерніи.

II.

Губернскіе комитеты.

Съ 14 января 1858 г. по 19 апрѣля 1859 г. было открыто 48 комитетовъ. Въ нихъ работало «кромѣ 48 предсѣдателей по числу комитетовъ, 999 членовъ и 416 кандидатовъ къ нимъ, а всего 1463 человѣка изъ дворянскаго сословія и только одно лицо изъ чернаго духовенства». (Н. П. Семеновъ). Количество членовъ каждаго комитета было неодинаково: въ составъ его входили президентъ въ лицѣ губернскаго предводителя дворянства, по два выборныхъ представителя дворянъ отъ уѣзда и два члена по назначенію изъ мѣстныхъ же дворянъ. Выборы были свободны отъ давленія сверху, и дворяне могли послать въ комитеты самыхъ подходящихъ защитниковъ своихъ интересовъ, тѣмъ болѣе, что выборы происходили на дворянскихъ съѣздахъ, гдѣ избиратели могли сговориться и надѣлить своего избранника опредѣленными директивами. Такъ и было въ дѣйствительности, хотя правительство впослѣдствіи заявило, что постановленія дворян-

скихъ съѣздовъ для членовъ комитета необязательны. Эта мѣра была необходимой развязкой для комитетовъ отъ цѣлаго ряда нелѣпыхъ пожеланій уѣздныхъ съѣздовъ, съ которыми насъ знакомятъ показанія ихъ участниковъ. Кн. Черкасскій писалъ Самарину 24 сентября 1885 г.: «Вчера происходилъ довольно курьезный уѣздный съѣздъ въ Веневѣ. На него собралась только либеральнѣйшая часть уѣзда; противная сторона явилась лишь въ числѣ немногихъ экземпляровъ. Трудно было бы, впрочемъ, догадаться о томъ человѣку, который, не будучи лично знакомъ съ мнѣніями лицъ, обратилъ бы вниманіе на одни окончательные результаты съѣзда. На немъ положено (въ видѣ, впрочемъ, необязательнаго для депутатовъ мнѣнія) оцѣнить полевую землю отъ 30 до 100 рублей сер. за десятину; десятину усадебной— отъ 200 до 500 рублей сер. Я не могъ не замѣтить собравшимся господамъ, что мы имѣемъ подъ рукою вѣрнѣйшее средство разорить гр. Шереметева: стоитъ только принудить его прикупить къ своимъ 4000 душамъ въ нашемъ уѣздѣ еще душъ тысячу по нашимъ оцѣнкамъ. Впрочемъ, нельзя не признаться, что и сами дворяне подчасъ не безъ смѣха произносили свой приговоръ объ оцѣнкахъ. Была даже попытка выразить мнѣніе, что крестьянамъ усадьбы должны быть отданы только въ пользованіе, а не въ собственность. Грустно было смотрѣть на это собраніе кулаковъ, окончательно взирающихъ на самихъ себя лишь какъ на монополистовъ болѣе или менѣе цѣннаго товара—чернозема, на который вдругъ открылось почему то значительное требованіе. Шестидесятилѣтній гнетъ какъ бы истребилъ даже всякую память хоть бы о сословномъ дворянскомъ чувствѣ»...

Другіе рекомендовали крайне упрощенные способы освобожденія: «Можно,—говорили на кирсановскомъ съѣздѣ,—дать крестьянамъ по рублю, напоить ихъ водкой и отслужить еще, на радостномъ прощаньѣ, молебенъ».

Само собой понятно, что подобные съѣзды смотрѣли на губернскіе комитеты только какъ на органы отстаиванія сословныхъ дворянскихъ интересовъ и въ большинствѣ случаевъ «выбирали шлепалъ», которыхъ никакой «Черкасскій не уломаетъ», какъ говорили тульскіе избиратели. Повидимому, противовѣсъ этимъ носителямъ дворянскаго своекорыстія правительство хотѣло видѣть въ лицѣ двухъ назначаемыхъ имъ членовъ губернскихъ комитетовъ изъ опытныхъ мѣстныхъ помѣщиковъ. По крайней мѣрѣ, крѣпостники слали Ланскому обидчивыя заявленія, будто въ назначеніи членовъ отъ правительства «дворянство видитъ недовѣріе къ себѣ: посредствомъ этихъ членовъ губернаторы какъ будто будутъ присутствовать въ самыхъ дворянскихъ комитетахъ». Цитированный нами Я. А. Соловьевъ нашелъ въ своихъ бумагахъ написанный имъ проектъ циркуляра въ отвѣтъ на эти жа-

лобы, выражающій взглядъ правительства на назначаемыхъ членовъ, какъ представителей крестьянскихъ интересовъ въ комитетахъ. Въ этомъ циркулярѣ министерство обращалось къ предводителямъ дворянства со слѣдующимъ увѣщаніемъ: «Считаю полезнымъ сообщить вамъ, какое значеніе имѣетъ эта мѣра въ глазахъ правительства. Въ этомъ заключается новый знакъ милости Государя Императора къ дворянамъ. Онъ ввѣряетъ имъ, между прочимъ, обсужденіе вопроса объ участи другого сословія, которое не будетъ имѣть своихъ представителей при дворянскихъ совѣщаніяхъ. Взамѣнъ этого правительство поручаетъ интересы крестьянъ начальникамъ губерній и лицамъ, назначеннымъ имъ—даже не изъ коронныхъ чиновниковъ, а изъ помѣщиковъ той же губерніи. Правительство надѣется, что дворянство пойметъ и оцѣнитъ то довѣріе, которое ему дѣлается въ важномъ вопросѣ установленія прочныхъ отношеній между двумя сословіями».

Впрочемъ, заблуждалось правительство въ своихъ разсчетахъ, напрасно безпокоилось и дворянство. Правительство отмѣтило, но не учло тотъ фактъ, что начальники губерній, какъ и назначенные ими въ комитеты члены отъ правительства, тоже принадлежали къ дворянству, слѣдовательно, органически не могли «оцѣнить возлагаемое на нихъ довѣріе», за немногими исключеніями, къ какимъ принадлежали Ю. Ѳ. Самаринъ съ двумя братьями, кн. Черкасскій, Кошелевъ, Тарновскій, Галаганъ, Желѣзновъ, Шепелевъ, Григорій Аксаковъ и нѣкоторые другіе. Во время дѣятельности губернскихъ комитетовъ члены его разбивались на двѣ половины—«плантаторовъ» и либераловъ, часто съ промежуточными настроеніями, но въ числѣ «либераловъ» не всегда были члены отъ правительства, а нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ увидимъ, тому же правительству пришлось съ помпой удалить изъ комитета за злостную оппозицію правительству. Регуляторомъ, распредѣлявшимъ составъ комитета на либераловъ и «плантаторовъ», была не та или иная доза проникновенности членовъ «цѣнностью довѣрія» къ нимъ правительства, а степень разумнаго сознанія и учета своихъ интересовъ въ связи съ назрѣвшею потребностью общественныхъ измѣненій,—съ тѣмъ, что въ цитированномъ выше письмѣ кн. Черкасскій называлъ «естественнымъ и неминуемымъ послѣдствіемъ всего нашего историческаго положенія». Вообще говоря, во всѣхъ комитетахъ, за исключеніемъ одного, подавляющее большинство принадлежало къ «плантаторамъ», а меньшинство къ либераламъ разной окраски; но, какъ увидимъ, было большою погрѣшностью слить большинство и меньшинство отдѣльныхъ комитетовъ въ двѣ большія группы, изъ которыхъ одною покрывались бы «плантаторы» отдѣльныхъ комитетовъ, а другою либералы. А. А. Корнилову удалось наглядно показать, что «либералы» одного комитета скорѣе походили на «плантаторовъ» другого, и—наоборотъ, въ зависимости главнымъ

образомъ отъ особыхъ экономическихъ условій каждаго района, предъявлявшихъ неодинаковые отвѣты на разныя стороны реформы. Возьмемъ хотя бы вопросъ о выкупѣ земли и личности крѣпостного. Въ черноземныхъ губерніяхъ имѣнія, не занятыя крѣпостными, цѣнились дороже, чѣмъ заселенныя, тогда какъ въ нечерноземныхъ, наоборотъ, главную цѣнность представляли крѣпостные, а не земля. Поэтому, въ вопросѣ о безвозмездномъ освобожденіи личности естественными либералами будутъ помѣщики черноземныхъ губерній, которые, чтобы освободить отъ крѣпостныхъ «черноземъ», готовы были не только «развязаться съ ними», но и великодушно «дать имъ по рублю, напоить водкой и отслужить еще на радостномъ прощаньѣ молебенъ», какъ своеобразно выразились «либералы» Кирсановскаго уѣзда; но зато отпустить безвозмездно крестьянина для помѣщика, скажемъ, нечерноземной полосы Тульской или Смоленской губерній значило остаться на неплодородныхъ и недоходныхъ поляхъ, къ тому же безъ рабочихъ рукъ, приносившихъ доходъ ремеслами и отхожими оброчными промыслами. Въ вопросѣ же о надѣленіи крестьянъ землею роли помѣщиковъ той и другой полосы мѣнялись: смолянинъ не поскупился бы продать по хорошей цѣнѣ бывшему крѣпостному побольше неплодородной земли, и былъ въ вопросѣ о размѣрахъ крестьянскаго надѣла гораздо либеральнѣе помѣщика-орловца или курянина, для котораго уменьшить надѣлы крестьянъ до минимума значило оставить въ своихъ рукахъ цѣнный капиталъ. Поэтому говорить о плантаторскомъ большинствѣ и либеральномъ меньшинствѣ, какъ двухъ, каждая въ отдѣльности, однородныхъ массахъ, на которыя распались всѣ 1463 члена губернскихъ комитетовъ, не приходится. Но нельзя не отмѣтить, что враждебное отношеніе къ реформѣ, несомнѣнно, объединяло большинство этой цифры, и только съ этой точки зрѣнія можно принять установившійся взглядъ, что большинство состояло изъ «плантаторовъ», меньшинство—изъ либераловъ, изъ которыхъ самыми искренними, просвѣщенными, понимающими, а потому и сильными борцами за радикальное разрѣшеніе крестьянской реформы были отмѣченные выше члены по назначенію, плюсъ большинство тверского комитета во главѣ съ Унковскимъ: вокругъ нихъ главнымъ образомъ и сосредоточился шумъ битвы съ крѣпостниками, они создали самый цѣнный матеріалъ для надлежащей постановки и осуществленія реформы въ комитетахъ, они же были завоевателями новыхъ началъ, влитыхъ впослѣдствіи въ старые, но растяжимые мѣхи рескриптовъ, и немудрено: это были лица, въ большинствѣ случаевъ, еще въ николаевское время работавшія надъ вопросомъ о крестьянской реформѣ и теоретически, и практически, и въ своихъ имѣніяхъ, и въ литературѣ.

Въ характеристикѣ плантаторскаго большинства комитетовъ сходятся чиновники и помѣщики-либералы. Первые, можетъ быть, и сгу-

щаютъ при обобщеніяхъ краски, зато вторые объективнѣе къ своимъ соперникамъ, потому что ближе ихъ знали и въ своей перепискѣ другъ съ другомъ не имѣли особыхъ побужденій сгущать тѣни. Мы разумѣемъ переписку Ю. Ѳ. Самарина, кн. В. А. Черкасскаго и А. И. Кошелева. Связанныя общими воззрѣніями на многія теоретическія и практическія стороны жизни, какъ члены славянофильскаго кружка, названныя лица рѣшили завести тройственную переписку между собою, въ которой дѣлились радостями и горемъ, поддерживали другъ друга совѣтами и одобреніями въ особо тяжелыя минуты и вмѣстѣ съ тѣмъ рисовали обстановку, въ которой каждому приходилось дѣйствовать въ разныхъ концахъ Россіи (Кошелевъ былъ назначенъ членомъ Рязанскаго, кн. Черкасскій—Тульскаго, Юр. Самаринъ — Самарскаго комитета).

Инерція, трусость, наклонность не считаться средствами, травля противниковъ и, въ лучшемъ случаѣ, открытое упорство и безсильныя угрозы,—вотъ черты, какими характеризуется большинство въ комитетахъ, оставившихъ по себѣ громкую извѣстность. Кн. Черкасскій писалъ Самарину отъ 13 ноября 1858 г.: «... Никогда не воображалъ себѣ, что могъ осуществиться у насъ въ Тулѣ такой систематически дурной комитетъ. Есть и умъ, и образованіе, и опытъ, и денежная обезпеченность, и все это въ общемъ итогѣ слагается въ бездарный нуль и систематическое всеобщее гасильничество... Скажите, ради Бога, того ли мы ожидали, даже самые недовѣрчивые изъ насъ; и неужели наше общество такъ еще незрѣло и уродливо безпомощно? Мы здѣсь еще не принимались за первую главу; на-дняхъ толковали серьезно о томъ, начались ли засѣданія комитета, такъ какъ высочайшій рескриптъ забыли вписать въ журналъ перваго засѣданія; до сихъ поръ толкуемъ — не разъѣхаться ли опять для пополненія свѣдѣній. И это все важно, чинно, безъ затрещинъ, хотя со злобою и ожесточеніемъ въ сердцѣ!»

«Плантаторы», помимо трусливыхъ подвоховъ, иногда влагали свои настроенія въ фрондирующія противъ правительства формы. Такъ кн. Волконскій, въ одной изъ своихъ рѣчей въ рязанскомъ комитетѣ, выражался: «У меня есть мысль, есть цѣль, которая со дня открытія нашего комитета дѣйствительно всегда во мнѣ присуща. Эту мысль я передъ вами не скрою: она можетъ быть смѣшна, несовременна, но живуча во мнѣ. Цѣль моя защищать наши права, защищать наше имущество, а главное, если его нужно передать, то передать не безъ боя наслѣдіе отцовъ въ руки тѣхъ, чьи предки торговали оружіемъ, когда наши были уже имъ славны!» Въ подлинномъ журналѣ это мѣсто рѣчи и слова: «не безъ боя» подчеркнуты, а на поляхъ написано карандашомъ: «ай!» Впрочемъ, подъ способомъ боевой защиты своего имущества потомокъ «славныхъ оружіемъ предковъ» разумѣлъ просто-напросто проектъ взаимнаго обя-

Орловъ. Сборъ податей.

Картина находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ.

зательнаго застрахованія помѣщичьихъ населенныхъ имѣній отъ дробимости (А. Повалишинъ).

Предложенія либеральнаго меньшинства «плантаторами» обыкновенно игнорировались, а въ нѣкоторыхъ комитетахъ даже принято было не вносить въ журналъ особыхъ мнѣній отъ меньшинства, что повело къ разрѣшенію правительствомъ самостоятельныхъ проектовъ меньшинства, представляемыхъ наряду съ проектами отъ большинства. Это обстоятельство имѣло тѣ положительныя послѣдствія, что либераламъ послѣ этого уже не было нужды идти на компромиссы въ проводимыхъ ими положеніяхъ съ цѣлью собрать вокругъ себя большинство, и проекты либеральнаго меньшинства составили впослѣдствіи главный матеріалъ и опору для составленія «положенія» въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Когда комитетскіе «плантаторы» убѣдились, что игнорированіе мнѣній либераловъ не достигаетъ своей цѣли, и что голосъ либераловъ непремѣнно дойдетъ до центральнаго правительства, противъ послѣднихъ была предпринята форменная травля.

Противъ Юр. Самарина, напр., были направлены очень энергичныя мѣры: «теперь намъ приходится отстаивать не мнѣнія свои, а бока,— писалъ Самаринъ отъ 26 окт. 1858 г... Нашъ производитель дѣлъ, очень молодой человѣкъ, наклонившись черезъ столъ къ моему сосѣду, сказалъ ему шопотомъ нѣсколько словъ и, между прочимъ, назвалъ предложенія консерваторовъ глупостями. Это слово подхватилъ одинъ изъ нихъ и повторилъ его во всеуслышаніе. Производитель дѣлъ не отрекся. Тогда поднялась буря... Однако, до рукопашной не дошло. Само собою разумѣется, что по совѣту губернатора, засѣданія отложены, чтобы дать время страстямъ улечься. Между тѣмъ Рычковъ (глава консерваторовъ) вызвалъ циркулярнымъ письмомъ изъ Бугурусланскаго уѣзда 20 человѣкъ помѣщиковъ, для интимидаціи комитета. Начались собранія по домамъ, стачки; появились подметныя письма съ угрозами. Наконецъ, посланы и приняты были два вызова..., но сегодня на обѣдѣ въ собраніи всѣ помирились на взаимныхъ извиненіяхъ... И послѣ этого мы порочимъ деревенскія сходки!»

Въ тверскомъ комитетѣ крѣпостники остались въ меньшинствѣ: это былъ единственный комитетъ, въ которомъ «либералы» составили во главѣ съ Унковскимъ довольно радикальное большинство, оставившее въ своемъ проектѣ далеко за собою не только «вожделѣнія» «плантаторовъ», но и «начала» рескриптовъ. «Озлобленные консерваторы, не имѣвшіе силы побѣдить Унковскаго въ комитетѣ, пытались дѣйствовать иными средствами... Съ цѣлью произвести давленіе на комитетъ, крѣпостники собирали подписи подъ протестомъ отъ имени помѣщиковъ, противъ постановленій, принятыхъ комитетомъ... Не довольствуясь этимъ, прибѣгали къ угрозамъ, писали доносы, въ которыхъ указывались революціонные замыслы либераловъ, при чемъ ссы-

лались на то, что въ Твери проживаютъ возвращенные изъ Сибири декабристы, въ томъ числѣ М. И. Муравьевъ-Апостолъ, и петрашевцы помѣщикъ Европеусъ и другъ его, писатель Ѳ. М. Достоевскій» (А. Корниловъ). Были громкіе скандалы и недоразумѣнія и въ другихъ комитетахъ. Правительство находило нужнымъ иногда прибѣгать къ энергичному вмѣшательству въ комитетскія дѣла. Самая поѣздка государя по губерніямъ сопровождалась увѣщаніями съ его стороны къ дворянамъ устранить «личности» предъ лицомъ великаго дѣла. Да и самую разработку началъ рескриптовъ правительство не могло всецѣло предоставить комитетамъ уже по одному тому, что оно вскорѣ поняло тѣ противорѣчія и недомолвки данныхъ комитетамъ руководствъ, которыя могли быть использованы крѣпостниками въ своихъ выгодахъ. Въ результатѣ комитеты получили цѣлый рядъ обязательныхъ разъясненій, какими они должны были руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ. Такъ, въ рѣчи къ московскому дворянству государь разъяснилъ въ противовѣсъ стремленіямъ «плантаторовъ», что подъ усадебною осѣдлостью онъ разумѣетъ «не одно строеніе, но и всю усадебную землю». Далѣе, гр. Ланской, узнавши, что въ нѣкоторыхъ комитетахъ обсуждался вопросъ о личномъ выкупѣ крестьянъ, реагировалъ на это циркуляромъ, запрещавшимъ поднимать этотъ вопросъ въ виду того, что государь неоднократно уже признавалъ, что «личность крестьянина и обязательный его трудъ выкупу подлежать не могутъ». Затѣмъ министру пришлось устранить вытекавшую изъ его приложенія къ рескриптамъ вредную неясность мысли, заявивши, что «долговыя обязательства могутъ оставаться на крестьянахъ и по полученіи ими всѣхъ личныхъ правъ, съ тѣмъ только, что до окончательнаго за усадьбы платежа крестьяне сіи не будутъ полными ихъ владѣльцами». Наконецъ, «секретный комитетъ», превращенный въ «главный комитетъ», послѣ того, когда съ переносомъ крестьянскаго дѣла въ губерніи оно перестало уже быть секретнымъ, разослалъ въ руководство губернскимъ комитетамъ подробную программу, распредѣлявшую работы послѣднихъ на три періода и установившую опредѣленныя рубрики для обсужденія и разрѣшенія отдѣльныхъ сторонъ ихъ проектовъ. Въ программѣ этой, составленной замаскированнымъ крѣпостникомъ Позеномъ, часто въ самой постановкѣ рубрикъ предрѣшались отдѣльныя стороны комитетскихъ работъ въ крѣпостническомъ духѣ—таковы, напр., слѣдующія части программы: «оставленіе крестьянъ, временно, крѣпкими землѣ; неприкосновенность правъ собственности помѣщика на всю землю»; хозяйственное устройство «по усмотрѣнію». «Присвоеніе помѣщику званія начальника общества». «Права и отношенія его къ обществу:

а) По сельскому благоустройству и порядку;

б) По разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами;

г) По отправленію крестьянами повинностей;

д) По надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ». Въ послѣднихъ, напр., рубрикахъ прямо предрѣшалось оставленіе за помѣщиками всеобъемлющей вотчинной власти надъ крестьянами на подобіе той, какая въ прошлое царствованіе была дана земскимъ начальникамъ, по проекту лицъ, вдохновлявшихся Позеновскими замыслами. Помимо этой «плантаторской» тенденціозности самыхъ рубрикъ, «въ губернскихъ комитетахъ, по справедливому наблюденію г. Корнилова, програма эта признавалась стѣснительной «главнымъ образомъ» противниками срочно обязаннаго положенія, т. е. людьми, желавшими полной и окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, которую они считали возможной осуществить лишь при помощи обязательнаго выкупа крестьянскихъ повинностей. Впрочемъ, рѣзко выразилъ протестъ противъ программы одинъ только тверской комитетъ, предводимый Унковскимъ... Напротивъ, тѣ изъ сторонниковъ реформъ, которые признавали переходный періодъ неизбѣжнымъ, при всѣхъ отрицательныхъ сторонахъ программы, опирались на нее главнымъ образомъ, не допуская лишь такого ея толкованія, которое было направлено къ обезземеленію крестьянъ по истеченіи срочно обязаннаго періода". По этому поводу Кошелевъ писалъ кн. Черкасскому и Юр. Самарину: «Я не думаю, чтобы слѣдовало отступать въ самомъ началѣ отъ программы. Какъ она ни дурна, но наши дворяне въ сто разъ хуже ея, а потому и намъ необходимо уцѣпиться за нее»... «На рескриптахъ, министерскихъ отношеніяхъ и программѣ необходимо сидѣть верхомъ, ибо все, что можно, — это ихъ отстаивать; далѣе идти нѣтъ возможности»,—писалъ онъ же въ особо трудную минуту крѣпостническаго разгула въ комитетѣ.

Самаринъ даже полагалъ, что «въ рамки ея можно втиснуть, если не все желанное, то, по крайней мѣрѣ все, необходимое на первое время и достаточное для опредѣленія дальнѣйшихъ мѣръ».

При подобномъ руководствѣ сверху и при очерченномъ выше настроеніи и взаимоотношеніяхъ членовъ комитетовъ между собою и протекала та работа, въ результатахъ которой долженъ былъ образоваться матеріалъ для составленія «Положенія о крестьянахъ».

Посмотримъ теперь, какой вкладъ внесли работы губернскихъ комитетовъ въ дѣло освобожденія крестьянъ.

Уже изъ сказаннаго выше можно догадываться о качествѣ работъ губернскихъ комитетовъ. Послѣднимъ предстояло, помимо всего прочаго, разрѣшить, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, слѣдующіе четыре вопроса:

a) о выкупѣ усадебъ, b) о надѣлахъ крестьянъ полевою землею, c) о повинностяхъ крестьянъ и d) объ административномъ устройствѣ крестьянъ.

По первому вопросу комитеты должны были исходить изъ рескрипта и разъясненій къ нему, что «крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа», при чемъ «личность крестьянъ и обязательный ихъ трудъ выкупу подлежать не могутъ». Послѣднее разъясненіе хотя и положило конецъ открытымъ обсужденіямъ въ комитетахъ вопроса о выкупѣ личности, но не примирило большинства съ мыслью о безплатномъ освобожденіи крѣпостного труда: особенно этотъ вопросъ остро стоялъ въ комитетахъ тѣхъ губерній, гдѣ, за непроизводительностью земли, крѣпостной трудъ составлялъ главную цѣнность помѣстій. Естественно, крѣпостники съ этого момента подыскиваютъ приличную форму замаскировать выкупъ крестьянскихъ «душъ». Исходъ былъ показанъ самимъ правительствомъ, отмѣтившимъ въ своихъ рескриптахъ и разъясненіяхъ къ нимъ, что при оцѣнкѣ усадебъ нужно имѣть въ виду реальную стоимость земли и построекъ усадьбы, а также и конъюнктуральныя выгоды усадьбы (промысловое ея значеніе, близость къ городу, станціи, пристани и т. д.). Послѣднее разъясненіе дало возможность крѣпостникамъ вложить съ избыткомъ въ оцѣнку усадьбы стоимость теряемаго помѣщиками дарового труда. По словамъ князя Черкасскаго, «усадьбы цѣнятся жестоко; безъ кадастраціонной комиссіи не обойтись, ибо оцѣнка усадебъ—баснословная: отъ 200 до 600 рублей». Московскій комитетъ, по словамъ г. А. Корнилова, установилъ для различныхъ селеній Московской губ. оцѣнку усадебной земли въ 400, 720, 990 и 1200 руб. за десятину, при чемъ допускалъ, сверхъ того, по требованію помѣщика, и спеціальную оцѣнку, въ случаѣ особыхъ выгодъ данной мѣстности. Вологодскій комитетъ за усадьбу въ 500 саж. назначилъ 200 руб. (по 960 руб. за десятину) и, кромѣ того, за каждую сажень по 20 коп. (480 руб. за десятину), допуская сверхъ того спеціальную оцѣнку промысловыхъ выгодъ. И это далеко не единичные случаи. Не менѣе разыгрались аппетиты крѣпостниковъ и при оцѣнкѣ строеній. Такъ, орловскій комитетъ цѣнилъ исправныя крестьянскія строенія въ 150, 200 и 250 рублей со двора, а за неисправныя—по 75, по 100 и по 120 р. Въ смоленскомъ комитетѣ строенія оцѣнивались по разрядамъ въ 75, 100, 150, 175 и 200 рублей съ усадьбы. Изъ 43 комитетовъ 24 постановили отдать крестьянамъ строенія безвозмездно, но великодушіе ихъ объясняется особенно высокой оцѣнкой усадебной земли. Эти постановленія хотя и замаскировывали крѣпостническіе аппетиты, но все же довольно грубо: они покоились на слѣпыхъ надеждахъ этими невозможными условіями поживиться за счетъ ускользавшаго изъ рукъ крѣпостного труда, или даже сдѣлать освобожденіе невозможнымъ.

Болѣе дальновидные должны были считаться съ рѣшимостью правительства и съ послѣдствіями представленія дворянствомъ невозможныхъ условій, которыя могли заставить правительство взять дѣло реформы изъ дворянскихъ рукъ, или вызвать погромы снизу. Въ результатѣ въ разныхъ концахъ Россіи почти одновременно появляется у разныхъ дальновидныхъ лицъ мысль, не отказываясь отъ возможности использовать повышенную оцѣнку выкупа земли, какъ замаскированный способъ вознаградить помѣщика за утрату крѣпостного труда, въ то же время нѣсколько смягчить слишкомъ наглядную сторону этой разорительной для крестьянъ операціи; для этого предлагалось принуждать крестьянъ выкупать, съ добровольнаго согласія помѣщиковъ, не только усадьбу, но и полевой надѣлъ, уменьшить стоимость каждой выкупаемой единицы земли въ отдѣльности, но уменьшить въ такомъ размѣрѣ, чтобы разница рыночной цѣны надѣльной земли съ выкупною ея оцѣнкою вознаграждала съ лихвой помѣщика за утрату имъ дарового труда.

Отсутствіе опредѣленнаго указанія, на какое время предоставляется отводимая въ пользованіе крестьянамъ земля, и тенденціозное замѣчаніе Позеновской программы о «неприкосновенности правъ собственника на всю землю», дали поводъ многимъ комитетамъ заключить, что полевая земля должна быть отводима въ пользованіе крестьянъ только на переходное время срочно-обязаннаго періода, по истеченіи котораго надѣлы возвращаются въ распоряженіе собственника. Это толкованіе было особенно распространено въ черноземныхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ, гдѣ помѣщики не склонны были разстаться съ своимъ «цѣннымъ товаромъ». Большинство комитетовъ плодородныхъ губерній склонялось къ надѣленію крестьянъ полевой землею на переходный періодъ; въ губерніяхъ неплодородныхъ одни комитеты ничего не имѣли противъ выкупа крестьянскихъ надѣловъ по истеченіи срочно-обязаннаго періода, или соглашались признать отведенныя въ надѣлы земли собственностью помѣщика, но ограниченною въ томъ отношеніи, что земли эти должны обязательно сдаваться крестьянамъ, и ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть обращены подъ барскую запашку; наконецъ были представлены проекты о выкупѣ земли и повинностей, при чемъ размѣры надѣловъ всюду были понижены, насколько возможно. Существующій надѣлъ былъ принятъ только въ 9 проектахъ, изъ которыхъ 5 принадлежало меньшинствамъ комитетовъ (6 проектовъ принадлежало комитетамъ неплодородныхъ губерній); да и они устанавливали maximum, выше котораго существующіе надѣлы отрѣзались у крестьянъ. Нѣкоторые комитеты устанавливали нормы надѣловъ въ черноземныхъ губерніяхъ настолько недостаточныя, что онѣ составляли отъ $^1/_3$ до $^1/_{20}$ существующаго надѣла. Но, уменьшая надѣлы, комитеты всюду увеличили повинности крестьянъ сравнительно съ существовавшимъ окладомъ.

При опредѣленіи повинностей, комитеты имѣли въ виду: 1) барщину и 2) оброки. Первая была понижена съ 3 дней на 2 въ недѣлю; но. какъ выяснилъ г. Корниловъ, пониженіе это было больше кажущееся, потому что $^2/_3$ или $^3/_4$ барщинныхъ дней падали на лѣтніе мѣсяцы, какъ разъ на «страдную пору», когда крестьянскій трудъ особенно цѣнился; зимою же и въ крѣпостное время работы на помѣщика были не часты. Если принять во вниманіе это фиктивное сокращеніе барщины при весьма существенномъ урѣзываніи обычнаго надѣла, то вполнѣ нагляднымъ представится, какое «улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ» готовили комитеты. Еще яснѣе сказалось желаніе послѣднихъ поживиться съ избыткомъ на счетъ крестьянъ изъ установленныхъ комитетами оброковъ.

«При опредѣленіи размѣровъ оброка, лишь немногіе комитеты исходили изъ ранѣе существующихъ окладовъ. Въ огромномъ большинствѣ комитетовъ оброки были вычислены или по средней доходности земли, или какъ извѣстный процентъ съ принятой комитетами оцѣнки земли, при чемъ существующія повинности были лишь болѣе или менѣе приняты во вниманіе. Вообще комитеты почти нигдѣ не приняли во вниманіе того, что, теряя извѣстныя права, помѣщикъ въ то же время освобождался и отъ извѣстныхъ обязанностей въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ... напримѣръ, отъ продовольствія крѣпостныхъ въ неурожайные годы, каковое доводило помѣщиковъ до желанія передать свои имѣнія даромъ въ казну» (А. Корниловъ). При этомъ увеличеніе оброковъ съ освобождаемыхъ крестьянъ часто доходило до несообразностей. Такъ, калужскій комитетъ, уменьшая надѣлъ крестьянъ въ среднемъ съ 6,8 на $2^1/_3$ десятины, одновременно увеличивалъ оброки, полагая вмѣсто крѣпостныхъ 23 р. 50 к. получить отъ $22^1/_2$ руб. до 37 руб. съ тягла, и подобное стремленіе проявилось въ большинствѣ комитетовъ промышленныхъ губерній. Цифры комитетскихъ оброковъ въ черноземныхъ губерніяхъ не бросаются въ глаза своими размѣрами, но реальный смыслъ этихъ пониженныхъ оброковъ уясняется при сравненіи съ соотвѣтствующимъ пониженіемъ надѣловъ: послѣднее всюду превосходитъ первое. Участники комитетовъ чувствовали, что они дѣлали, и не прочь были замести слѣды своихъ вычисленій и разсчетовъ. Такъ, Юр. Самаринъ въ своемъ «рапортѣ» Кошелеву и кн. Черкасскому сообщилъ, что ему удалось провести постановленіе, чтобы «описанія имѣній, представленныя помѣщиками, хранились при описи, въ архивѣ...

Было намѣреніе,—поясняетъ Самаринъ, — по составленіи сводовъ, сжечь или уничтожить подлинныя описанія, дабы при провѣркѣ актовъ не было никакого документа, по которому бы можно было судить о томъ, лучше или хуже будетъ положеніе крестьянъ».

Что касается комитетскихъ постановленій относительно административнаго устройства крестьянъ, то останавливаться на этомъ

вопросѣ мы не будемъ въ виду того, что правительство впослѣдствіи въ значительной степени ушло впередъ отъ своихъ первоначальныхъ воззрѣній на этотъ вопросъ; поэтому, и постановленія комитетовъ, развивавшихъ первоначальные директивы правительства о сохраненіи обширной вотчинной власти помѣщика надъ временно-обязанными крестьянами, оказались ненужнымъ матеріаломъ для редакціонныхъ комиссій.

Бросая общій взглядъ на дѣятельность губернскихъ комитетовъ, мы должны не забывать, что это были учрежденія строго сословнаго характера по своему составу, принужденныя къ тому же дѣйствовать въ тѣсныхъ рамкахъ правительственнаго контроля и директивъ, при фиктивномъ представительствѣ крестьянскихъ интересовъ тѣми же дворянами, въ лучшемъ случаѣ, дальновидными и сознающими равнодѣйствующую интересовъ освобождаемыхъ другъ отъ друга сословій. Ожидать отъ этихъ учрежденій объективно-справедливаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса было бы наивной вѣрой въ способность сословія отрѣшиться отъ своихъ интересовъ, традицій и связаннаго съ ними специфическаго эгоизма. Великая заслуга губернскихъ комитетовъ для крестьянскаго вопроса была уже въ томъ, что съ ихъ учрежденіемъ вопросъ колоссальной общественной и государственной важности былъ выведенъ изъ тайниковъ канцеляріи на общественную арену, изъ комитетовъ просачивался въ литературу, интеллигентное общество въ крестьянскую массу, будя общественную мысль, питаясь ею и дѣлая отступленіе на пути къ реформѣ невозможнымъ. Другой не менѣе важной заслугой губернскихъ комитетовъ было то, что ими былъ подготовленъ обширный матеріалъ, правда, очень односторонній и далеко не объективный, но все же способный даже погрѣшностями своими направить мысль законодателя на правильное пониманіе максимальныхъ притязаній дворянства и минимальныхъ интересовъ крестьянъ. Здѣсь же была въ отдѣльныхъ проектахъ намѣчена радикальная постановка разныхъ сторонъ реформы, и изъ нихъ безпристрастный законодатель могъ извлечь принципіально цѣльный планъ реформы не только въ его соціально-экономическихъ, но и въ политическихъ слѣдствіяхъ. Наконецъ, работы въ комитетахъ подготовили опытныхъ дѣятелей, которые потомъ, при разработкѣ «положеній» въ центральномъ учрежденіи, своими указаніями немало содѣйствовали нормальной постановкѣ вопроса, ведя за собой такихъ дѣятелей поневолѣ, какъ гр. Ланской, члены Главнаго комитета и др., о неподготовленности или недоброжелательствѣ которыхъ по отношенію къ реформѣ намъ пришлось говорить выше.

Губернскіе комитеты закрывались постепенно съ окончаніемъ составленія своихъ проектовъ объ «улучшеніи быта крестьянъ». Въ концѣ 1859 г. закончили свои работы послѣдніе комитеты.

III.

Редакціонныя комиссіи.

Составленіе окончательнаго проекта «Положеній» объ освобожденіи крестьянъ, на основаніи матеріала губернскихъ комитетовъ, должно было сосредоточиться въ особомъ комитетѣ, который съ 8 янв. 1858 г. пересталъ быть «секретнымъ» и получилъ формально и офиціально наименованіе Главнаго комитета. Въ ряду учрежденій по крестьянскому дѣлу онъ представлялъ высшую и послѣднюю инстанцію, откуда всѣ постановленія восходили уже непосредственно на утвержденіе къ Государю. Въ отношеніи къ государственному совѣту Главный комитетъ былъ какъ бы его спеціальнымъ департаментомъ, созданнымъ на время реформъ. Конечно, такое высокое учрежденіе не могло взять на себя непосредственно черновую разработку проекта положенія, и потому уже 15 іюля 1858 года была учреждена Особая комиссія при Главномъ комитетѣ «для предварительнаго разсмотрѣнія» поступающихъ изъ губернскихъ комитетовъ проектовъ, а также для ближайшаго сношенія съ членами или депутатами отъ каждаго губернскаго комитета, которыхъ положено было вызвать «для представленія высшему правительству всѣхъ свѣдѣній, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проекта» [1]. Но и это учрежденіе оказалось нетрудоспособнымъ, главнымъ образомъ потому, что въ составъ его вошли слишкомъ занятые высокопоставленные люди, которымъ было не до черновой работы. Это были С. С. Ланской (министръ внутреннихъ дѣлъ), гр. В. Н. Панинъ (министръ юстиціи), М. Н. Муравьевъ (министръ государств. имуществъ) и Я. И. Ростовцевъ. Вся дѣятельность этой особой комиссіи въ теченіе приблизительно полугода свелась къ нѣсколькимъ рецензіямъ на проекты губернскихъ комитетовъ, и особая комиссія сама собой перестала существовать, когда 17 февраля 1859 г. было утверждено Государемъ постановленіе объ образованіи Редакціонныхъ Комиссій «для составленія систематическихъ сводовъ изъ всѣхъ проектовъ губернскихъ комитетовъ и для начертанія проектовъ общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и другихъ законоположеній, до этого предмета относящихся».

Первоначально была мысль учредить двѣ комиссіи, изъ которыхъ одна, состоящая только изъ чиновниковъ, должна была выработать общія положенія; на обязанности другой, въ составъ которой, кромѣ чиновниковъ, предполагалось пригласить экспертовъ изъ мѣст-

---

[1]) Н. П. Семеновъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II». Трудъ этотъ, написанный ближайшимъ участникомъ въ работахъ редакціонныхъ комиссій, представляетъ живой протоколъ засѣданій послѣднихъ, дополняя документальную сторону дѣла изображеніемъ живой драматической стороны его.

ныхъ дѣятелей—дворянъ, лежало составить мѣстныя положенія, исходя изъ общихъ началъ, выработанныхъ первой комиссіей. Но послѣ назначенія предсѣдателемъ этихъ комиссіей Я. И. Ростовцева, человѣка, чуждаго по духу канцелярской закваски, и по прибытіи экспертовъ,—лицъ, ближе знакомыхъ съ бытомъ губерній и съ мѣстными потребностями, — обѣ комиссіи сливаются въ одну. Общія и мѣстныя положенія составляются вмѣстѣ, «разгородки падаютъ, свѣжій элементъ, не принадлежащій канцеляріямъ, обращаетъ и представителей правительства въ живыхъ людей и свободныхъ дѣятелей. Редакціонныя Комиссіи чрезъ своихъ предсѣдателей Я. И. Ростовцева, а по его смерти гр. В. Н. Панина, становятся въ непосредственныя, а въ началѣ дѣятельности перваго изъ нихъ—въ почти ежедневныя сношенія съ верховной властью, пріобрѣтая на все время своихъ занятій независимое отъ всей служебной іерархіи и самостоятельное положеніе, что и доставляетъ имъ возможность привести къ окончанію многосложный трудъ». Такъ характеризуетъ Редакціонныя Комиссіи одинъ изъ участниковъ ихъ, Н. П. Семеновъ. Дѣйствительно, это было учрежденіе необычное для бюрократической формаціи Петербурга.

Характеръ его полномочнаго предсѣдателя, составъ и взаимоотношенія членовъ, характеръ обсужденія и самые матеріалы, легшіе въ основу его работъ,—все это дѣлало Редакціонныя Комиссіи необычайно воспріимчивымъ и чувствительнымъ органомъ къ живымъ потребностямъ общества, къ болѣе или менѣе радикальнымъ и безпристрастнымъ рѣшеніямъ крестьянскаго вопроса. Несомнѣнно, не простою случайностью было, что государь назначилъ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій не чиновника (С. М. Жуковскаго), какъ проектировалъ министръ Ланской, а «человѣка посторонняго», громаднымъ достоинствомъ котораго было уже то, что онъ чуждъ былъ бюрократическаго самомнѣнія и опредѣленности, былъ новичкомъ въ крестьянскомъ вопросѣ, склоннымъ незамѣтно для себя проникаться чужими волей и мыслями, если они направляли Якова Ивановича, по его мнѣнію, къ «справедливому рѣшенію» порученнаго ему великаго дѣла, къ которому онъ относился съ благоговѣніемъ. По поводу резолюціи Государя, назначавшей Я. И. Ростовцева предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій, онъ писалъ кн. Орлову: «Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня предсѣдателемъ Комиссіи, «если только я буду на это согласенъ», какъ изволилъ выразиться Его Величество, принимаю я не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и съ чувствомъ долга.

«Съ молитвою къ Богу, чтобъ онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность Государя.

«Съ благоговѣніемъ къ Государю, удостоившему меня такого святого призванія.

«Со страхомъ предъ Россіей и предъ потомствомъ, съ чувствомъ долга предъ моею совѣстію.

«Да простятъ мнѣ Богъ и Государь, да простятъ мнѣ Россія и потомство, если я поднимаю на себя ношу не по моимъ силамъ, но чувство долга говоритъ мнѣ, что ношу эту не поднять я не въ правѣ.

«Этотъ отзывъ мой на призывъ Государя почтительнѣйше прошу Васъ повергнуть предъ Его Императорскимъ Величествомъ, создающимъ въ Россіи народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало».

И это не были только фразы, а правдивое выраженіе настроенія, какое Яковъ Ивановичъ вкладывалъ въ дѣло, поскольку оно отъ него зависѣло. Давая себѣ полный отчетъ въ необъятности предстоящихъ работъ, организація которыхъ ему всецѣло была поручена, человѣкъ этотъ не возмнилъ о себѣ, а чистосердечно сознавался въ своей неподготовленности, неопытности и безсиліи предъ великимъ дѣломъ «Нѣтъ, вы не бойтесь, мы всѣ люди новые въ этомъ дѣлѣ»,—успокаивалъ онъ Н. П. Семенова и М. Н. Любощинскаго, не представлявшихъ себѣ, чѣмъ они могутъ быть полезны въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ. — «Это такой громадный переворотъ», — продолжалъ Ростовцевъ,—котораго никто не предвидѣлъ, и готовиться было некогда; мы должны въ продолженіе нашихъ занятій всѣ учиться; намъ нужны всѣ свѣдѣнія; мы пойдемъ постепенно, а не вдругъ. Я имѣю такой планъ. Къ намъ уже начинаютъ поступать проекты Губернскихъ Комитетовъ; мы должны ихъ обозрѣвать, и въ то же время будемъ знакомиться съ дѣломъ. Сначала мы, такъ сказать, оболванимъ нашъ проектъ, это будетъ черновая работа, потомъ будутъ вызваны депутаты отъ губерній, они намъ помогутъ; мы тогда опять пройдемъ все сначала, чтобы усовершенствовать, и это будетъ второй періодъ, а ихъ, можетъ быть, будетъ три и четыре, а, можетъ быть, и пять, пока мы не приведемъ нашего труда въ такой видъ, что дѣло можетъ пойти въ ходъ». «Можетъ быть, даже надо будетъ приводить его въ исполненіе постепенно, по частямъ, тогда можно будетъ видѣть недостатки и своевременно поправлять ихъ. Я всѣмъ этимъ очень озабоченъ, мы должны помогать другъ другу всѣми силами, намъ надо имѣть въ виду все, что было написано у насъ по этому предмету, все прочесть, что было напечатано и за-границей. Мы ни одной строчки не должны упустить изъ виду, меня самого беретъ иногда страхъ, и я за это дѣло принимаюсь съ молитвою, чтобы Богъ насъ вразумилъ».

Обладая громаднымъ довѣріемъ государя и полномочіями, Ростовцевъ сумѣлъ отрѣшиться отъ мысли о непогрѣшимости своихъ убѣжденій и мнѣній. Предложивши въ руководство къ занятіямъ Комиссій свои принципіальныя воззрѣнія на предстоящее дѣло, Ростовцевъ тутъ же оговорился: «прошу васъ, господа, не стѣсняться всѣми пунктами

моего предложенія въ работахъ Комиссій. Я готовъ самъ отказаться отъ того, что было бы впослѣдствіи признано неудобнымъ. Я долженъ пояснить, что не желаю ограничивать чьей бы то ни было свободы выражать свое мнѣніе, напротивъ, я прошу всѣхъ членовъ быть откровенными, чтобы каждый сказалъ, что онъ думаетъ»... Гдѣ Ростовцевъ чувствовалъ себя не въ курсѣ дѣла, онъ не стѣснялся откровенно въ томъ сознаваться. При разсмотрѣніи доклада хозяйственнаго отдѣленія Комиссій, когда рѣчь зашла о спорныхъ числахъ (maximum и minimum надѣловъ), Ростовцевъ заявилъ: «О цифрахъ,—откровенно вамъ говорю,—я не судья»... Но и тамъ, гдѣ Я. И. Ростовцевъ чувствовалъ себя «судьею», онъ старался сдерживаться, подавлять въ себѣ «превосходительный духъ». «Слѣдуетъ отдать ему полную справедливость», пишетъ Н. П. Семеновъ, «что во время своего предсѣдательства онъ обнаруживалъ постоянно желаніе выслушивать всѣ возраженія и дѣлалъ надъ собою видимыя усилія, чтобы побѣдить укоренившуюся въ немъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ привычку начальника (онъ занималъ постъ начальника военныхъ училищъ) къ служебному подобострастію подчиненныхъ, которое при старомъ порядкѣ вещей не допускало смѣлаго возраженія и противорѣчія начальству; однако, явное и рѣзко выраженное несогласіе съ его мыслями все-таки приводило его иногда въ нетерпѣніе и часто смущало возражающаго. Нельзя, впрочемъ, умолчать, что послѣ вспышки несдержаннаго неудовольствія Ростовцевъ, обдумавъ сдѣланное ему возраженіе, всегда принималъ его съ благодарностью, если оно было дѣльное, и, разъ убѣжденный, онъ охотно отказывался отъ своего мнѣнія, и даже тѣмъ, кто прямо и рѣзко излагалъ свои мысли, оказывалъ всегда особое уваженіе. При этомъ Ростовцевъ добродушно, но серіозно говорилъ завѣдывавшему дѣлами Комиссій, сидѣвшему въ присутствіи подлѣ него: когда вы увидите, что я выхожу изъ себя, придержите меня за фалдочку».

Незауряднымъ для бюрократическаго шаблона былъ и составъ членовъ по ихъ непринужденности, независимости и солидной дѣловитости, и не только потому, что въ составъ Комиссій въ лицѣ членовъ-экспертовъ изъ неслужащихъ дворянъ-дѣятелей вошелъ «не принадлежащій канцеляріямъ свѣжій элементъ, который, по мнѣнію Н. П. Семенова, обратилъ и представителей правительства въ живыхъ людей и свободныхъ дѣятелей»: въ это время въ самой средѣ правительства были уже «живые люди и свободные дѣятели», призванные въ замѣнъ бездарныхъ Левшиныхъ и на помощь занятымъ Ланскимъ. Такимъ «чиновникамъ», какъ Н. А. Милютинъ, Я. А. Соловьевъ, М. Н. Любощинскій, нечему было учиться у такого «не принадлежащаго канцеляріямъ элемента», какъ М. П. Позенъ, А. Д. Желтухинъ, В. В. Апраксинъ, кн. Ѳ. И. Паскевичъ-Варшавскій, гр. П. П. Шуваловъ и др., которые внесли въ Комиссіи беззавѣтную преданность дворянскимъ

интересамъ, стойкую и прямолинейную защиту палліативовъ реформы, открытую борьбу противъ радикальной постановки вопроса и отчаянное стремленіе исказить въ пользу крѣпостниковъ выработанныя въ Комиссіяхъ начала реформы. Нужно только пробѣжать драматическую сторону протоколовъ Н. П. Семенова, чтобы убѣдиться, что большинство крѣпостниковъ въ Комиссіяхъ состояло не изъ «представителей правительства», а изъ «свѣжаго элемента» — представителей дворянства. На первыхъ же засѣданіяхъ кн. Паскевичъ и гр. Шуваловъ (губернскій предводитель Петербургскаго дворянства) подняли рѣзкій походъ противъ началъ выкупа, доведя дѣло до бойкота Комиссій, до представленія своихъ возраженій государю; Апраксинъ, дѣятель Орловскаго губернскаго Комитета, пытался впослѣдствіи поднять выбитое «представителями правительства» крѣпостническое знамя изъ рукъ Паскевича и Шувалова. Съ другой стороны, такой «неканцелярскій элементъ», какъ Позенъ, Полтавскій помѣщикъ, не только крючкотворски провелъ въ своей программѣ для Губернскихъ Комитетовъ «плантаторскія» тенденціи, не только оказывалъ въ первое время на Я. И. Ростовцева реакціонное вліяніе и въ своихъ тонкихъ рѣчахъ пытался затушевать ясныя рѣшенія Редакціонныхъ Комиссій, но и не прочь былъ распускать инсинуаціи въ обществѣ о направленіи работъ въ Комиссіи и агитировать среди депутатовъ отъ Губернскихъ Комитетовъ противъ того же «канцелярскаго элемента». Этимъ мы не хотимъ сказать, что крестьянское дѣло нашло своихъ искреннихъ защитниковъ только среди представителей правительства: такіе дѣятели Губернскихъ Комитетовъ изъ неслужившихъ дворянъ, какъ Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій, В. В. Тарновскій и др., отстаивали радикальную постановку вопроса съ неменьшею честью, чѣмъ Н. А. Милютинъ и Я. А. Соловьевъ; но все же нельзя обойти факта, что оппозицію крестьянскому дѣлу въ Комиссіяхъ составляли, главнымъ образомъ, представители дворянства, попавшіе въ Комиссію за свою извѣстность въ журнальной или Комитетской дѣятельности по крестьянскому вопросу. Впрочемъ, нельзя отрицать того, что независимое положеніе членовъ-экспертовъ отъ неслужилаго дворянства немало содѣйствовало поддержанію въ Комиссіяхъ духа непринужденности и открытой независимости сужденій вообще, въ какую бы сторону они ни направлялись.

Члены Комиссій рѣшительно выступали противъ вольныхъ или невольныхъ попытокъ ограничить ихъ дѣятельность какими-либо рамками. «Предложенія предсѣдателя, несмотря на то, что отрицать ихъ пользы было нельзя, неохотно выслушивались въ Комиссіяхъ», замѣчаетъ одинъ изъ ихъ участниковъ.

Этотъ духъ независимости не покинулъ Редакціонныя Комиссіи даже тогда, когда на мѣсто Ростовцева сталъ властный бюрократъ гр. Панинъ (бывшій министръ юстиціи). Послѣдній сначала рѣшилъ

дѣйствовать напроломъ, внося, напримѣръ, въ протоколы редакціонныхъ рѣшеній такія свои предложенія, которыя были отвергнуты большинствомъ членовъ. По одному изъ такихъ подвоховъ возгорѣлся споръ, и предсѣдателю доказали неправильность его дѣйствій. Гр. Панинъ поблѣднѣлъ и, задыхаясь, отвѣчалъ: «Такъ это значитъ—вы выражаете сомнѣніе въ моемъ словѣ: это случается со мной въ первый разъ въ моей жизни»... «Нѣтъ, — замѣтилъ онъ въ другой разъ, — время тайныхъ совѣтниковъ и даже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ прошло безвозвратно».

Самая организація Комиссій, распредѣленіе занятій между членами были чужды бюрократической регламентаціи и произошли естественно, согласно съ призваніемъ и опытностью членовъ. Въ засѣданіи 5 марта Ростовцевъ обратилъ вниманіе членовъ на то, что ему предоставлено «полное право дать Комиссіямъ внутреннее устройство по его усмотрѣнію», и потому предложилъ первую изъ Комиссій, т. е. общую раздѣлить, по главнымъ отдѣламъ занятій, на два отдѣленія: юридическое и административное, а другую Комиссію, мѣстныхъ положеній, обратить въ Хозяйственное Отдѣленіе съ тѣмъ, чтобы, по разработкѣ каждой части труда въ Отдѣленіи, они вносили докладъ о томъ въ общее присутствіе всѣхъ отдѣленій. Распредѣленіе членовъ по отдѣленіямъ онъ тутъ же предоставилъ ихъ собственному усмотрѣнію, съ тѣмъ однако, чтобы каждый вошелъ въ составъ одного изъ отдѣленій, а кому угодно было принять участіе въ занятіяхъ двухъ или даже всѣхъ трехъ, это онъ оставлялъ доброй волѣ желающихъ. Точно также Ростовцевъ просилъ членовъ принять на себя, кто изъ нихъ пожелаетъ, обязанность редакторовъ по разнымъ частямъ будущаго труда и положилъ называть ихъ членами-редакторами.

Несмотря на то, что Редакціонныя Комиссіи состояли изъ чиновниковъ-дворянъ и изъ дворянъ-экспертовъ, значительное большинство ея членовъ стремилось искренне разрѣшить вопросъ безобидно для крестьянъ, нѣкоторые члены прямо считали себя защитниками крестьянскихъ интересовъ въ Комиссіи противъ притязаній дворянства: «Наша первая обязанность—ограждать крестьянъ»,—заявилъ кн. Черкасскій въ засѣданіи 22 іюля,—«мы для того и призваны сюда. У нихъ нѣтъ въ средѣ насъ уполномоченныхъ и заступниковъ». Правда, на это ему отвѣчали: «Наша обязанность—сохранять строгую справедливость, ограждать обѣ стороны. Мы всѣ здѣсь уполномоченные отъ правительства, слѣдовательно, намъ надо дѣлать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо». Какой изъ этихъ взглядовъ восторжествовалъ въ Комиссіи, увидимъ изъ ея окончательныхъ трудовъ; но нельзя обойти намѣренія симпатичнаго предсѣдателя Редакціонныхъ Комиссій привлечь къ дѣлу болѣе надежныхъ «уполномоченныхъ и заступниковъ» отъ крестьянъ. Въ засѣданіи 15 апрѣля Я. И. Ростовцевъ деликатно за-

явилъ: «Исполненный чувствъ душевнаго уваженія къ добросовѣстности членовъ Комиссій и полный довѣренности къ ихъ способностямъ, я, все-таки, полагалъ бы не излишнимъ и для ихъ собственнаго и для моего совѣстливаго успокоенія предложить слѣдующія мѣры... Въ числѣ гг. членовъ Комиссій почти все помѣщики: всѣ болѣе или менѣе знаютъ бытъ крестьянъ, эксперты знаютъ бытъ этотъ и еще ближе; но большая часть изъ насъ или была отвлечена отъ сельскихъ занятій государственною службой, или владѣетъ помѣстьями значительными, и потому знаетъ обиходъ крестьянъ въ видахъ общихъ или размѣрахъ обширныхъ.

По мнѣнію моему, было бы полезно: 1) имѣть въ Комиссіяхъ, не въ составѣ членовъ или экспертовъ, но въ качествѣ совѣщателей Отдѣленій, нѣсколько помѣщиковъ небогатыхъ, достаточно образованныхъ, проведшихъ большую часть жизни въ своихъ имѣніяхъ и распоряжавшихся всегда лично и крестьянскими работами, и веденіемъ сельскаго хозяйства, и 2) выбрать изъ различныхъ мѣстностей Россіи до десяти или болѣе опытныхъ и смышленыхъ управляющихъ имѣніями или, лучше, старостъ, затѣмъ, чтобъ они, призываемые въ Редакціонныя Отдѣленія по одиночкѣ, отвѣчали только на два вопроса: понятно ли то, что написано? и можно ли, что написано, исполнить у васъ съ пользою?

Отвѣты ихъ должны имѣть вліяніе на редакцію. Предсѣдатель счелъ нужнымъ пояснить, что онъ желалъ бы призвать этихъ лицъ, не давая имъ, впрочемъ, ни голоса, ни участія въ рѣшеніи вопросовъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они широко были обезпечены въ ихъ нуждахъ изъ суммъ Редакціонныхъ Комиссій за пріѣздъ и расходы во все время проживанія въ Петербургѣ, пока въ нихъ будетъ надобность...

Общее Присутствіе приняло предложеніе предсѣдателя, хотя и не безъ возраженій со стороны Милютина и гр. Шувалова, но этому предложенію не суждено было осуществиться. Въ то время немногіе приняли съ сочувствіемъ эту мысль, а послѣ кончины Ростовцева она была и вовсе забыта». (Н. Семеновъ).

Но самая эта мысль и ея принятіе Комиссіей показываютъ, что члены чувствовали потребность въ «совѣстливомъ успокоеніи» при отправленіи своей миссіи... И въ этомъ ужъ одномъ нельзя не видѣть заслуги состава Редакціонныхъ Комиссій, его чуткости и желанія, по мѣрѣ силъ, сохранять въ своихъ работахъ равновѣсіе интересовъ крестьянъ и дворянъ, конечно, въ мѣру своихъ дворянскихъ, хотя бы и дальновидныхъ воззрѣній.

Расширенію и направленію въ радикальную сторону этихъ воззрѣній не мало содѣйствовала чуткость и совѣстливое отношеніе членовъ Редакціонныхъ Комиссій къ проявленіямъ общественной мысли, какія бы формы она ни принимала. И здѣсь нужно отмѣтить важную за-

слугу Ростовцева, который обставилъ Редакціонныя Комиссіи полной возможностью знать, что думаютъ и пишутъ по крестьянскому вопросу не только въ Россіи, но и за границей, не только въ благонадежной прессѣ и благонамѣренными людьми, но и въ литературѣ, почему-либо не стѣсняющейся началами рескриптовъ, и министерскихъ разъясненій, директивами Ростовцева и т. п. рамками. Въ устроенную Ростовцевымъ библіотеку при Комиссіяхъ входили: 1) полученные изъ II Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи 137 томовъ перваго и второго полнаго собранія Свода Законовъ и 2) всѣ частные проекты по крестьянскому дѣлу; 3) были пріобрѣтены спеціальные журналы по крестьянскому дѣлу и всѣ статьи по этому же предмету, помѣщенныя во всѣхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 4) были выписаны иностранныя сочиненія и брошюры, относящіяся до освобожденія крестьянъ и законоположеній о нихъ въ государствахъ европейскихъ (до 600 книгъ); 5) было сдѣлано сношеніе съ редакторами русскихъ журналовъ объ отпечатаніи впредь для Комиссій отдѣльными оттисками всѣхъ поступающихъ къ нимъ статей по крестьянскому дѣлу въ числѣ 100 экземпляровъ.

Любопытную подробность запротоколилъ Н. П. Семеновъ въ засѣданіи Комиссій отъ 23 марта. Ростовцевъ сказалъ: «Я долженъ сообщить вамъ, что изъ III Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи, по особому разрѣшенію, будутъ присылать въ Комиссіи одинъ экземпляръ «Колокола» (Герцена) для того, чтобы мы все знали, что объ насъ будутъ писать за границей; я буду васъ просить, чтобы вы и изъ «Колокола» заимствовали и приняли въ соображеніе все, что только можетъ быть полезно и примѣнимо къ исправленію нашихъ трудовъ и усовершенствованію проекта Положеній». У Арапетова вырвались слова: «Какъ, неужели заимствовать у Герцена?» Ростовцевъ отвѣчалъ: «Что намъ за дѣло до личностей? Кто бы ни сказалъ полезное, мы должны воспользоваться». Конечно, нѣтъ основанія думать, чтобы все содержимое въ Комиссіонной библіотекѣ было усвоено каждымъ членовъ Комиссіи, но есть указанія, что члены внимательно слѣдили не только за текущей литературой, но и дѣлились впечатлѣніями отъ прочитанныхъ иностранныхъ книгъ. Самъ Ростовцевъ, несмотря на обширную и утомительную работу по руководству засѣданіями, по предварительному ознакомленію съ докладами Отдѣленій, все же находилъ время читать. Въ письмѣ къ Государю отъ 30 марта 1859 г. онъ писалъ: «Я въ особенности теперь занятъ чтеніемъ и разсмотрѣніемъ различныхъ частныхъ сочиненій, книгъ и брошюръ о крестьянскомъ вопросѣ, пріобрѣтаемыхъ въ огромномъ числѣ Редакціонными Комиссіями».

Солидный вкладъ въ труды Редакціонныхъ Комиссій внесли рукописные проекты частныхъ лицъ по крестьянскому вопросу, которыхъ

оказалось къ 6 апрѣля 1859 г. 331. Не все, конечно, изъ этого матеріала было приложимо къ дѣлу: многіе проекты были полезны развѣ тѣмъ, что вызывали веселое настроеніе въ членахъ Комиссій. Такъ, одинъ авторъ проекта предлагалъ «сдѣлать надбавку цѣны на карты, для образованія суммы, потребной на выкупъ крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ». Въ другой запискѣ предлагалась цѣлая «градація орденскихъ знаковъ за безвозмездную уступку крестьянамъ надѣловъ, сообразно съ количествомъ надѣленныхъ крестьянъ». Но рядомъ съ этими предложеніями были, напримѣръ, такія, какъ проектъ А. С. Хомякова, А. И. Кошелева и др.

Первый, напр., представилъ Ростовцеву анонимный проектъ освобожденія, въ сжатой и сильной формѣ, выражавшій богатую аргументацію въ пользу положенія, что «одновременный, однообразный и обязательный выкупъ земли является единственнымъ разумнымъ разрѣшеніемъ всей задачи». Въ томъ же проектѣ Хомяковъ въ наглядныхъ цифровыхъ выкладкахъ показалъ дѣятелямъ, которымъ выкупной капиталъ мерещился въ видѣ «милліардовъ въ туманѣ», что государство можетъ безъ потрясенія экономической жизни страны и состоянія государственныхъ финансовъ взять на себя участіе въ выкупной операціи путемъ зачисленія въ выкупную сумму дворянскаго долга, и изысканія внутри страны вполнѣ доступныхъ средствъ для уплаты остатковъ (Хомяковъ имѣлъ въ виду продажу и сдачу подъ эксплоатацію государственныхъ природныхъ богатствъ). Особенною обстоятельностью отличалась записка Кошелева, не только въ ея отрицательной части, которая прекрасно доказывала полную несостоятельность всѣхъ палліативныхъ проектовъ (освобожденіе безъ земли; съ усадьбой, но безъ полевой земли; съ землею въ недостаточномъ количествѣ и т. п.), но и въ положительной ея части, въ которой опытный и нежелающій дворянству убытковъ авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

«Крестьяне должны быть освобождаемы:

Во 1-хъ, съ землею и притомъ съ такимъ количествомъ оной, чтобы они могли существовать безнуждно.

Во 2-хъ, вполнѣ и безусловно.

Въ 3-хъ, прямо и окончательно, безъ переходовъ отъ меньшей къ большей свободѣ.

Въ 4-хъ, единовременно вездѣ.

Въ 5-хъ, мірскими обществами, а не лично и семейно.

Въ 6-хъ, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за земли, имѣющія поступить въ мірскую собственность, или за оброкъ, коего они лишатся и, наконецъ,—въ 7-хъ, путемъ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами, при побужденіи со стороны правительства, подъ его надзоромъ и подъ угрозою произвести освобожденіе правительственнымъ порядкомъ».

Пукиревъ. За недоимку.

Этотъ проектъ былъ представленъ прежде образованія Редакціонныхъ Комиссій и произвелъ сильное впечатлѣніе на членовъ Главнаго Комитета. Проекты Хомякова и Кошелева производили тѣмъ большее впечатлѣніе, что они принадлежали перу крупныхъ помѣщиковъ, далеко не идеалистовъ во взглядахъ на оцѣнку потерь помѣщика и извѣстныхъ въ литературѣ работниковъ по крестьянскому вопросу. Останавливаться на разборѣ другихъ выдающихся записокъ намъ не позволяетъ мѣсто, да и, кромѣ того, ихъ самыя передовыя мысли были въ отдѣльныхъ частяхъ усвоены проектами губернскихъ комитетовъ и вошли въ Положеніе 19 февраля. Нѣтъ нужды намъ останавливаться и на проектахъ губернскихъ комитетовъ, съ основными теченіями которыхъ мы познакомились въ предшествующей главѣ.

Наряду съ другими матеріалами, въ рукахъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій были данныя, представленныя Земскимъ отдѣломъ Центральнаго Статистическаго Комитета, какъ, напр., свѣдѣнія о продажныхъ цѣнахъ на земли, заселенныя и незаселенныя, по купчимъ крѣпостямъ, предъявленнымъ ко вводу во владѣніе въ уѣздные суды съ 1854 по 1859 г.г. и т. п.

Располагая такимъ матеріаломъ, Редакціонныя Комиссіи приступили къ разработкѣ Положенія о крестьянахъ, при менѣе стѣснительныхъ принципіальныхъ рамкахъ, чѣмъ тѣ, въ какія была заключена дѣятельность губернскихъ комитетовъ. Уже въ директивахъ Ростовцева, одобренныхъ государемъ и прочитанныхъ какъ бы въ видѣ необязательнаго наказа, крестьянскій вопросъ оставилъ далеко позади многія стороны рескрипта, министерскихъ разъясненій и комитетской программы, ставши на радикальную почву завоеваній передовой общественной мысли и дѣятельности въ періодъ комитетскихъ работъ. Тѣмъ важнѣе познакомиться съ директивами Ростовцева, какъ съ отправнымъ пунктомъ дѣятельности Редакціонныхъ Комиссій, чтобъ видѣть, что онѣ завоевали въ этой области и что имъ не удалось. По словамъ Н. П. Семенова, Ростовцевъ понималъ программу предстоящаго разрѣшенія великаго вопроса въ такой формѣ:

1) Освободить крестьянъ съ землею.

2) Конечною развязкой освобожденія считать выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ.

3) Оказать содѣйствіе дѣлу выкупа посредничествомъ, кредитомъ, гарантіями или финансовыми операціями правительства.

4) Избѣгнуть по возможности регламентаціи срочно-обязаннаго періода или сократить переходное состояніе.

5) Барщину уничтожить законодательнымъ порядкомъ черезъ три года переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ.

6) Дать самоуправленіе освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту.

Редакціонныя Комиссіи, проработавъ надъ развитіемъ этихъ положеній годъ и 7 мѣсяцевъ съ необычайной интенсивностью, вынуждены были въ концѣ своей работы завершать ее, вслѣдствіе смерти Я. И. Ростовцева, при менѣе благопріятныхъ для дѣла условіяхъ, при недоброжелательствѣ новаго предсѣдателя гр. В. Н. Панина и начавшемся реакціонномъ настроеніи высшей власти. 10 окт. 1860 г. Редакціонныя Комиссіи были закрыты съ замѣтною поспѣшностью, при чемъ высочайшимъ повелѣніемъ предписывалось: «передать всѣ неоконченныя работы въ вѣдѣніе и распоряженіе государственнаго секретаря». Впрочемъ, неоконченными были мелочи технической работы (нѣкоторыя бумаги не были подшиты, нѣкоторые печатные экземпляры матеріаловъ не разосланы по назначенію и т. п.); весь же трудъ, легшій въ основу Положенія 19 февраля 1861 г., всецѣло принадлежалъ Редакціоннымъ Комиссіямъ. Трудъ этотъ поступилъ на разсмотрѣніе въ Главный Комитетъ и Государственный Совѣтъ, гдѣ и былъ принятъ съ измѣненіемъ цифръ платежей и надѣловъ въ пользу помѣщиковъ. Въ Главномъ же Комитетѣ было прибавлено къ «Положеніямъ» Комиссій право, предоставленное помѣщикамъ, слагать съ себя всѣ обязательства относительно временно обязанныхъ крестьянъ уступкою имъ «въ даръ» одной четверти установленнаго для данной мѣстности надѣла. «Этого постановленія въ проектѣ Редакціонныхъ Комиссій не было: такой надѣлъ получилъ впослѣдствіи названіе сиротскаго или нищенскаго» (Н. П. Семеновъ). Съ этими оговорками можно разсматривать труды Редакціонныхъ Комиссій заодно съ содержаніемъ «Положенія 19 февраля», какъ законодательнаго акта, устраивавшаго судьбу 23 милліоновъ помѣщичьихъ крестьянъ.

VI.

Положеніе 19 февраля 1861 года.

Актомъ 19 февраля объявлялась свобода крѣпостнымъ людямъ: личность и трудъ, какъ объектъ собственности, вычеркивалось изъ законодательства, и крѣпостники теряли право владѣть человѣкомъ безъ вознагражденія (какъ увидимъ номинально).

Крестьяне освобождались съ землею, за которую помѣщикамъ слѣдовало вознагражденіе. Слѣдовательно, съ этого момента между помѣщикомъ и крестьяниномъ устанавливаются отношенія главнымъ образомъ поземельныя. Помѣщики лишились права владѣнія, пользованія и распоряженія почти половиною ихъ земли, которая была отдана въ безсрочное пользованіе крестьянъ. И хотя титулъ собственности на эту землю (въ угоду рескрипту) былъ сохраненъ за

помѣщиками, но все содержаніе этого права было сведено единственно лишь къ праву получать извѣстную, опредѣленную правительствомъ, ренту. «Такимъ образомъ, явился видъ собственности на вещь безъ права владѣнія, пользованія и распоряженія ею» (И. Иванюковъ), по крайней мѣрѣ, въ теченіе переходнаго періода, который могъ быть безконеченъ.

Для исхода изъ этого безусловно неопредѣленнаго и новаго состоянія установлены права и обязанности для обѣихъ связанныхъ поземельными отношеніями группъ населенія. Суммируя эти права и обязанности, находимъ, что «помѣщикъ, по своему выбору, могъ: а) сохранить за собою опредѣленный доходъ (оброкъ) изъ крестьянскихъ надѣловъ; б) по соглашенію съ крестьянами продать имъ на началахъ выкупа часть или всю надѣльную землю; в) даже безъ такого согласія заставить ихъ выкупить всю надѣльную землю, наконецъ, г) по добровольному соглашенію съ крестьянами подарить имъ не менѣе $^1/_4$ высшаго или указнаго надѣла. Въ первомъ случаѣ крестьяне остаются во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщику; во всѣхъ остальныхъ крестьяне изъ временно-обязанныхъ переходятъ въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ.

Въ параллель праву, установленному «Положеніями» для помѣшика, крестьяне, съ своей стороны, должны были: а) принять на себя обязанность уплачивать опредѣленныя повинности въ пользу помѣщика за отведенные надѣлы; б) по требованію помѣщика выкупить свой надѣлъ; в) получили право выкупить усадебную осѣдлость, а при согласіи помѣщика могли выкупить съ содѣйствіемъ правительства также полевую землю и другія угодья; г) получили право въ первыя 9 лѣтъ отказаться, по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, отъ пользованія землею до $^1/_3$ высшаго или указнаго надѣла, а также, при полученіи въ даръ $^1/_4$ надѣла, могли отказаться отъ всей остальной части своего надѣла; д) по прошествіи 9 лѣтъ, при извѣстныхъ условіяхъ, крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, получали право навсегда отказаться отъ пользованія отведенною землею». (Л. В. Ходскій).

Такимъ образомъ, выкупъ по одностороннему требованію помѣщика или по добровольному соглашенію между помѣщикомъ и крестьянами былъ единственнымъ средствомъ распутать непривычныя отношенія между земледѣльцемъ и землевладѣльцемъ. Но это средство было отдано Положеніемъ всецѣло въ руки «собственника надѣла». Считалъ помѣщикъ для себя выгоднымъ разорвать временно-обязательныя отношенія,—онъ заставлялъ крестьянъ приступить къ выкупу ихъ надѣловъ; заявляли крестьяне желаніе пріобрѣсть надѣлы въ собственность,—они сейчасъ же встрѣчались съ доброю волею помѣщика, который, впрочемъ, въ своихъ условіяхъ былъ ограниченъ minimum'омъ

надѣла и maximum'омъ повинностей. Слѣдовательно, реализація выкупа всецѣло была въ рукахъ помѣщиковъ, и отъ помѣщиковъ зависѣло оставить выкупную операцію на бумагѣ или осуществить ее. Это была уступка рескрипту, обѣщавшему оставить за помѣщикомъ право собственности на всю землю; но, стоя на почвѣ законности, авторы «Положенія» вполнѣ учли, а отчасти и создали тѣ жизненныя побужденія, которыя могли бы заставить помѣщика требовать отъ крестьянъ выкупа.

Однимъ изъ такихъ побужденій былъ общераспространенный взглядъ на временно-обязанный періодъ, какъ на время «осаднаго положенія» деревни, когда объявленный свободнымъ крестьянинъ все же оставался «обязаннымъ» помѣщику оброкомъ, а въ первое время и барщиной,—взглядъ, имѣвшій свое оправданіе въ мѣстныхъ бунтахъ и недоразумѣніяхъ по объявленіи манифеста. Развязаться поскорѣе съ неминуемымъ дѣломъ и вмѣсто ежегоднаго выколачиванія оброковъ съ рискомъ недоимокъ прямо получить цѣнныя бумаги и деньги отъ казны для многихъ казалось наименьшимъ зломъ.

Кромѣ того, лишаясь дарового труда, помѣщики сразу же почувствовали нужду въ капиталѣ для найма рабочихъ, для заведенія болѣе интенсивныхъ хозяйственныхъ формъ обработки земли и т. д. Единственно подходящимъ способомъ добыть деньги въ это время было согласиться на выкупную операцію, потому что кредитныя учрежденія вслѣдствіе неудачныхъ финансовыхъ мѣръ правительства (усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ) сократили свои дѣла, и въ видѣ давленія на ускореніе выкупа одно время перестали давать ссуду подъ имѣнія, не подвергшіяся выкупу. Впрочемъ, послѣдняя мѣра имѣла обоюдуострыя послѣдствія, такъ какъ задерживала развитіе задолженности помѣщиковъ казнѣ, а между тѣмъ эта задолженность больше всего ускоряла выкупъ, предоставляя правительству возможность путемъ перевода дворянскаго долга на выкупаемыя имѣнія превращать эти долги въ выкупные платежи безъ выпуска особыхъ процентныхъ бумагъ, какими приходилось правительству расплачиваться съ помѣщиками, добровольно обращавшимися къ правительству за содѣйствіемъ къ выкупу своихъ крестьянъ. Насколько банковыя ссуды помѣщикамъ облегчали финансовую сторону выкупной операціи, видно изъ того, что «по балансу выкупной операціи по 1-ое января 1881 г. на 748.531.385 руб. выкупной ссуды приходилось 302.666.578 руб. долгу помѣщиковъ бывшимъ кредитнымъ учрежденіямъ» (Л. В. Ходскій).

Но особенно сильнымъ побужденіемъ для помѣщика понуждать крестьянъ къ выкупу былъ интересъ, который помѣщики могли извлечь изъ выгодныхъ для нихъ и часто разорительныхъ для крестьянъ условій выкупной операціи.

Характерное наблюденіе г. Ходскаго, что «всѣ промысловыя нечерноземныя губерніи, гдѣ земля цѣнилась очень дешево, вошли въ тѣ

группы губерній, гдѣ болѣе половины выкупныхъ сдѣлокъ совершено по требованію помѣщиковъ».

Нѣтъ худа безъ добра, и это экономическое побужденіе, заставившее помѣщиковъ ликвидировать временно-обязанныя отношенія такъ, что къ 1880 г. 85% крестьянъ превратилось въ крестьянъ-собственниковъ и только 15% оставалось временно обязанными, позволило правительству въ 1881 г. принять мѣры къ обязательному выкупу надѣловъ и этихъ 15% временно-обязанныхъ крестьянъ.

Въ этомъ фактѣ нѣкоторые готовы даже находить косвенное оправданіе тѣмъ несправедливымъ урѣзкамъ и переоцѣнкамъ въ интересахъ помѣщиковъ, какія были допущены, при опредѣленіи надѣловъ и платежей частью въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ, а главнымъ образомъ въ Главномъ Комитетѣ.

При установленіи нормы надѣла Редакціонныя Комиссіи признали за безобидную для крестьянъ норму существующій надѣлъ до 1859 г.

Но такъ какъ эти «существующіе надѣлы» могли быть или слишкомъ велики, или ничтожно малы, въ зависимости отъ того, занимался ли помѣщикъ запашкой барской земли, или жилъ оброками съ розданной крестьянамъ почти всей своей земли, то во избѣжаніе этой обоюдуострой несправедливости Редакціонныя Комиссіи установили высшую и низшую нормы существующаго надѣла. Высшая норма была для разныхъ мѣстностей даже одного и того же уѣзда неодинакова въ зависимости отъ числа крестьянъ и количества земли даннаго имѣнія. Гдѣ земли было много, а крестьянъ мало, тамъ, естественно, и высшій надѣлъ уменьшался сообразно съ большимъ числомъ крестьянъ и меньшимъ количествомъ земли у даннаго помѣщика.

При опредѣленіи размѣра надѣловъ Редакціонныя Комиссіи раздѣлили Европейскую Россію на 4 полосы и опредѣлили для каждой изъ нихъ минимальную и максимальную цифру высшаго надѣла, а именно:

1 въ черноземной полосѣ высшій надѣлъ колебался съ промежуточными цифрами между $2^3/_4$—6 десятинами на ревизскую душу;

2) для нечерноземныхъ губерній къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ черноземной полосы высшій надѣлъ былъ больше сравнительной съ черноземными, а именно, отъ $3^1/_4$ до 8 десятинъ, благодаря отмѣченнымъ выше причинамъ, — большему количеству свободныхъ земель, меньшему числу населенія, а равно и меньшей плодородности земли;

3) въ степной полосѣ высшій надѣлъ колебался между $6^1/_2$—12 д. съ промежуточными цифрами;

4) что же касается до юго — и сѣверо-западной полосы Россіи, то minimum высшаго надѣла здѣсь былъ равенъ $2^3/_4$ (для губ. Екатеринославской, Херсонской), возвышаясь до $10^1/_2$ десятинъ (въ Волынской губ.)

Устанавливая эти цифры, Редакціонныя Комиссіи выразили «опасеніе, что принятыя ими нормы наибольшихъ надѣловъ малы и ни въ какомъ случаѣ дальнѣйшему пониженію подлежать не могутъ». Несмотря на это категорическое заявленіе, Комиссіи въ періодъ дѣятельности своей подъ предсѣдательствомъ гр. Панина, послѣ повѣрки предположенныхъ надѣловъ на мѣстахъ и подъ вліяніемъ оппозиціи призванныхъ изъ губерній депутатовъ дворянства, понизили высшія нормы надѣловъ въ 73 уѣздахъ разныхъ губерній въ размѣрѣ отъ 1/4 до 2 десятинъ. Но этимъ торжество крѣпостниковъ не ограничилось: Главный Комитетъ и Государственный Совѣтъ произвели новыя сокращенія въ высшихъ надѣлахъ отъ 1/4 до 3 1/2 десятинъ... И, наконецъ, въ послѣдней редакціи «Положенія» 19 февраля также были произведены измѣненія въ комиссіонныхъ нормахъ. Въ общемъ «пониженіе высшаго надѣла имѣло мѣсто въ 107 уѣздахъ или частяхъ ихъ, т. е. въ 46%» (Иванюковъ).

Мы все время говорили о высшемъ надѣлѣ, не касаясь низшаго, потому что послѣдній составлялъ 1/3 высшаго для каждой мѣстности, и такимъ образомъ стоялъ въ пропорціональной зависимости отъ высшаго и опредѣлялся имъ. Итакъ, въ одномъ и томъ же уѣздѣ крестьянскій надѣлъ могъ равняться 2 3/4 десятинъ въ одномъ имѣніи, а въ другомъ сосѣднемъ могъ составлять 1/3 этой цифры, т. е. = 11/12 десятины = 2200 саженямъ. Высшій и низшій надѣлы были только нормами, за которыя не должны переходить существующіе надѣлы ни вверхъ, ни внизъ. При реализаціи «Положенія» 19 февр. обыкновенно брали существующій надѣлъ крестьянина, данный ему помѣщикомъ еще въ крѣпостное время, и сравнивали его съ высшей и низшей нормой опредѣленнаго для данной мѣстности надѣла, и если существующій надѣлъ оказывался больше опредѣленнаго «Положеніемъ» высшаго, то излишекъ отрѣзали въ пользу помѣщика; когда же существующій надѣлъ былъ ниже 1/3 высшаго для данной мѣстности, то отъ помѣщичьихъ земель отрѣзали части для восполненія этой трети надѣла. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существующій надѣлъ стоялъ между низшей и высшей нормой для данной мѣстности, онъ оставался неизмѣннымъ, кромѣ того случая, когда крестьяне соглашались принять отъ помѣщика въ безвозмездный даръ 1/4 высшаго надѣла, иначе говоря, когда они отказывались въ пользу помѣщика отъ нормальнаго надѣла, довольствуясь ничтожною частью земли съ тѣмъ, чтобы недостающую уступленную помѣщику часть своего надѣла арендовать затѣмъ у него же по высокой цѣнѣ. Четвертной надѣлъ былъ ловушкой, разсчитанной на несообразительность крестьянъ, которымъ съ перваго раза могло показаться даже «милостью» со стороны помѣщика получить безъ всякаго вознагражденія кусочекъ земли и развязаться окончательно съ крѣпостникомъ. Для послѣдняго же, осо-

бенно въ черноземной плодородной полосѣ, было прямою выгодою удержать за собою наибольшее количество чернозема, который можно было отдавать въ аренду тѣмъ болѣе выгодно, чѣмъ больше будутъ нуждаться въ немъ обездоленные нищенскимъ надѣломъ крестьяне, получавшіе въ черноземной полосѣ иногда по $^3/_4$ десятины на душу, при высшемъ нормальномъ надѣлѣ въ 3 десятины.

Но помимо этой, въ «Положеніи» была продѣлана еще одна отдушина для дворянскихъ интересовъ въ ущербъ обдѣляемыхъ крестьянъ.

Редакціонныя Комиссіи, «уступая одному лишь согласному требованію всѣхъ почти губернскихъ комитетовъ, въ соединеніи съ желаніемъ устранить, по возможности разрывъ непосредственной связи помѣщика съ принадлежащею ему землею», признали за помѣщиками право во всякомъ случаѣ сохранить за собою $^1/_3$ своей земли, хотя бы для этого пришлось урѣзать крестьянскіе надѣлы.

«Вначалѣ предполагалось при разсчетѣ доли, подлежащей сохраненію за помѣщикомъ, принимать въ разсчетъ всѣ его владѣнія какъ въ данномъ уѣздѣ, такъ и въ другихъ смежныхъ. Во второмъ періодѣ стали принимать въ соображеніе одну лишь удобную площадь и притомъ лишь тѣхъ земель, которыя лежатъ въ разстояніи не далѣе 25 (а по окончательному «Положенію» даже 12) верстъ отъ даннаго селенія. Такимъ образомъ у помѣщика въ губерніи, даже уѣздѣ могли быть огромныя пространства земли, и, тѣмъ не менѣе, онъ имѣлъ право требовать отрѣзки отъ крестьянскаго надѣла, если въ непосредственной близости отъ селенія, за надѣленіемъ крестьянъ въ полномъ размѣрѣ, у него, помѣщика, осталось бы менѣе трети всей земли» (А. А. Кауфманъ).

Изъ существуюшаго факта поземельныхъ отношеній исходили Редакціонныя Комиссіи и тогда, когда опредѣляли размѣры повинностей крестьянъ помѣщику за отводимые имъ въ пользованіе или на выкупъ надѣлы. «Въ настоящее время,—говорили въ Комиссіяхъ—надѣлъ крестьянъ землею или, вѣрнѣе, вся совокупность выгодъ, которыми они пользуются отъ помѣщика, соразмѣряется съ ихъ потребностями, повинности же, которыми они обложены, съ ихъ средствами, и практика, сложившаяся у насъ подъ вліяніемъ закона и обычая, представляетъ какъ бы попытку, конечно, далеко неудовлетворительную, разрѣшить слѣдующую задачу: опредѣлить мѣру того безобиднаго для крестьянина вознагражденія, котораго можетъ требовать помѣщикъ, на свой счетъ обезпечивающій хозяйственный бытъ крестьянина».

Если существующій фактъ земельныхъ надѣлѣловъ не могъ служить безобидной нормой, то тѣмъ болѣе наивно было считать оброки и барщины крѣпостныхъ за безобидное для крестьянина вознагражденіе помѣщику, который, въ заурядныхъ случаяхъ, конечно,

бралъ съ крѣпостныхъ все, что было у нихъ сверхъ «хлѣба насущнаго». Либеральные члены Комиссій сознавали это, но вынуждены были остановиться на принципѣ существующихъ повинностей, какъ наименьшемъ злѣ, которое въ концѣ концовъ было превращено въ наибольшее, благодаря отступленіямъ и уступкамъ, сдѣланнымъ въ пользу крѣпостниковъ и въ этой части «Положенія».

Исходя изъ существующихъ повинностей, какъ приближенной нормы вознагражденія крестьянами помѣщика за отводимый имъ надѣлъ, Комиссіи на основаніи собранныхъ свѣдѣній о повинностяхъ по всѣмъ губерніямъ, открывъ несообразности, установили для высшаго надѣла каждой изъ 4-хъ полосъ высшую норму оброка, который понижался при уменьшеніи числа десятинъ надѣла, но, какъ увидимъ, не пропорціонально уменьшенію надѣла. «Положеніемъ» были установлены четыре высшихъ нормы оброка съ высшаго душевого надѣла: 12, 10, 9 и 8 рублей; при чемъ, при оцѣнкѣ надѣла принимались во вниманіе не только количество и качество земли, но и промысловыя выгоды мѣстности: этимъ только объясняется тотъ странный фактъ, что оброчные и выкупные платежи въ нечерноземныхъ и неплодородныхъ губерніяхъ были оцѣнены не ниже черноземныхъ надѣловъ. Но любопытнѣе всего было распредѣленіе этого высшаго платежа на отдѣльныя десятины надѣла въ томъ случаѣ, когда надѣлы крестьянъ не достигали высшей нормы. Повидимому, самое безхитростное распредѣленіе состояло въ дѣленіи цифры выкупного платежа на цифру десятинъ надѣла. Такъ, если полный надѣлъ въ данной мѣстности нечерноземной полосы равнялся 4 десятинамъ, а высшая плата за этотъ надѣлъ была установлена въ 12 рублей, то, естественно, что получившій, вмѣсто четырехъ, три десятины долженъ былъ бы платить за нихъ 9 руб., за 2 дес. — 6 руб., за $1^1/_3$ (minimum) $^{12}/_3$ рубля и т. п.; но «Положеніе» не остановилось на этой естественной системѣ соотношенія платежей и надѣловъ, а создало своеобразную градацію, благодаря которой наибольшая часть платежа падала въ нечерноземной полосѣ на первыя двѣ, а въ черноземной — на первую десятину надѣла; а именно, въ нечерноземной полосѣ на первую десятину надѣла падала половина полнаго выкупного платежа; на вторую — $^1/_4$; наконецъ, на всѣ послѣдующія—остальная четверть. Это значитъ, что при высшемъ четырехдесятинномъ надѣлѣ и при двѣнадцатирублевомъ платежѣ за него крестьянамъ приходилось платить:

за первую десятину	6	руб.
за вторую »	3	„
за третью »	$1^1/_2$	„
за четвертую »	$1^1/_2$	„

Въ черноземныхъ губерніяхъ платежъ распредѣлялся нѣсколько проще: за 1-ю десятину платили 4 рубля, а остающуюся сумму пла-

тежа разлагали поровну на остальныя десятины. Напр., при четырехдесятинномъ высшемъ надѣлѣ и десятирублевой платѣ, за первую десятину—4 руб.; за каждую изъ трехъ слѣдующихъ по 2 рубля.

Конечно, для того, кто получалъ полный надѣлъ, такое распредѣленіе ничего не значило; но иное дѣло было для получившихъ неполные надѣлы. Такъ, въ нечерноземной мѣстности, гдѣ при 12 рубляхъ съ полнаго надѣла въ 5 десятинъ получившій высшій надѣлъ платитъ среднимъ числомъ съ десятины 2 руб. 50 коп., получившій ниже 5 десятинъ будетъ за каждую десятину платить тѣмъ больше, чѣмъ меньше десятинъ войдетъ въ его надѣлъ. Такъ, получившій 4 десятины будетъ платить:

за первую десятину	. . . .	6 руб.
за вторую »	. . . .	3 „
за третью »	. . . .	1 „
за четвертую »	. . . .	1 „
За всѣ четыре дес.	. . . .	11 руб.

За каждую въ среднемъ 2 р. 75 коп. (вмѣсто 2 р. 50 к.). Получившій въ той же мѣстности надѣлъ въ три десятины платитъ:

за первую десятину	. . . .	6 руб.
за вторую »	. . . .	3 „
за третью »	. . . .	1 „
за три десятины	. . . .	10 руб.

Въ среднемъ съ каждой десятины 3 руб. 33$^{1}/_{3}$ коп. (вмѣсто 2 р. 50 к.) и т. д. Отсюда вытекало слѣдующее противоестественное основаніе: **чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ тяжелѣе обложена каждая десятина**. Эта экономическая несообразность имѣла свою сложную исторію. Она вытекала изъ желанія, при выкупѣ земли, скрыто оплатить помѣщику потерю крѣпостного труда, а потому, въ плату за первую или за первыя двѣ десятины надѣла была вложена оцѣнка земли и крѣпостного труда крестьянина.

Первымъ, какъ мы знаемъ, подалъ эту злосчастную мысль Левшинъ, хотѣвшій въ оцѣнку усадьбы вложить и стоимость личности крѣпостного: эта мысль прошла чрезъ всѣ почти проекты губернскихъ комитетовъ въ болѣе или менѣе грубыхъ формахъ; она была воспринята и Редакціонными Комиссіями, вынужденными руководствоваться правилами «улучшить бытъ крестьянъ съ наименьшими, по возможности, потерями для помѣщиковъ». Но Левшинъ былъ откровеннѣе своихъ послѣдователей, принужденныхъ въ виду опредѣленной воли государя, что «личность крестьянъ выкупу не подлежитъ», подыскивать ширмы и благородные мотивы для оправданія замысловатой системы градацій. Сторонники этой системы въ ней находили не только источники «справедливаго» вознагражденія помѣщиковъ, но и нескончаемыя выгоды для крестьянъ.

Прежде чѣмъ приступить къ выясненію практическихъ результатовъ изложенной реформы, скажемъ нѣсколько словъ объ административномъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ по «Положенію» 19 февр.

Въ этой части своей работы Редакціонныя Комиссіи дальше всего вышли изъ рамокъ рескриптовъ, устанавливавшихъ, что «крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція». Даже въ разгарѣ дѣятельности губернскихъ комитетовъ правительство думало о созданіи въ лицѣ помѣщика «начальника общества» и въ данной комитетомъ «программѣ» установила широкія рамки его компетенціи надъ сельскимъ обществомъ. Но агитація литературы и доводы многихъ проектовъ склонили правительство въ пользу уничтоженія вотчинной власти помѣщика, за которымъ «Редакціонныя Коммиссіи» сохранили почетное право: «предоставить крестьянамъ возможность находить въ помѣщикѣ, когда этотъ послѣдній изъявитъ на то свое согласіе, защиту отъ возможныхъ притѣсненій». Вмѣстѣ съ тѣмъ Комиссіи признали, что «замѣна прежней полицейской безотчетной власти и безотчетнаго суда помѣщика правильнымъ полицейскимъ и судебно-полицескимъ устройствомъ крестьянъ представляется однимъ изъ важнѣйшихъ условій улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и самого выхода ихъ изъ крѣпостной зависимости». Для реализаціи этой задачи Редакціонныя Комиссіи первоначально предполагали создать два крестьянскихъ учрежденія, совершенно независимыя одно отъ другого: 1) сельскія общества съ полицейско-административными функціями и 2) поземельныя общины для удовлетворенія хозяйственныхъ и бытовыхъ нуждъ сельскаго міра, съ возложеніемъ на нихъ круговой поруки въ отбываніи повинностей за мірскую землю. Но въ окончательной стадіи обсужденія внутренняго устройства крестьянскаго міра Редакціонныя Комиссіи превратили эти два органа крестьянскаго самоуправленія въ подчиненныя одно другому учрежденія въ административно-полицейскомъ смыслѣ, переименовавъ сельское общество въ волость, а общину въ сельское общество. Органомъ волостного управленія является волостной сходъ и выборный послѣднимъ волостной старшина; органомъ сельскаго самоуправленія были опредѣлены сельскій сходъ и выбираемый имъ староста, сотскіе, десятскіе, сборщики податей и др. Сельское общество въ лицѣ своего старосты, сотскихъ и другихъ выборныхъ лицъ подчинялось въ административномъ отношеніи волостному старшинѣ, который въ свою очередь вмѣстѣ съ сельскими выборными долженъ былъ «исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя, земской полиціи и всѣхъ установленныхъ властей, по предметамъ ихъ вѣдомства». «Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію А. А. Корнилова, Редакціонныя Комиссіи, вы-

сказавъ первоначально мысль о необходимости учрежденія двухъ параллельныхъ, другъ отъ друга независимыхъ, организацій,—одной для завѣдыванія поземельными общинными распорядками и другой —для правительственныхъ административныхъ цѣлей, въ концѣ концовъ незамѣтно пришли къ тому, чего сами опасались вначалѣ,—къ учрежденію двухъ инстанцій крестьяскихъ учрежденій, изъ которыхъ обѣ оказались учрежденіями административными, при чемъ въ обѣихъ принципъ **самоуправленія парализовался подчиненностью ихъ общимъ бюрократическимъ полицейскимъ и административнымъ властямъ.** Нѣкоторая самостоятельность предоставлена была сельскимъ сходамъ лишь по хозяйственнымъ дѣламъ; по дѣламъ же административнымъ подъ видомъ самоуправленія выработана была, въ сущности, система выборныхъ полицейскихъ должностныхъ лицъ, вполнѣ подчиненныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ общей полиціи и администраціи». Впослѣдствіи надъ этой административной и полицейской опекой крестьянскаго міра была сооружена реставрированная изъ обломкомъ комитетскихъ работъ въ духѣ позеновской программы благожелательная и всеобъемлющая власть земскихъ начальниковъ (12 іюня 1889 г.), въ лицѣ которыхъ были слиты административная «полнота власти» съ всеобъемлющею «благожелательностью» вотчинника.

V.

Оцѣнка реформы 19 февр. 1861 г. и ликвидація ея послѣдствій.

При взглядѣ на реформу 19 февраля 1861 г. выносятся отъ нея неодинаковыя впечатлѣнія въ зависимости отъ того, разсматривать ли эту реформу съ точки зрѣнія послѣдствій ея для крестьянства, или въ связи съ тѣми правительственными началами, съ заявленными интересами и требованіями дворянства, какіе предшествовали, сопровождали и неотразимо вліяли на созданіе «Положенія» 19 февраля. Настоящее значеніе этой реформы, заслуги и грѣхи ея дѣятелей, а также направленіе равнодѣйствующей боровшихся силъ опредѣленно выясняются именно при взглядѣ на эту реформу одновременно съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія—съ точки зрѣнія 1) современныхъ ей **господствующихъ** лозунговъ и 2) обнаружившихся за полувѣковой періодъ послѣдствій этой реформы, которыя въ своихъ положительныхъ и отрицательныхъ проявленіяхъ служатъ нелицепріятной и неумолимымой оцѣнкой изложеннаго выше историческаго переворота.

Проектъ «Положенія», какимъ онъ вышелъ изъ Редакціонныхъ Комиссій, не совпадалъ въ значительной части своего объема съ интересами дворянства, или, лучше сказать, съ тѣми запросами большинства дворянъ, которые были высказаны ими въ проектахъ губернскихъ

комитетовъ и въ отзывахъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, которые были вызваны въ Петербургъ въ два пріема во время работъ Редакціонныхъ Комиссій для разсмотрѣнія этихъ работъ съ точки зрѣнія примѣнимости ихъ на мѣстахъ.

Насколько «Положеніе» 19 февраля даже въ его урѣзанномъ видѣ ушло далеко отъ проектовъ большинства комитетовъ, видно изъ краткаго сравненія цифръ и общихъ началъ реформы въ проектахъ Комиссій и Комитетовъ. Сравнивая нормы надѣловъ, какъ онѣ даны въ проектѣ Редакціонныхъ Комиссій даже послѣ урѣзокъ ихъ, съ размѣрами надѣловъ по проектамъ губернскихъ комитетовъ, г. Корниловъ находитъ, что эти послѣдніе въ большинствѣ комитетовъ ниже нормъ Редакціонныхъ Комиссій болѣе, чѣмъ на 100%; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на 175, на 200 и даже на 300%.

То же наблюдается и въ отношеніи платежей: въ большей части губернскихъ комитетовъ позинности крестьянъ были опредѣлены на 100 и болѣе процентовъ выше, чѣмъ нормы Редакціонныхъ Комиссій,—и въ этомъ нельзя не видѣть значительныхъ заслугъ дѣятелей Редакціонныхъ Комиссій: будучи помѣщиками, они не прониклись исключительно крѣпостнической точкой зрѣнія, и не забыли интересовъ другой стороны.

Немудрено, поэтому, что призванные въ Петербургъ депутаты отъ большинства и меньшинства губернскихъ комитетовъ — особенно депутаты 2-го призыва — съ яростью обрушились и на проекты и на дѣятелей Редакціонныхъ Комиссій, обвиняя ихъ въ нарушеніи воли Государя, священныхъ правъ собственности помѣщиковъ, по вопросамъ о выкупѣ надѣловъ, о размѣрахъ послѣднихъ и платежей, критикуя въ то же время съ полною основательностью полицейско-административное устройство сельскихъ обществъ. Непосредственнѣе всего вылились чувства депутатовъ, вызванныя ходомъ и результатами работъ Редакціонныхъ Комиссій, въ адресѣ,—который хотя и былъ доведенъ до свѣдѣнія Государя, но не былъ имъ офиціально принятъ въ виду непривычной для Петербурга рѣзкости тона и искренности проникавшаго его настроенія. Привести этотъ неофиціальный адресъ здѣсь цѣликомъ мы осмѣливаемся тѣмъ болѣе, что въ общихъ сочиненіяхъ онъ, кажется, нигдѣ не приводится (кромѣ капитальной работы Н. П. Семенова).

«По всему пространству неизмѣримой Россіи разнесся гласъ Твой, Государь, призвавшій дворянство на великій трудъ преобразованія, коимъ должно ознаменоваться Твое царствованіе.

«Первенцы земли русской отозвались съ усердіемъ на Твое призваніе, и дворянство ввѣрило губернскимъ комитетамъ исполненіе обязанности составить проекты Положеній, коими бы осуществились начала, выраженныя, Государь, въ Твоихъ рескриптахъ.

«Проекты Губернскихъ Комитетовъ могли однако представлять только мѣстныя потребности, и Ты, Государь, въ высокой мысли постигая недостатки такого разрозненнаго труда, далъ возможность сдѣлать его стройнымъ и славнымъ, приказавъ, чтобы Комитеты, по усмотрѣнію своему, выбрали по два депутата для засѣданія въ Главномъ Комитетѣ и общаго разсмотрѣнія проектовъ положеній по вопросу объ устройствѣ быта крестьянъ.

«Потребность, правильность, логичность этой мѣры, предписанной свѣтлою, царственною мыслію, возбудила всеобщую радость: но въ то время, какъ сердце Царя и сердца народа сливались ко благу отечеству въ одно общее чувство, бюрократія сѣяла плевелы.

«Искажавшая въ Губернскихъ Комитетахъ дѣянія Царя и народа, искажавшая въ продолженіе столькихъ лѣтъ всѣ лучшія царскія мысли и растравлявшая самыя благородныя чувства, бюрократія могла ли рѣшиться допустить, чтобы послѣдовало такое сближеніе, при которомъ Царь услышитъ голосъ своего народа иначе, какъ черезъ ея лживыя уста?!.

«Государь! воззри, что сдѣлали съ приказаніемъ, о коемъ торжественно соизволилъ Ты объявить дворянству и которое объявлено во всенародное свѣдѣніе? Бюрократія, чтобы ясно выразить, сколь мало Комитеты имѣютъ значенія въ ея глазахъ, откинула по одному изъ депутатовъ, избранныхъ всѣмъ составомъ Комитетовъ и предоставила, въ противность самыхъ простыхъ понятій объ устройствѣ совѣщательныхъ собраній, членамъ отъ меньшинства, дробившагося иногда на два и на три мнѣнія, назначить своихъ депутатовъ. Вызвали депутатовъ изъ нѣсколькихъ губерній такъ, чтобы невозможно было составлять собранія и совокупное имѣть сужденіе, при чемъ не руководствовались указаніемъ общихъ интересовъ губерній, раздѣленіемъ по однороднымъ полосамъ или какою-либо системою, а сдѣлали вызовъ наудачу.

«Депутаты, прибывшіе въ С.-Петербургъ, встрѣтили величайшее пренебреженіе: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ не озаботился представить ихъ Вашему Величеству и даже Главному Комитету; вдругъ же прислали не подписанное никѣмъ приглашеніе прибыть въ Редакціонную Комиссію, и тутъ Генералъ-Адъютантъ Ростовцевъ предъявилъ печатную, за подписомъ производителя дѣлъ Главнаго Комитета, Буткова, инструкцію, въ которой, безъ соблюденія какого-либо порядка, установленнаго для объявленія Высочайшихъ повелѣній, приказанія Вашего Величества отмѣнены, и депутаты обязаны отвѣчать на вопросы, какіе Редакціонная Комиссія признаетъ нужнымъ имъ дѣлать, при чемъ роздана тетрадь таковыхъ вопросовъ, для разрѣшенія коихъ не только не было бы надобности созывать депутатовъ, но

даже не стоило бы утруждать уѣздныхъ предводителей на мѣстахъ ихъ пребыванія.

«Прискорбіе наше, Государь, невыразимо!.. Мы видѣли неоднократно въ теченіе нынѣшняго дѣла, какъ Высочайшія повелѣнія противоставлялись бюрократіею одно другому или нарушались, но никогда смѣлость не доходила до такой степени, какъ она нынѣ представлена.

«Во всемъ ходѣ этого дѣла административная власть постоянно попирала законность и справедливость; но это совершалось въ губерніяхъ, въ темнотѣ канцелярскихъ переписокъ, тогда какъ нынѣ это творится предъ Государемъ и Россіею воочію для всѣхъ.

«Журналы Редакціонной Комиссіи и всѣ дѣйствія административныя наполнены вредными гибельными началами, мы ихъ видимъ и лишены возможности ихъ обличить.

«Стремясь отъ всей души исполнить волю Твою, Государь, и осуществить пламенное желаніе всего государства, дабы возстановлены были гражданскія права крестьянскаго сословія и упрочено было его благосостояніе, мы не только остановлены съ перваго шага, но поражены въ самомъ корнѣ своихъ надеждъ.

«Поставленные въ такое положеніе, мы не приходимъ, однако, въ уныніе: возлагаемъ упованіе свое на помощь Твою, Государь! Предавая виновниковъ въ нарушеніи Твоихъ повелѣній и посягательствѣ на Твое самодержавіе Твоему правосудію, всеподданѣйше просимъ повелѣть, чтобы приказаніе Твое, торжественно дворянству объявленное, было исполнено.

«Позволь, Великій Государь, собраться всѣмъ депутатамъ, Комитетами избраннымъ, не отстраняя назначенныхъ отъ меньшинства, въ собраніе Главнаго Комитета и тамъ приступить къ общему, вѣрному разсмотрѣнію, согласованію и исправленію положеній Губернскихъ Комитетовъ, подъ предсѣдательствомъ личнымъ Твоимъ, Государь, или одного изъ членовъ царской фамиліи; это оказывается необходимымъ, ибо беззаконныя и недобросовѣстныя дѣйствія отняли у насъ всякое довѣріе къ лицамъ, распоряжавшимся отъ имени правительства по обсуживаемому нынѣ дѣлу».

Въ этомъ адресѣ все характерно для «первенцевъ земли русской»: и возводимая въ государственное преступленіе обида на то, что ихъ встрѣтили не по формѣ, и запоздалыя жалобы на бюрократію, «искажавшую въ продолженіе столькихъ лѣтъ всѣ лучшія царскія мысли и растравлявшую самыя благородныя чувства», жалобы въ тотъ моментъ, когда эта бюрократія, можетъ быть, впервые была неповинна во взводимомъ на нее грѣхѣ; характерны также претензіи депутатовъ сдѣлать лучше Редакціонныхъ Комиссій то дѣло, въ которомъ «первенцы земли русской» обнаружили столь блистательно свою полную несостоятельность въ комитетскихъ работахъ; любопытно также укоризненное указаніе верховной власти на тѣ измѣненія и дополненія въ развитіи

руководящихъ началъ, которыя какъ разъ исходили отъ этой власти, хотя бы и направляемой благожелательной волей,—своеобразный урокъ твердости самодержавію изъ устъ ищущаго участія въ управленіи дворянства послѣ того, когда у него было отнято въ видѣ крѣпостного права вознагражденіе за обязанность благодушно не слышать «лживыхъ устъ бюрократіи», любезно не замѣчать ея «беззаконныхъ и недобросовѣстныхъ дѣйствій» и не нуждаться «въ такомъ сближеніи, при которомъ царь услышалъ бы голосъ своего народа» непосредственно. Всего этого не надо забывать, когда въ дворянскихъ адресахъ встрѣчаемъ требованіе дальнѣйшихъ реформъ въ видѣ самоуправленія, суда и т. п. Они исходили не только изъ логическаго хода реформъ, но и главнымъ образомъ изъ стремленія дворянства въ этихъ реформахъ во наградить себя за потерю власти надъ крѣпостными. Въ этомъ чувствовали источникъ своихъ выступленій самые безукоризненные либералы того времени. А. М. Унковскій писалъ Джаншіеву: «Не воображайте, что я мечталъ лишь объ устройствѣ однихъ крестьянъ на лучшихъ и наиболѣе выгодныхъ для нихъ условіяхъ, хотя бы при сохраненіи того же порядка (общаго управленія). Такимъ альтруистомъ я не былъ, да и другихъ такихъ не зналъ. Да и не могъ я быть имъ, будучи представителемъ дворянства. Какъ я, такъ и всѣ ближайшіе сотрудники мои, да, наконецъ, и вся примкнувшая къ намъ впослѣдствіи лучшая и наиболѣе разумная часть дворянства готова была на значительныя, не только личныя, но и сословныя пожертвованія, но не иначе, какъ при условіи уничтоженія крѣпостного права не для однихъ крестьянъ, но для всего народа». Въ этомъ требованіи дворянства «наградъ за подвигъ благородный» и нужно искать объясненія тому, что Редакціонныя Комиссіи отдали крестьянъ подъ опеку бюрократіи,—лишь бы изъять изъ сферы вліянія ищущихъ власти помѣщиковъ. Впрочемъ, разсчеты либераловъ изъ Редакціонныхъ Комиссій были несостоятельны: бюрократія на этотъ разъ не оказалась жадной и злопамятной, и въ Положеніяхъ 12 іюля 1889 г. о Земскихъ начальникахъ и 12 іюня 1890 г о Земскихъ учрежденіяхъ дворянство получило за счетъ крестьянъ достойную награду за утраченное плантаторство, а въ учрежденіи дворянскаго банка новые, хотя часто и предательскіе авансы для поддержанія хозяйствъ, какъ-то хирѣющихъ безъ крѣпостного труда. Все это, конечно, говоритъ за то, что составители «Положенія» 19 февр. поднялись высоко надъ претензіями своего сословія и окружающей ихъ среды настолько, что во многомъ занятыя ими позиціи приходится вновь завоевывать чрезъ 50 лѣтъ послѣ ихъ работъ, и съ этой точки зрѣнія 19 февраля представляется намъ великимъ историческимъ событіемъ, отъ котораго ведутъ начало лозунги и традиція, не потерявшіе своей жизненности и силы до нашего времени.

Но одно дѣло умѣрить чрезвычайные аппетиты «первенцевъ земли русской»,—другое дѣло удовлетворить насущныя нужды освобожденнаго крестьянства, а съ этой точки зрѣнія «великая реформа» оставила великія и тяжелыя задачи, которыя не разрѣшены еще и въ наше время.

Насколько экономическое состояніе крестьянъ, устроенныхъ согласно Положенію 19 февраля, не отвѣчало ихъ рабочимъ силамъ, реальнымъ нуждамъ и возложеннымъ на нихъ повинностямъ, мы увидимъ изъ данныхъ и соображеній, указывающихъ на это несоотвѣтствіе; послѣднее еще ярче выясняется при сравненіи земельно-платежныхъ отношеній помѣщичьихъ крестьянъ съ соотвѣтственными отношеніями удѣльныхъ и государственныхъ. Но это обстоятельство вводитъ насъ въ необходимость хотя бы кратко разсказать объ устройствѣ послѣднихъ двухъ категорій крестьянства, которыхъ было около 11 милліоновъ душъ передъ освобожденіемъ. Удѣльныхъ крестьянъ, принадлежавшихъ Императорской фамиліи, которая являлась въ отношеніи къ нимъ вотчинникомъ, получавшимъ съ нихъ оброки, насчитывалось передъ реформой круглымъ числомъ до 900 тыс. душъ. Свободное устройство свое эти крестьяне окончательно получили въ Положеніи 1863 г. для удѣльныхъ крестьянъ. Хотя это устройство основано на «Положеніи» 19 февр., но безъ тѣхъ урѣзокъ, переоцѣнокъ и компромиссовъ, которые были допущены въ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ; при этомъ находившіяся въ ихъ пользованіи земли и угодья были оставлены за ними не въ постоянное пользованіе, а въ собственность, которая становилась для сельскихъ обществъ безусловною черезъ 49 лѣтъ; при чемъ вносимые до 1863 года оброки были превращены безъ увеличенія въ выкупные платежи. Для упрощенія дѣла выкупъ удѣльныхъ земель былъ произведенъ при посредствѣ казны, которая выплачивала удѣлу полностью выкупную сумму изъ государственнаго казначейства, а сама получала съ крестьянъ выкупные платежи, избавивши такимъ образомъ удѣлъ отъ недоимокъ.

При опредѣленіи надѣловъ «Положеніе» 1863 г. было очищено отъ оговорокъ «Положенія» 19 февраля. Существующій надѣлъ былъ сохраненъ, съ пополненіемъ его изъ запасныхъ земель въ томъ случаѣ, когда количество тягловой земли на дѣлѣ не отвѣчало цифрѣ табели поземельнаго сбора, при чемъ въ составъ надѣла, выкупаемаго крестьянами, включались только удобныя земли; неудобныя въ разсчетъ выкупной суммы не принимались. Л. В. Ходскій, обстоятельнымъ трудомъ котораго мы здѣсь пользуемся, на основаніи статистическихъ данныхъ 18 губерній находитъ, что «удѣльные крестьяне не только не потеряли «запасныхъ» своихъ земель, но средній надѣлъ ихъ по всѣмъ губерніямъ увеличился (дойдя до 4,8 десятины вмѣсто 4,2 дес. дореформеннаго надѣла)».

Государственные крестьяне получили еще лучшее устройство. Это отчасти вызывалось историческимъ прошлымъ этой категоріи крестьянъ. Главную массу вошедшихъ въ нее крестьянъ, называемыхъ государственными, составляли на сѣверѣ—мелкіе землевладѣльцы (своеземцы, черносошные крестьяне), составлявшіе свободные общинные міры, а на югѣ-востокѣ—мелкіе служилые люди, получившіе въ московскій періодъ на степныхъ окраинахъ земли въ качествѣ жалованья за охрану русскихъ границъ отъ набѣговъ сосѣднихъ народовъ и народцевъ. Но уже съ эпохи Петра Великаго этихъ свободныхъ земледѣльцевъ-собственниковъ стали разсматривать, какъ земледѣльцевъ, живущихъ на государственныхъ земляхъ, а потому и обязанныхъ платить государству оброкъ, подобно тому, какъ это обязаны были дѣлать крѣпостные крестьяне по отношенію къ своимъ помѣщикамъ. Точка зрѣнія эта съ каждыми послѣдующими царствованіями все болѣе укрѣплялась, пока, наконецъ, въ царствованіе Екатерины II и Павла I не стали раздавать государственныхъ крестьянъ, какъ свою личную собственность, въ награду за подлинныя заслуги, а чаще—за личныя услуги, доводя эти раздачи до сотенъ тысячъ. Впрочемъ, практика эта со времени Александра I была прекращена, благодаря чему цифра государственныхъ крестьянъ ко времени освобожденія простиралась до 10 милліоновъ ревизскихъ душъ.

Послѣ ряда благожелательныхъ, но палліативныхъ экспериментовъ по улучшенію быта этихъ крестьянъ въ Николаевское время, подъ руководствомъ гр. Киселева, рѣшено было только въ новое царствованіе приступить къ устройству ихъ свободнаго быта, при чемъ министръ госуд. имуществъ гр. Муравьевъ, завѣдомый крѣпостникъ, въ своихъ проектахъ по вопросу о земельно-платежномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ не прочь былъ и на этихъ крестьянъ возложить «бремена неудобоносимыя». И если ему это не удалось, то немалая роль въ томъ принадлежала началамъ «Положенія» 19 фев., а также и прошлому государственныхъ крестьянъ, такъ какъ при уясненіи вопроса о характерѣ историческихъ правъ государственныхъ крестьянъ на надѣльныя земли въ Главномъ Комитетѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ выяснилось очень опредѣленное теченіе въ пользу того, что земли, не находящіяся въ дачахъ казенныхъ селеній, являются «имуществомъ и собственностью общественною, владѣніе коимъ принадлежитъ крестьянамъ безъ ограниченія времени и срока». И хотя въ концѣ-концовъ восторжествовало мнѣніе, признавшее надѣлы государственныхъ крестьянъ собственностью казны, а, слѣдовательно, на эту категорію крестьянъ можно было распространить начала освобожденія по «Положенію» 19 февраля съ правомъ безсрочнаго пользованія и выкупа на надѣльныя земли, все же при окончательномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ муравьевцы не осмѣ-

лились вложить въ земельно - платежныя отношенія этихъ крестьянъ тѣ изъяны, которые столь вредно отразились на устройствѣ быта крестьянъ помѣщичьихъ.

Въ обнародованномъ въ 1866 году «Положеніи о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ» за послѣдними сохранены всѣ земли и угодья, состоявшія до этого времени въ ихъ пользованіи; за эти земли крестьяне должны были вносить казнѣ опредѣленную закономъ на каждыя 20 лѣтъ плату, называемую «государственной оброчной податью». Отводимые государственнымъ крестьянамъ надѣлы и платежи укрѣплялись за ними въ пользованіе особыми «владѣльными записями», которыя, впрочемъ, не исключали возможности для общества выкупить свои надѣлы; но воспользовались этою возможностью не многіе государственные крестьяне, пока въ 1886 году выкупъ для нихъ не сталъ обязательнымъ, а «оброчная государственная подать» не была превращена для нихъ въ выкупные платежи, какъ увидимъ, въ фискальныхъ цѣляхъ. Взносъ этихъ платежей въ теченіе 44 лѣтъ и долженъ былъ образовать капиталъ, потребный для выкупа своихъ же земель, захватнымъ путемъ превращенныхъ въ собственность казны.

Экономическое устройство государственныхъ крестьянъ оказалось вдвое и втрое лучше помѣщичьихъ не только въ силу началъ «Положенія» 1866 г., но и вслѣдствіе лучшаго положенія государственныхъ крестьянъ до 1861 года. При устройствѣ быта этихъ крестьянъ въ Николаевское время имѣли въ виду раздѣленіе всѣхъ уѣздовъ: 1) на многоземельные, по преимуществу незаселенные, гдѣ отводилось на душу 15 десятинъ высшаго надѣла и 2) малоземельные, гдѣ высшій надѣлъ равнялся 8 дес. Всѣ излишнія сверхъ этихъ надѣловъ земли обращались въ оброчныя статьи или раздавались крестьянамъ за особую сверхъ оброка плату. При 5-ти десятинномъ надѣлѣ государственнымъ крестьянамъ предоставлялось право переселяться въ многоземельные уѣзды. Такимъ образомъ въ 50-хъ годахъ XIX в. государственные крестьяне разселялись сообразно съ ихъ потребностями въ землѣ или другими выгодными для нихъ условіями. При выдачѣ «владѣльныхъ записей» 1866 г. государственнымъ крестьянамъ предоставлялось заявлять о своемъ малоземельѣ, если гдѣ таковое обнаруживалось вслѣдствіе прироста населенія или другихъ причинъ, при чемъ переселенцы избавлялись на 3 года отъ платежа подушной и оброчной подати, а равно и отъ земскаго сбора, а въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ 3-хъ лѣтъ платили ихъ въ половинномъ размѣрѣ.

Что касается «государственной оброчной подати» и выкупныхъ платежей, то хотя она и была въ общей сложности повышена на 2.006.145 руб., противъ существующихъ оброковъ, но въ распредѣленіи ея сообразовались съ дѣйствительными средствами плательщиковъ.

Основаніемъ для опредѣленія этихъ средствъ для каждаго общества было: 1) количество земли на душу (чѣмъ больше земли, тѣмъ больше и платежи): 2) ея качество и 3) доходность.

Если оброчная подать и падала иногда на промыслы, а не на одинъ только доходъ съ земли, гдѣ она мало приносила пользы, то во всякомъ случаѣ плата соразмѣрялась съ самою доходностью промысловъ.

Уже изъ этихъ общихъ основаній земельно-платежныхъ отношеній удѣльнаго и государственнаго крестьянства можно a priori заключить о превосходствѣ его экономическаго положенія сравнительно съ помѣщичьими.

Такъ обездолено было въ отношеніи надѣловъ болѣе 42% помѣщичьихъ крестьянъ «Положеніемъ» 19 февр. сравнительно съ ихъ сосѣдями, имѣвшими счастье не быть подаренными помѣщику.

При выясненіи недоданныхъ помѣщичьимъ крестьянамъ земель нельзя упускать изъ виду и того, что надѣлы въ каждомъ обществѣ давались только такъ называемымъ «ревизскимъ душамъ», т. е. крестьянамъ мужского пола, записаннымъ въ предпослѣднюю 10-ю ревизію, которая была за нѣсколько лѣтъ до 1861 г. Всѣмъ должно быть извѣстно, что такое была ревизія того времени по степени ея точности: великая эпопея «Мертвыя души» является лучшимъ отразителемъ явленій, возможныхъ при этихъ ревизіяхъ. Въ интересахъ помѣщика было не показывать всего числа принадлежавшихъ ему душъ для уплаты за нихъ меньшихъ повинностей, такъ что можно навѣрняка сказать, что въ послѣднюю предъ реформой ревизію многія души не попали въ ревизскія, слѣдовательно, не получили и надѣловъ; если къ нимъ присоединить еще народившіяся послѣ ревизіи души, тогда образуется изрядное количество обездоленныхъ душъ, рты которыхъ должны были получать пищу съ надѣловъ своихъ родичей и односельчанъ. Правда, эта несправедливость къ нѣкоторымъ душамъ была послѣ исправлена уже самою крестьянскою общиной путемъ передѣловъ, но зато сама община въ лицѣ этихъ душъ не дополучила многихъ душевыхъ надѣловъ. Если ко всему этому присоединить около полумилліона крестьянъ, получившихъ «нищенскіе» надѣлы и болѣе 720 тыс. душъ «дворовыхъ», которые совсѣмъ никакихъ надѣловъ не получили, то намъ станетъ понятнымъ, почему уже въ 70-хъ годахъ обнаружились грозные симптомы малоземелья и безземелья, (какъ, напр., уменьшеніе крестьянскаго скота, ухудшеніе пищи народа), а профессоръ Янсонъ съ цифрами въ рукахъ, хотя и сгущая краски, доказывалъ, что существующихъ крестьянскихъ надѣловъ недостаточно даже для прокормленія крестьянской семьи и живого инвентаря, не говоря уже о всякаго рода платежахъ и повинностяхъ [1]).

[1]) Конецъ этой статьи, краткій обзоръ крестьянскаго вопроса за послѣднія 50 лѣтъ (съ 1861 г.), не могъ быть напечатанъ вслѣдствіе недостатка мѣста. *Ред.*

Отраженія крѣпостного права въ общественной мысли и литературѣ.

Ст. *Чешихина-Вѣтринскаго.*

I.

Во времена Екатерины II крѣпостное право достигло полнаго развитія и фактически многими чертами превратилось въ настоящее рабовладѣніе. Важнѣйшимъ признакомъ въ этомъ отношеніи было право помѣщика на куплю и продажу крестьянъ. Дворяне откровенно торговали своими крѣпостными, продавали ихъ съ землею и безъ земли, цѣлыми имѣніями и въ розницу, раздѣляя семьи, отрывая дѣтей отъ родителей и т. д. Крестьянъ вывозили на ярмарки, продавали съ молотка за частные долги. Въ газетахъ находимъ множество такихъ объявленій:

Продаются англійская лошадь и двѣ дѣвки, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, у госпожи Нарышкиной. Тутъ же продается и англійская корова.

За Петровскими воротами, въ 9 части, 2 квартала подъ № 167 въ домѣ генерала Ржевскаго продается попугай сѣрой, которой говоритъ по-французски и по-русски, насвистываетъ минуэты и подъ пѣсни въ кадансъ пляшетъ. Тутъ же продается россійской воронъ, говоритъ по-русски такъ чисто, что съ человѣческимъ голосомъ узнать нельзя. Тутъ же продается малой поваренокъ. О цѣнѣ спросить у служителя Козьмы Черкасова.

У Госпожи продаются: собачка подъ кличкой Арапка и двѣ дѣвки, годныя для всякой работы, и т. д.

Эти объявленія, въ которыхъ люди предлагаются покупателямъ наравнѣ съ животными, сразу вводятъ насъ въ уровень нравовъ тогдашняго средняго общества. Неудивительны рѣзкія характеристики, которыя даютъ этому обществу современники, ставшіе выше этихъ понятій. «Дворянство русское — пишетъ, напр., А. М. Тургеневъ, поклонникъ времени Екатерины II и ея самой—искони въ тинѣ невѣжества грязнувшее, преданное лѣности, пьянству, сладострастію, не умѣло или не хотѣло раздѣлить правъ своихъ съ народомъ (т. е. освободить крестьянъ послѣ того, какъ само было освобождено отъ

крѣпости государству, отъ обязательной службы, въ вознагражденіе и обезпеченіе которой получало свои имѣнія), пожелало тогда — увы! и донынѣ еще (писано въ 1835 г.) желаетъ сохранить гнусное право быть властелиномъ неограниченнымъ надъ рабами, крѣпостью, какъ цѣпью, скованными, продавать ихъ, какъ утварь, какъ домашній скотъ. Сіе скаредное презрительное желаніе дворянъ въ то же время, когда права были имъ дарованы, обезсилило ихъ, можно сказать, разрушило, уничтожило, и права остались — какъ бы только для памяти напечатанными, въ существѣ же безъ силы и дѣйствій. Народъ или крѣпостные рабы, оставшись по-прежнему подъ игомъ рабства, пребыли по-прежнему непримиримыми врагами дворянъ».

Практика рабовладѣнія, дѣйствительно, была часто «скаредна и презрительна», отношенія къ крѣпостнымъ во многихъ отношеніяхъ на протяженіи двухъ вѣковъ могутъ быть названы, по выраженію публициста XVII вѣка (Юрія Крыжанича), «людодерствомъ». Однако, къ чести дворянства, откровенной защиты рабовладѣнія, какъ таковаго, въ качествѣ института, освященнаго нѣкоторымъ правомъ, мы почти не встрѣчаемъ у всѣхъ разноообразныхъ идеологовъ и защитниковъ дворянскихъ привилегій и дворянскаго права землевладѣнія. Это, конечно, объясняется самымъ происхожденіемъ крѣпостного права, въ образованіи котораго у насъ въ Россіи отсутствовалъ элементъ завоеванія, покоренія и обращенія въ рабство туземцевъ, отличающій западно-европейское крѣпостное право. Надъ крѣпостными владѣльцами тяготѣла рука государства, въ XVII и XVIII вѣкахъ и владѣльцамъ, и владѣемымъ хорошо было памятно, какъ и почему они связаны были другъ съ другомъ, и когда служилый классъ пріобрѣлъ вольность отъ службы государству, и крѣпостные по праву ожидали себѣ вольности отъ службы дворянству. Такимъ образомъ, связь помѣщиковъ и крѣпостныхъ въ то самое время, когда она вполнѣ окрѣпла, была уже подъ сомнѣніемъ и подвергалась болѣе и менѣе серьезной критикѣ со стороны болѣе просвѣщенныхъ представителей власти и общества.

Первая мечта объ освобожденіи крестьянъ высказана въ концѣ XVII вѣка, была кн. В. В. Голицынымъ однимъ изъ немногихъ европейски образованныхъ людей своего времени. Онъ мечталъ, по свидѣтельству иностранца, «населить пустыни, обогатить нищихъ, сдѣлать людей изъ дикарей, храбрецовъ изъ трусовъ и превратить пастушьи хижины въ каменные дворцы». Дабы поставить Россію на одну доску съ другими державами, онъ хотѣлъ начать освобожденіемъ крестьянъ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обрабатываютъ.

Въ эти раннія времена расцвѣта крѣпостного права, наиболѣе ярко выражено отрицательное къ нему отношеніе, какъ къ институту чисто временному, въ сочиненіи знаменитаго публициста Петровскаго времени Ивана Посошкова «О скудности и богатствѣ». Первый рус-

скій политико-экономъ, свѣтлыя мысли котораго во многихъ отношеніяхъ опередили свое время, указалъ своему времени задачи, занимавшія умы нѣсколькихъ поколѣній, такъ и оставшіяся не разрѣшенными, пока ихъ не устранила полная отмѣна крѣпостного права.

«А и сіе не весьма право зрится,—писалъ Посошковъ: — еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобоносимыя, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы ему на себя что сработать... Отъ таковыя нужды домы свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ понизовыя мѣста, иные жъ и во украинныя, а иные—и въ зарубежныя; тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ. А что бы до того помѣщикамъ дѣла, что крестьяне богаты, лишь бы онъ пашни не запустилъ; хотя бы у него и одна тысяча рублевъ была, только бы не воровалъ и безъявочно не торговалъ; что крестьяне богаты, то бы и честь помѣщику».

«Крестьяномъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради они ихъ не весьма берегутъ, а прямой ихъ владѣтель—всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно». «И того ради не подлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но подлежитъ ихъ царскимъ приказомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство царственное». «И того ради, мнится мнѣ, лучше и помѣщикамъ учинить расположеніе указанное, по чему имъ съ крестьянъ оброку и много чего имать, и по колику дней въ недѣлѣ на помѣщика своего работать, и иного какого сдѣлья дѣлать, чтобы имъ сносно было государеву подать помѣщику заплатить и себя прокормить безъ нужды. Того судьямъ вельми надлежитъ смотрѣть, чтобы помѣщики на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали и въ нищету бы ихъ не приводили».

Подобно этимъ замѣчательнымъ строкамъ, на протяженіи полутора вѣка наблюдательные умы будутъ указывать на разореніе народа, какъ на результатъ крѣпостного права, и какъ на слѣдствіе этого разоренія—на бѣдность государства. И до отмѣны крѣпостного права точно также будетъ обсуждаться вопросъ о точномъ опредѣленіи правъ помѣщиковъ и повинностей крестьянъ, потому что неопредѣленность этихъ отношеній и развивала произволъ, граничившій съ произволомъ рабовладѣнія.

Съ другой стороны, непосредственно послѣ Петра I, и правительство озабочиваютъ уже «великая скудость» крестьянъ, ихъ «крайнее всеконечное разореніе», какъ опасный признакъ государственнаго разстройства. «Солдатъ съ крестьяниномъ, писалъ Меншиковъ, связанъ, какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата», и «понеже армія такъ нужна, что безъ нея госу-

дарству стоять невозможно, того ради и о крестьянахъ попеченіе имѣть надлежитъ... Опасенія народныхъ волненій тоже заставляли правительство задумываться надъ положеніемъ крестьянъ, и въ результатѣ прочность рабовладѣнія, какъ таковаго, всегда оставалось подъ сомнѣніемъ. Поэтому идеологія рабовладѣльцевъ не приняла у насъ законченныхъ, рѣзко выраженныхъ формъ и держалась до конца крѣпко лишь въ наименѣе культурной части дворянства. При этомъ наканунѣ освобожденія повторяются тѣ же наивно-своекорыстные аргументы, что и въ расцвѣтъ крѣпостного права.

«Канарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ безъ цѣпи; однако, одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей»,—писалъ, напр., откровенный крѣпостникъ писатель Сумароковъ въ возраженіяхъ на «Наказъ» Екатерины II:—такъ, одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина». Это—двѣ разныхъ породы людей, изначальное неравенство.

Какъ особая порода, грубая и нечувствительная, крѣпостные требуютъ строгости и суровости.

Алатырское дворянство при Екатеринѣ II стало въ защиту пытки, считая, что только «просвѣщенный и политизованный народъ» можетъ обходиться безъ пытки, «а россійскій народъ, когда который сдѣлается злодѣемъ, то уже такое окамененное сердце и духъ сугубый имѣетъ, что не только священнику, но и въ розыску, когда его пытаютъ, правды не скажутъ»...

Сумароковъ полагалъ, что «нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ». «И имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи»—отвѣтила ему Екатерина II, но это указаніе оставалось втунѣ для массы дворянства, и наканунѣ освобожденія его рядовые члены повторяли буквально все ту же пѣсню.

Подобно Сумарокову, въ 1858 году нѣкая владимирская помѣщица, привлеченная къ отвѣтственности за жестокое обращеніе съ крѣпостными, въ отзывѣ своемъ слѣдователю развивала наивно-кощунственную теорію объ изначальномъ неравенствѣ:

«Богъ создалъ особо господъ и слугъ, которымъ и далъ особую натуру, способную къ перенесенію тяжелыхъ трудовъ въ услуженіи господамъ, тогда какъ господа натуру имѣютъ отъ Бога болѣе нѣжную. Къ этому физическому различію между господами и холопами присоединено Богомъ нравственное различіе между ними: способность повелѣвать и повиноваться. Законы гражданскіе, распредѣляя отношенія между людьми, основываются на этомъ естественномъ различіи господъ и холоповъ, рѣзко распредѣляя отношенія между ними и въ гражданскомъ быту, поставивъ господъ первыми въ рядахъ гражданственности и во всѣхъ движеніяхъ свѣта и освободивъ ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній, а послѣднихъ, предоставляя имъ тѣлесный трудъ, подвергаетъ и наказанію тѣлесному».

Но все-таки, повторяемъ, рабовладѣніе, какъ принципъ, уже во времена Екатерины II было поколеблено, и сліяніе этого права съ правомъ настоящаго рабовладѣнія было признано злоупотребленіемъ. Характерно, что тотъ же Сумароковъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ не разъ ополчался на «злоупотребленія».

Въ отдѣльныхъ особо выдающихся случаяхъ жестокости и дурного обращенія съ крѣпостными правительство карало виновныхъ, но нужны были именно «особо выдающіеся» случаи. Слѣдить за злоупотребленіями помѣщичьей власти было предоставлено въ XIX в. самимъ дворянамъ, въ лицѣ предводителей дворянства. Но плоть отъ плоти и кость отъ кости своего сословія, по обязанности своей, они прежде всего поддерживали помѣщичью власть и, естественно, стремились обѣлять членовъ благорожденнаго сословія отъ обвиненій со стороны подвластной ему черной кости, почему и самыя вопіющія дѣла въ ихъ освѣщеніи получали совершенно невинный характеръ. Работы архивныхъ комиссій, разрабатывающихъ бытовую исторію крѣпостного права, пестрятъ дѣлами о вопіющихъ злоупотребленіяхъ, сходившихъ съ рукъ виновникамъ. Въ 1798 г. Сенатъ за буйственные и развратные поступки отдалъ въ опеку имѣнія нѣкіихъ Бахметевыхъ, въ Костромской, Вологодской, Симбирской и Нижегородской губерніяхъ насильничавшихъ надъ своими крѣпостными. Безобразія и гнусности Бахметевыхъ не помѣшали имъ получить аттестаты отъ общества дворянъ Нижегородской губерніи о томъ, что они «люди добропорядочнаго поведенія, добрымъ качествомъ сходственные», «ведутъ себя честно, прилично благороднымъ людямъ и достойно дворянскаго званія». Въ очеркахъ изъ исторіи Тамбовскаго края И. И. Дубасова разсказывается о подвигахъ елатомскаго помѣщика Кашкарова, процвѣтавшаго въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Кромѣ того, что многіе крестьяне (особенно дѣти) были имъ замучены до смерти, слѣдствіемъ обнаружено, что въ имѣніи Кашкарова не было ни одного неизбитаго крестьянина и ни одной крѣпостной дѣвушки не поруганной. Но важны не эти «злоупотребленія», а отношеніе къ нимъ общественной среды. На повальномъ обыскѣ въ Елатомскомъ уѣздѣ большинство дворянъ отозвалось о Кашкаровѣ, что онъ «истинно благородный человѣкъ». Иные къ этому прибавляли: «К-ровъ истинный христіанинъ и исполняетъ всѣ христіанскіе обряды». А предводитель дворянства писалъ губернатору: «весь уѣздъ встревоженъ по случаю бѣдствій господина К-рова».

Относясь такъ къ отдѣльнымъ случаямъ борьбы съ явными «злоупотребленіями», дворянство, въ его рядовой массѣ, конечно, не съ меньшей солидарностью встрѣчало попытки поставить вопросъ о реформѣ, какъ бы скромны ни были эти попытки. Два — три примѣра въ этомъ отношеніи достаточны.

Указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, предоставлявшій возможность развязки крѣпостныхъ отношеній на волю помѣщиковъ, произвелъ на дворянство въ Москвѣ такое впечатлѣніе, что по словамъ гр. Ѳ. В. Растопчина, что «и ефимоны перестали читать, чтобы бранить новаго спасителя рода человѣческаго», т. е. Сергѣя Петровича Румянцева, инициатора закона. Когда въ 1811 г. вышелъ переводъ книги Стройновскаго съ весьма скромными и выгодными для помѣщиковъ проектами реформы, этотъ переводъ, по свидѣтельству попечителя московскаго учебнаго округа П. И. Голенищева-Кутузова, вызвалъ жестокое негодованіе въ лагерѣ консерваторовъ. «О книгѣ, [redacted] писанной, я скажу, что всѣ благомыслящіе люди говорятъ: эта книга—набатъ, зловредная и терпима быть не могущая...» «Здѣсь (въ Москвѣ) добрые люди говорятъ, что и автора, и переводчика надо бы повѣсить, ибо это зажигатели и враги отечества»...

Эта общая солидарность сторонниковъ крѣпостного порядка питалась тѣмъ, что затянувшееся существованіе его проникло во всѣ безъ исключенія стороны общественно-государственнаго быта, и крѣпостное право тонкими неисчислимыми нитями, хотя и весьма гнилыми, связалось съ правами и интересами дворянско-бюрократической среды. Въ запискѣ 1841 г. «о крѣпостномъ состояніи въ Россіи», дѣятель крестьянской реформы Заблоцкій-Десятовскій очень удачно выразилъ, почему такъ разностороненъ и упоренъ былъ протестъ дворянской массы противъ крестьянской реформы даже въ области всѣмъ очевидныхъ злоупотребленій.

«Внѣдрившись въ составъ общественный, оно (крѣпостное право) устроило извѣстный порядокъ употребленія вещественныхъ и нравственныхъ силъ народа. Измѣненіе крѣпостного права должно измѣнить этотъ порядокъ и повести за собою другія существенныя преобразованія въ организаціи общественной. Они ближе всего должны отразиться въ экономическомъ положеніи народа; облѣнившаяся беззаботливость должна будетъ вытѣсниться пронырливою предпріимчивостью, бездѣйственность—личнымъ трудомъ, привилегированная праздность—обязаннымъ занятіемъ, требовательная прихоть—довольствомъ необходимаго... И вотъ отчего вопросъ о крѣпостномъ правѣ поднимаетъ всю массу мнѣній, ропотныхъ съ одной, одобрительныхъ—съ другой стороны... сѣтованій исторической монополіи и привѣтственныхъ кликовъ пророческой будущности»...

Прежде чѣмъ познакомиться съ движеніемъ реформаторской мысли, съ предчувствіями «пророческой будущности», посмотримъ бѣгло, какими аргументами защищалась «историческая монополія» лицами, предполагавшими, что ее возможно освободить отъ злоупотребленій.

II.

Прежде всего стремились доказать, что злоупотребленія крѣпостного права связаны не съ нимъ, а со «злонравіемъ», какъ выразился Фонвизинъ въ знаменитомъ заключеніи «Недоросля»: «вотъ злонравія достойные плоды!» Крѣпостныя отношенія стремились представить въ видѣ отношеній патріархальныхъ, основанныхъ на мнимой гармоніи интересовъ помѣщиковъ и крестьянъ. На театральную сцену въ последней четверти XVIII вѣка выдвинутъ «народъ», пляшущій и поющій славу добродѣтельному барину. «Комическая опера» этого времени, любимый родъ театральныхъ пьесъ, сюжетами избираетъ приключенія принаряженныхъ пейзанъ, съ благополучнымъ концомъ, и такія коллизіи, какъ любовь помѣщика къ рабѣ, которая оказывается въ концѣ концовъ дворянкою, а временныя тягости крестьянскаго житія благополучно улаживаются наказаніемъ «приказчика», злоупотребившаго барскимъ довѣріемъ. Согласно изображенію на сценѣ, «попеченіе о хозяйствѣ» для крестьянъ—«одна забава». «Въ нашемъ краю не знаемъ печали,—поется въ одной пьесѣ:—помѣщикъ не давитъ работою насъ; мы любимъ сердешно его, какъ отца; плѣнилъ себѣ вѣчно онъ наши сердца»... Въ другой: «Мы живемъ въ счастливой долѣ, работая всякій часъ; жизнь свою проводимъ въ полѣ,—и проводимъ, веселясь; мы всегда своей судьбою всѣ довольны, и тобою; лошадей, коровъ, овецъ много мы имѣемъ въ полѣ и живемъ по нашей волѣ: ты намъ баринъ и отецъ. Мы руками работаемъ—и за долгъ себѣ считаемъ быть въ работѣ таковой. Давъ оброкъ, съ насъ положенный, въ жизни мы живемъ блаженной за господской головой». Баринъ тоже поетъ: «Коль крестьяне мной довольны—самъ собой доволенъ я. Коль они богаты, вольны,—въ томъ утѣха вся моя». Естественно, крестьянамъ остается только припѣвать хоромъ: «Будемъ вѣчно прославляти господина своего; онъ насъ станетъ защищати; мы помремъ всѣ за него [1]).

Публицистическія экскурсіи Карамзина напоминаютъ театральныя пьесы съ изображеніями благоденствующихъ поселянъ. Въ статьѣ «Письмо сельскаго жителя» (Вѣстн. Евр. 1803 г.) авторъ его разсказываетъ, будто опытъ передачи крестьянамъ всей помѣщичьей земли, назначеніе умѣреннаго оброка и устраненіе помѣщичьяго надзора привели къ обѣднѣнію и пьянству. Непосредственное управленіе заботливаго помѣщика, наоборотъ, даетъ превосходные результаты. Крестьяне, разумѣется, преисполнены благодарностью къ добродѣтельному помѣщику, который устраиваетъ имъ три раза въ годъ пиры, послѣ которыхъ, подвыпивши, они цѣлуютъ ему руки, называя самыми ласко-

---

[1]) Характеристика этого театральнаго народолюбія см. въ «Очеркахъ по исторіи рус. культуры», П. Н. Милюкова, ч. III, вып. 2-й.

выми именами, за то весь остальной годъ у нихъ не бываетъ во рту ни маковой росинки, тѣмъ болѣе, что помѣщикъ не заводитъ у себя виннаго завода, какъ то ему ни выгодно. «Главное право русскаго дворянина быть помѣщикомъ, главная должность его быть добрымъ помѣщикомъ: кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству, какъ вѣрный сынъ, тотъ служитъ монарху, какъ вѣрный подданный».

Этотъ взглядъ на помѣщичье крѣпостное управленіе въ идеалѣ, какъ на отеческую заботливость о неразумныхъ дѣтяхъ, какъ на службу предъ Царемъ и Богомъ, такъ сросся съ міросозерцаніемъ средняго дворянства, что увлекъ и геніальнаго писателя. Извѣстно, какъ Гоголь, неожиданно для современниковъ, въ своихъ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» явился только грубымъ защитникомъ патріархально-крѣпостной опеки надъ крестьянствомъ.

«Самое главное писалъ, между прочимъ Гоголь, бери съ собою священника повсюду, гдѣ ни бываешь на работахъ, чтобы сначала онъ былъ при тебѣ въ качествѣ помощника, чтобы онъ видѣлъ самолично всю продѣлку твою съ мужиками...» Въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ въ его бумагахъ мы находимъ высоко характерное для его міровоззрѣнія, едва ли когда кѣмъ другимъ употребленное названіе Бога - Небесный Помѣщикъ.

Въ замѣткахъ «о сословіяхъ въ государствѣ» Гоголь мотивируетъ оправданіе крѣпостного права, какъ по существу высокую форму патріархальной попечительности.

«Право надъ другими, если разсмотрѣть глубже, въ основаніи, основано на разумѣ: они (помѣщики) не что иное, какъ управители государя. Въ награду за доблести, за испытанную честную службу даются ему въ управленіе крестьяне, даются ему, какъ просвѣщеннѣйшему, какъ ставшему выше передъ другими,—въ предположеніи, что такой человѣкъ, кто лучше другихъ понялъ высокія чувства и назначеніе, можетъ лучше править, чѣмъ какой-нибудь простой чиновникъ, выбираемый въ засѣдатели или капитанъ-исправники. Вольно было помѣщикамъ, позабывши эту высокую обязанность, глядѣть на крестьянъ, какъ на предметъ только дохода для своей роскоши и увеселеній. Этимъ они ничуть не доказали, что государи были неправы, а доказали только, что они сами уронили званіе помѣщика...»

Патріархально-крѣпостническій взглядъ Гоголя на крестьянство выразился мѣстами и въ художественныхъ его созданіяхъ (нѣкоторыя пренебрежительно-барскія характеристики мужиковъ въ 1-й части «Мертвыхъ Душъ»), хотя никто съ такой силой не изобразилъ глубокаго нравственнаго паденія и несказанной пошлости цѣлой дворянско-чиновной полосы русской жизни, полосы, пропитанной нравами крѣпостничества.

Во второй части «Мертвыхъ Душъ», памятникѣ паденія таланта Гоголя, писатель пытался въ художественныхь образахъ выразить свои

понятія, чѣмъ долженъ быть помѣщикъ, и какимъ онъ не долженъ быть. Положительный типъ рисуется въ лицѣ помѣщика-дѣльца Констанжогло. Весь секретъ его успѣховъ и красоты помѣщичьей, излучавшейся даже отъ его лица въ восторгѣ хозяйственности,—въ мудрой требовательности къ крѣпостнымъ, въ тѣхъ ежовыхъ рукавицахъ бдительной опеки, въ которыхъ онъ держитъ мужиковъ, въ противоположность вялой разслабленности Тентетникова, безнадежной негодности къ работѣ Хлобуева, допустившаго крестьянъ впасть въ полное разореніе, въ противоположность карикатурной фигурѣ полупомѣшаннаго Кашкарова, который долженъ изображать не къ мѣсту и не ко времени занесенные и бюрократическимъ духомъ проникнутые проекты улучшенія быта крѣпостныхъ... Самъ того не подозрѣвая, Гоголь нарисовалъ вмѣсто идеальнаго патріарха грубую и жесткую фигуру дѣльца...

Если такъ увлекательна была чарующая власть патріархальной идилліи надъ Гоголемъ, неудивительно, что ей поддавались менѣе видные писатели. Такъ, весьма и популярны въ сороковые годы гр. В. Соллогубъ съ особенною симпатію рисуетъ въ повѣсти «Тарантасъ», вызвавшей сочувственную статью Бѣлинскаго, патріархальныя крѣпостныя отношенія между захолустнымъ Василіемъ Ивановичемъ и его крестьянами. «Въ хозяйствѣ съ наемщикомъ (т. е. наемникомъ) ничего путнаго не сдѣлаешь—разсуждаетъ Василій Ивановичъ, въ то время какъ мысль о невыгодности крѣпостного труда предъ вольнонаемнымъ становилась все болѣе популярною (1845).—Русскій мужикъ долженъ тебя видѣть и знать, что онъ для тебя работаетъ, и что ты видишь его, и тогда онъ будетъ работать весело, охотно, успѣшно. Послѣ де Бога и великаго государя законъ велитъ служить барину. На чужихъ работать обидно, да и не приходится вовсе, а на барина самъ Богъ велитъ. Они для тебя, ты для нихъ,—вотъ самый русскій обычай и лучшее хозяйство... Не суйся за хитростями, а смотри, чтобъ мужикъ былъ исправенъ, да не допускай нищихъ и т. д.»

В. И. Даль, также очень популярный въ сороковые годы беллетристъ-этнографъ, очень цѣнился критикой за свое вниманіе къ быту и бытовой физіономіи русскаго крестьянина. Въ его разсказахъ встрѣчаются черты, обличающія грубыя и отталкивающія стороны крѣпостного права. Но и онъ, вслѣдъ за Гоголемъ, нечаянно впадаетъ въ тонъ идеализаціи не только крѣпкаго словца, но и прямо лозы, какъ наставительницы мужика уму-разуму. Такъ, въ разсказѣ «Русскій мужикъ» передано нѣсколько анекдотовъ на тему мужицкой глупости, не понимающей мудрыхъ хозяйственныхъ совѣтовъ помѣщика, забирающей въ головы вздоръ (запросились въ оброчные), который можно выбить только лозою, послѣ которой они убѣждаются въ справедливости велѣній рачительнаго помѣщика... Въ параллель къ этому можно

указать, что у насъ печатались и распространялись книжки, доказывавшія самимъ крѣпостнымъ премудрость крѣпостного права и его пользу. Таковы, напр., въ екатерининское время напечатанныя въ «Санктпетербургскомъ Еженедѣльномъ сочиненіи» (1778 г.) увѣщанія «славнаго господина Лафатера» къ господамъ и къ рабамъ». «Управляющій всѣмъ Промыслъ Божій, т. е. самъ Богъ, премудрый и преблагій Отецъ восхотѣлъ, что бы ты былъ слугою... Такъ радуйся сему управленію, сей волѣ Божіей. Ибо все, что Богъ хочетъ, есть благо... посему лучше быть тебѣ слугою, служанкою или нянькою и прочая, нежели какимъ-нибудь другимъ человѣкомъ...»

Дѣйствительность, конечно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не соотвѣтствовала крѣпостной идилліи, рисуемой защитниками патріархальной опеки надъ крестьянами. Среди крѣпостниковъ по убѣжденіямъ, среди сторонниковъ патріархальныхъ отношеній были, конечно, люди, какъ А. С. Шишковъ, который къ своимъ крестьянамъ относился необыкновенно мягко, и по разсказу С. Аксакова, только по настоятельной просьбѣ ихъ самихъ сталъ брать съ нихъ оброкъ. Было, и, вѣроятно, не мало, помѣщиковъ, которыхъ—по сравненію съ сосѣдями—искренно цѣнили сами крѣпостные. Объ одномъ изъ нихъ, помѣщикѣ Ярославской губерніи Архаковѣ, старомъ холостякѣ, разсказываетъ въ книгѣ о своемъ путешествіи по Россіи баронъ Гакстгаузенъ.

«Онъ жилъ въ маленькомъ домикѣ, рядомъ со своими крестьянами, для которыхъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, благодѣтелемъ и отцомъ. Онъ былъ бѣденъ, дѣлился всѣмъ со своими крестьянами; несмотря на то, передъ смертью владѣлъ втрое большимъ количествомъ крестьянъ, чѣмъ было у него вначалѣ. Когда какой-нибудь помѣщикъ въ окрестности продавалъ деревню, то крестьяне послѣдней приходили обыкновенно къ Архакову и просили его купить ихъ. Когда онъ возражалъ имъ, что у него нѣтъ денегъ, то они говорили ему: «если, батюшка, у тебя нѣтъ денегъ, такъ у насъ есть,—мы дадимъ ихъ тебѣ, ты насъ и купи». Всякій мужикъ приносилъ ему свои деньги на сохраненіе. Онъ творилъ судъ въ цѣлой окрестности и разрѣшалъ всѣ споры». Но, конечно, не Архаковы были вліятельны въ дворянскомъ обществѣ, а, напр., описаннный тѣмъ же Гакстгаузеномъ ярославскій Карневичъ, производившій надъ своими крѣпостными опыты превращенія ихъ въ фермеровъ, или «ревностный русскій патріотъ», обрусѣвшій нѣмецъ Пирхъ, казанскій помѣщикъ, произнесшій своимъ крѣпостнымъ при въѣздѣ въ имѣніе такую рѣчь: «Я вашъ господинъ, а мой господинъ царь. Царь можетъ мнѣ приказывать, а я долженъ ему повиноваться, но онъ не приказываетъ вамъ! Въ моемъ имѣніи я царь, я вашъ земной Богъ... Богъ очищаетъ воздухъ громомъ и молніей, въ моей деревнѣ я буду очищать его громомъ и огнемъ, пока буду на-

ходить это нужнымъ». По увѣренію Гакстгаузена, Пирха боялись, но очень любили, потому что онъ «самымъ отеческимъ образомъ заботился о своихъ мужикахъ». Отеческая патріархальная власть, которой прежде всего боялись, конечно, обличала сама себя въ достаточной мѣрѣ...

Любопытна и поучительна черта, отличающая едва ли не всѣ апологіи крѣпостного права, какъ патріархальнаго порядка, обезпечивающаго будто бы благоденствіе крестьянства. Эта черта—нѣкоторая гордость тѣмъ, что будто бы крѣпостному русскому крестьянину, пользующемуся землею, защитою и опекою помѣщика, живется лучше, чѣмъ западно-европейскому свободному пролетарію. Еще Юрій Крыжаничъ, обличитель московскаго людодерства, но вмѣстѣ съ тѣмъ ненавистникъ нѣмцевъ и грековъ, идеализируетъ русскій бытъ въ противность западному. У нѣмцевъ высшій классъ, сарданапалы или лежаки, утопаютъ въ роскоши, а безземельные рабочіе погружены въ нищету: «цѣлый годъ они не пьютъ ничего, кромѣ чистой воды, и питаются недостаточно однимъ хлѣбомъ». «А на Руси по Божьей милости, всѣ люди, какъ самые богатые, такъ и самые бѣдные, ѣдятъ ржаной хлѣбъ, рыбу, мясо и пьютъ, если у кого нѣтъ пива, по крайнѣй мѣрѣ, квасъ. Они живутъ въ топленыхъ избахъ, тогда какъ на Западѣ бѣдняки терпятъ стужу зимою, такъ какъ «дрова продаются на вѣсъ». «Такимъ образомъ, крестьянское и батрацкое житье гораздо лучше на Руси, чѣмъ во многихъ странахъ». Эту лестную для національнаго самолюбія легенду охотно старалась поддержать Екатерина II: «Мнимая нищета не существуетъ въ Россіи, русскій крестьянинъ во сто разъ счастливѣе и достаточнѣе, чѣмъ ваши французскіе крестьяне»—писалось въ «Антидотѣ», томъ возраженіи на книгу аббата Шаппа о Россіи, въ которомъ участвовала и сама Императрица. Историкъ Болдинъ въ «Примѣчаніяхъ на Леклерка» доказываетъ, что положеніе нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ лучше французскихъ и нѣмецкихъ. Правда, онъ сознается, что помѣщиковъ, обращающихся съ крестьянами, «хуже нежели со скотами... должно къ стыду признаться, нарочитое число есть», и потому онъ, хотя и противникъ полной вольности, стоитъ за ограниченіе помѣщичьей власти. Но въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ: «бываетъ вольность несноснѣе рабства. Земледѣльцы наши прусской вольности не снесутъ, германская не сдѣлаетъ состоянія ихъ лучшимъ, съ французскою помрутъ они съ голоду, а англійская низвергнетъ ихъ въ бездну погибели». Такъ и Карамзинъ обличаетъ иностранцевъ: «Чужестранные писатели, которые безпрестанно кричатъ, что крестьяне у насъ несчастливы, удивились бы, еслибы они могли видѣть ихъ возрастающую промышленность и богатство многихъ, видѣть такъ называемыхъ рабовъ, входящихъ въ самыя торговыя предпріятія, имѣющихъ довѣренность купечества и свято исполняющихъ

свои коммерческія обязательства. Просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленія господской власти, которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная. Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и натуры —вотъ его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ—вотъ его право!»

Эта мысль повторяется и въ печати 30—40 годовъ.

Въ этихъ сравненіяхъ быта русскаго крѣпостного съ свободнымъ (въ разной, конечно, мѣрѣ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ) европейскимъ рабочимъ и крестьяниномъ была одна сторона, косвенно принесшая свою долю пользы въ образованіи реформаторскихъ взглядовъ. Крѣпостники настаивали, какъ на аргументѣ противъ освобожденія, на томъ, что западно-европейскій свободный, но обезземеленный крестьянинъ живетъ хуже несвободнаго, но пользующагося землею, какъ своею, русскаго крестьянина. Этимъ они невольно внѣдряли въ сознаніе сторонниковъ реформы, что необходимо не только личное освобожденіе крестьянъ, но и надѣленіе ихъ землею.

III.

Гораздо убѣдительнѣе въ своемъ родѣ (потому что они опирались на дѣйствительные факты) были аргументы въ пользу сохраненія крѣпостного права надъ личностью крестьянъ, какъ наилучшей гарантіи государственнаго порядка, т. е. цѣлости самодержавія,—аргументы, съ другой стороны, пугавшіе власть неизбѣжными революціонными потрясеніями въ случаѣ освобожденія.

Идеологія царскаго самодержавія, какъ она вылилась у Ивана Пересвѣтова въ XVI вѣкѣ, довольно демократична: верховная власть призвана для защиты народа отъ вельможъ, благодаря которымъ «умалилась правда въ Московскомъ государствѣ».

Когда населеніе московскаго центра отъ московскихъ порядковъ стало разбѣгаться, главною задачею правительственной политики невольно стало огражденіе воинства отъ самовольства вельможъ и сравненіе его съ вельможами въ землевладѣніи и правахъ на рабочія руки... «Воинство», т. е. служилое дворянство, въ концѣ концовъ стало центромъ заботъ и вниманія правительства, какъ его главной опоры, и въ царствованіе Екатерины II, когда дворянство было вознесено на верхъ почета и получило рѣшающее значеніе въ мѣстномъ управленіи, наибольшаго развитія достигло и крѣпостное право, какъ особый способъ посредствующаго управленія народными массами.

Начало теоріи, по которой помѣщикъ — посредствующее необходимое звено между монархомъ и крестьянами, высказано еще Тати-

щевымъ, публицистомъ и историкомъ, полагавшимъ, согласно теоріямъ «естественнаго права», что хотя «естество намъ опредѣлило здравіе и вольность», но «волѣ человѣка положена узда неволи для его же пользы, чтобы чрезъ это онъ могъ прочія благополучія въ уравненіи возможномъ имѣть и въ лучшемъ благополучіи пребывать». Въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ» онъ высказывается какъ бы противъ крѣпостного права, но при этомъ характерны оговорки о томъ, напр., что «шляхтичъ всякій по природѣ судья надъ своими холопи и рабами и крестьяны». Въ «Экономическихъ запискахъ» его идеалъ помѣщика — строгій опекунъ, который слѣдитъ, дабы они (крестьяне) не привыкли къ праздности и не разорились... Во времена Екатерины II эта теорія принимаетъ болѣе опредѣленныя очертанія и держится до конца 40-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Чѣмъ дальше, тѣмъ опредѣленнѣе крѣпостное право выставляется необходимой основой государственнаго управленія.

Сиверсъ въ своей перепискѣ съ Екатериной рекомендуетъ ей установить «сельскій законъ—законъ человѣчности», ибо помнитъ, что «въ основѣ смутъ оренбургскихъ, казанскихъ и поволжскихъ лежало невыносимое иго рабства», что «приверженцы Пугачова состояли исключительно изъ крѣпостныхъ, недовольныхъ своими господами», что «источникъ броженія всегда будетъ оставаться одинъ и тотъ же, пока не будетъ издано закона о сельскомъ хозяйствѣ». Но, съ другой стороны, тотъ же Сиверсъ оговаривался, что «пока такого закона нѣтъ, необходимо поддерживать положеніе дворянства, какъ оно есть; если позволить крѣпостнымъ хотя бы самомалѣйшій протестъ или разсужденіе, то, зная человѣческое сердце, нельзя ручаться за послѣдствія»... И этотъ Сиверсъ и другіе искали выхода въ раздачѣ въ крѣпость дворянству и всей остальной массы государственныхъ крестьянъ, подобно тому, какъ они раздавались уже въ вознагражденіе за службу и внѣслужебныя услуги фаворитовъ. Задней мыслью щедрой раздачи и было предположеніе, что помѣщики—лучшіе полицеймейстеры. Объ этомъ одинаково мыслятъ представители власти и дворянства, безразлично, были ли они помѣщиками гуманными или жестокими.

Въ лицѣ николаевскаго министра народнаго просвѣщенія графа С. Уварова мы видимъ идеолога, откровенно поставившаго самодержавіе и крѣпостное право въ связь, освященную не только временемъ, но и церковью. Мысли Уварова объ этомъ предметѣ отчетливо ставятъ точки надъ всѣми і, и система православія, самодержавія и народности заявила себя, какъ открытое офиціальное признаніе совершенства status quo, включая и крѣпостное право. «Вопросъ о крѣпостномъ правѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о самодержавіи и даже единодержавіи,—категорически утверждалъ Уваровъ:—Это двѣ параллельныя силы, кои развивались вмѣстѣ. У того и другого одно исто-

рическое начало; законность ихъ одинакова. Что было у насъ прежде Петра I, то все прошло, кромѣ крѣпостного права, которое, слѣдовательно, не можетъ быть тронуто безъ всеобщаго потрясенія». Эта боязнь революціи на разнообразные лады и проявляется въ дальнѣйшей мотивировкѣ: по освобожденіи, дворянство станетъ искать себѣ вознагражденія въ области политическихъ правъ, явятся тамбовскій Мирабо или костромской Лафайетъ, произойдутъ разнообразныя потрясенія. «Могутъ отдѣлиться даже части—остзейскія провинціи, самая Польша». Невозможность освобожденія ясна графу Уварову и по такимъ соображеніямъ: «отнять у нихъ (дворянъ) землю—они скажутъ: «чѣмъ намъ жить?» какъ то было въ Лифляндіи. Оставить имъ землю—крестьяне не поймутъ своей отвлеченной свободы и откажутся отъ своего положенія между небомъ и землею. А теперь, напротивъ, они по какому то таинственному чувству, которое однакожъ составляетъ нашъ палладіумъ, считаютъ себя какъ то связанными съ своими господами, какими то общими владѣтелями даже надъ всѣмъ достояніемъ сихъ послѣднихъ: «у насъ въ Порѣчьѣ, говорятъ они, нашъ домъ, нашъ баринъ, и проч.» Въ итогѣ этихъ превратныхъ понятій о происхожденіи крѣпостного права, этого инстинктивнаго страха потрясти существующія отношенія реформой и пріобрѣсти врага въ лицѣ дворянства и этой слащавой идеализаціи «патріархальныхъ» отношеній слѣдовало заключеніе, типичное для всего Николаевскаго режима: «Къ такому многосложному вопросу должно приступать съ величайшей осторожностью. Это дерево пустило далеко корень: оно осѣняетъ и Церковь, и Престолъ. Вырвать его съ корнемъ невозможно. Надо постепенно. Довольно теперь пустить мысль эту въ оборотъ, чтобы поколѣнія приготовились постепенно къ ея воспріятію. Одно образованіе, просвѣщеніе можетъ приготовить ея исполненіе наилучшимъ образомъ».

Этотъ взглядъ, представляющій смѣшеніе патріархальныхъ и своекорыстныхъ побужденій и опасеній, допускалъ, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ теоретиковъ политической опасности освобожденія, единственный путь къ настоятельной реформѣ—предварительное просвѣщеніе народа. Достаточно извѣстно и понятно само собою, что это предварительное условіе оттягивало освобожденіе въ неопредѣленную даль будущаго.

Выше мы упоминали объ отношеніи верховниковъ при Екатеринѣ I къ крестьянскому вопросу, уже тогда возбуждавшему вниманіе и опасенія правительственной власти. Послѣдняя въ общемъ приняла въ XVIII в. вышеочерченную идеологію, связывавшую прочность монархіи съ прочностью дворянскаго сословія и его опоры, крѣпостного права. Но безчисленныя осложненія, какія вносила въ государственную жизнь крѣпостная власть помѣщиковъ, естественно, вели къ тому, что вер-

ховная власть принимала эту идеологію не безъ колебаній. Въ принципѣ Екатерина II была противъ крѣпостного владѣнія людьми, на дѣлѣ оставила все, какъ было, и раздавала государственныхъ крестьянъ. Павелъ I держался крѣпко за мысль о связи самодержавія съ крѣпостнымъ правомъ. Александръ I уже ясно понималъ, повидимому, что идеологія эта для монархіи небезопасна: отвращеніе къ крѣпостному праву со стороны передового общества и ненависть къ нему со стороны народа могутъ перенестись когда-нибудь и на самое монархію. У Николая I, наконецъ, мы видимъ полное сознаніе необходимости переустройства крѣпостныхъ отношеній, но боязнь общественнаго движенія и самостоятельности, укоренившаяся съ момента 14-го декабря, и въ то же время безсознательное слѣдованіе идеологіи, связавшей самодержавіе съ крѣпостнымъ правомъ, въ лицѣ Уваровыхъ,—привели его къ безнадежнымъ, безвыходнымъ противорѣчіямъ. Типичны по этой противорѣчивости многія его заявленія: «Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его положеніи у насъ есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное» — говоритъ онъ 30 марта 1842 года въ Государственномъ Совѣтѣ: — но прикасаться къ нему теперь было бы дѣломъ еще болѣе гибельнымъ... въ настоящую эпоху всякій помыселъ о томъ былъ бы не что иное, какъ преступное посягательство на общественное спокойствіе и благо государства». Въ рѣчи къ депутатамъ петербургскаго дворянства 21 марта 1848 г. онъ «съ прискорбіемъ» въ лицо дворянству говоритъ: «у насъ весьма мало хорошихъ и попечительныхъ помѣщиковъ, много посредственныхъ и еще болѣе худыхъ» и тутъ же успокаиваетъ ихъ въ отношеніи прочности ихъ землевладѣнія: «Нѣкоторыя лица приписывали мнѣ по сему предмету самыя нелѣпыя и безразсудныя мысли и намѣренія. Я ихъ отвергаю съ негодованіемъ. Когда я издалъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, то объявилъ, что вся безъ исключенія земля принадлежитъ дворянину-помѣщику. Это вещь святая, и никто къ ней прикасаться не можетъ». Мало этого, онъ говоритъ о мѣрахъ противъ журналовъ, печатавшихъ статьи, «возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя», и поручаетъ крестьянъ этимъ же помѣщикамъ, большинство которыхъ признано «худыми»: «У меня полиціи нѣтъ, я не люблю ея: вы—моя полиція. Каждый изъ васъ мой управляющій». Естественно, что собираемые Николаемъ I секретные комитеты, конспиративно и бюрократическимъ путемъ обсуждавшіе мѣры, какъ смягчить крѣпостной произволъ и обезпечить собственность крестьянамъ, не могли привести ни къ чему мало-мальски путному, дѣйствительно облегчающему крестьянство.

Признавая «всякій помыселъ» объ отмѣнѣ крѣпостного права «преступнымъ», правительство отказывалось, такимъ образомъ, отъ идео-

логіи самодержавной власти, какъ ее высказалъ Иванъ Пересвѣтовъ, какъ она жила въ сознаніи крѣпостной массы, ожидавшей освобожденія отъ Царя, и какъ пытались обновить понятіе императорскаго самодержавія нѣкоторые сторонники крестьянской реформы. Въ началѣ XIX вѣка и позднѣе, у славянофиловъ и нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ представителей бюрократіи, болѣе или менѣе ясно пробивается и высказывается мысль, близкая къ Пересвѣтовской. Она формулирована и Герценомъ въ пятидесятыхъ годахъ. «Императорская власть устоялась и окрѣпла весьма недавно... Насъ вводятъ въ заблужденіе бармы Мономаха, тронъ царя Ивана Васильевича, Успенскій соборъ... Русское императорство развивалось изъ царской власти отвѣтомъ на сильную потребность иной жизни. Это военная и гражданская диктатура, гораздо больше сходная съ римскимъ цезаризмомъ, нежели съ феодальной монархіей». Переворотъ Петра, положившаго начало императорству, «вовсе не былъ случайностью, а служилъ отвѣтомъ на инстинктивную потребность Руси развернуть свои силы... Петровскій періодъ сразу сталъ народнѣе періода царей московскихъ. Онъ глубоко взошелъ въ нашу исторію, въ наши нравы, нашу плоть и кровь; въ немъ есть что то необычайно родное намъ, юное; отвратительная примѣсь казарменной дерзости и австрійскаго канцелярства не составляютъ его главной характеристики». Императорство Петра создало сильное государство и дало могучій толчокъ къ развитію внутреннихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ народа; идя тѣмъ же путемъ, самодержавіе могло бы быть попрежнему сильно и вести народъ впередъ».

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Реформаторская мысль, возбуждаемая крѣпостнымъ правомъ, и встрѣтилась съ вопросомъ: что же такое самодержавіе въ отношеніи къ этой основѣ русскаго быта, можетъ ли оно быть просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и успѣшно провести необходимую реформу?

Въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ сказались опредѣленно два теченія. Большинство интеллигенціи всецѣло на сторонѣ реформы, проводимой правительствомъ, т. е. единственной реальною силою, которую возможно противопоставить сплоченной силѣ дворянскаго класса.

Въ Екатерининское время, когда были надежды на прогрессивное направленіе самой императрицы, Новиковъ и его единомышленники возлагали большія надежды на «мудрость, сидящую на престолѣ». Радищевъ, въ концѣ царствованія, явился представителемъ мысли, отрицавшей не только крѣпостное право, но и самый абсолютизмъ. Въ

высшемъ кругу были, однако, и такіе сторонники конституціонныхъ началъ, которые мирились съ крѣпостнымъ правомъ, мечтая лишь о расширеніи правъ аристократіи. Было, впрочемъ, и другое теченіе, готовое ради расширенія политическихъ правъ дворянства, но при непремѣнномъ условіи этого расширенія, пожертвовать и крѣпостнымъ владѣніемъ. Такъ, Екат. Р. Дашкова на упрекъ со стороны Дидро о рабствѣ въ Россіи, лично за себя отвѣтила, что она устроила въ своемъ орловскомъ имѣніи управленіе, которое дѣлаетъ крестьянъ болѣе свободными и счастливыми и «которое не дастъ возможности мелкимъ чиновникамъ грабить ихъ и вымогать съ нихъ взятки...» «Еслибы верховная власть, сломавъ нѣсколько колецъ той цѣпи, которая связываетъ крестьянъ съ помѣщиками, одновременно сдѣлала бы то же и съ цѣпью, держащею дворянъ въ зависимости отъ воли самодержавныхъ монарховъ, я съ восторгомъ подписалась бы подъ такимъ постановленіемъ, не чернилами, а кровью...»

Рѣзкія черты самодержавнаго управленія Павла I и вѣянія «дней александровыхъ прекраснаго начала» оживили всѣ конституціонныя стремленія въ русскомъ обществѣ. И въ планахъ Сперанскаго, и въ соображеніяхъ Мордвинова, и въ намѣреніяхъ декабристовъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ понимался, какъ подчиненный, при чемъ отодвигался, напр., у Мордвинова, въ дальнюю очередь

Нѣсколько позднѣе, въ качествѣ одного изъ пугалъ правительству, возможность дворянскаго движенія, подобнаго движенію декабристовъ, въ случаѣ освобожденія крестьянъ, эксплоатируется реакціонерами, какъ это мы видѣли въ соображеніяхъ графа Уварова. Должно сказать, что, какъ возможность, это предвидѣли и противники крѣпостного права, какъ, напримѣръ, декабристъ М. А. Фонвизинъ.

Въ противоположность этому, были люди, высказывавшіеся за самодержавную власть, именно въ виду ея возможной миссіи—освобожденія крѣпостныхъ. Эти люди, какъ Н. И. Тургеневъ, еще и потому были противъ конституціонныхъ тенденцій, если онѣ выдвигались впередъ крѣпостного вопроса, что опасались безземельнаго освобожденія крестьянъ, а послѣднее, вѣдь, было въ части дворянства, увлекавшейся примѣромъ прибалтійскаго дворянства и нѣкоторыми указаніями съ Запада, довольно популярно въ царствованіе Александра I. Точка зрѣнія людей, какъ Н. Тургеневъ, хорошо выражена и въ его полемикѣ съ Мордвиновымъ, и въ его запискѣ, поданной Александру I, въ которой онъ заявляетъ категорически: «Всякое расширеніе политическихъ правъ дворянъ было бы противно интересамъ крѣпостныхъ. Въ этомъ отношеніи самодержавная власть — якорь спасенія для нашей страны: только отъ этой власти мы можемъ ожидать уничтоженія рабства, столь же несправедливаго, какъ и безполезнаго. Недозволительно думать о политической свободѣ тамъ, гдѣ несчастные не знаютъ простой личной свободы»...

Въ тридцатые и сороковые годы, послѣ крушенія надеждъ декабристовъ, соціальный вопросъ освобожденія крестьянъ снова стоитъ впереди собственно политическаго. Замѣчательны слова Бѣлинскаго, предъ смертью говорившаго, что въ Россіи нуженъ новый Петръ Великій, т. е. и онъ былъ, какъ ни обманчива могла быть такая надежда, сторонникомъ мысли о возможности демократическаго самодержавія, что было мечтою и славянофиловъ.

Севастопольская война, крестьянскія волненія и убійства помѣщиковъ, обнаружившееся обѣднѣніе страны, оскудѣніе дворянства, перезаложившаго свою крещеную собственность, и крѣпостного крестьянства, которое перестало, наконецъ, подъ гнетомъ расти численно, перестало размножаться—все это съ повелительною силою указало самодержавному государству, что оно не можетъ, подъ угрозой разложенія, поддерживать старую идеологическую связь съ крѣпостнымъ правомъ. Александръ II былъ настолько дальновиденъ, что понялъ это, и рѣшилъ пожертвовать крѣпостнымъ правомъ, рискуя встрѣтить дворянскую оппозицію. Общественная мысль за это одно намѣреніе охотно признала новое царствованіе исполненіемъ своихъ задушевныхъ чаяній. Такіе люди, какъ Герценъ и Чернышевскій, въ сходныхъ восторженныхъ выраженіяхъ встрѣтили начало крестьянской реформы. Но очень скоро они убѣдились (Чернышевскій раньше Герцена), что реформа ведется старымъ бюрократическимъ путемъ, что власть опирается не на общество, а на немногія либеральныя силы въ рядахъ чиновничества, и въ то же время прислушивается къ голосу своекорыстной дворянской оппозиціи. Тогда то снова возраждается съ удвоенною силою радикальное умонастроеніе.

Стоитъ отмѣтить конецъ 1858 года, какъ моментъ начала этого перелома въ настроеніяхъ передового русскаго общества: въ 12-й книжкѣ «Современника» за этотъ годъ появилась статья Чернышевскаго «Критика предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія». Въ ней писатель прозрачно намекнулъ, что реформа ведется при отсутствіи необходимыхъ политическихъ гарантій ея успѣшности и пользы для освобождаемыхъ.

IV.

Въ исторіи литературы мы имѣемъ счастливый примѣръ, показывающій, какъ на протяженіи четырехъ поколѣній, отъ временъ Екатерины II и до кануна освобожденія, измѣнялись взгляды лучшихъ представителей помѣщичьяго класса на крѣпостной вопросъ. Это — родъ Аксаковыхъ. Степанъ Михайловичъ Аксаковъ, дѣдушка Багровъ «Семейной хроники», русскую грамоту зналъ плохо, первымъ правиламъ ариѳметики выучился въ полку, будучи въ которомъ не разъ употреблялся для поимки разбойниковъ, при чемъ проявлялъ благоразум-

ную распорядительность и безумную храбрость. Вышедъ въ отставку, онъ сдѣлался отличнымъ хозяиномъ, «смотрѣлъ рѣдко, да мѣтко... и, ужъ прошу не прогнѣваться, если замѣчалъ что дурное, особенно обманъ, то уже не спускалъ никому», употребляя на мѣстѣ безпощадную физическую расправу, но «прошелъ гнѣвъ, прошла и вина»... «Скоро крестьяне его пришли въ такое положеніе, что было не на кого и не за что разсердиться». Непреклонный въ своихъ велѣніяхъ и капризахъ, дико необузданный въ проявленіяхъ яраго гнѣва, онъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ семью и мужиковъ и, конечно, никогда не усомнился въ своихъ дворянскихъ правахъ и преимуществахъ. Въ Пугачевщину онъ бѣжалъ—даже до Астрахани. По увѣренію внука, однако, всѣ навѣки запомнили, и запомнили съ любовью, вспыльчиваго, но попечительнаго о крестьянахъ, благоразумнаго, участливаго къ дѣйствительной нуждѣ помѣщика-хозяина.—Двоюродная сестра Степана Михайловича Аксакова, Надежда Ивановна Куроѣдова (Прасковья Ив. Куролесова «Семейной Хроники»), вышла замужъ за человѣка, запасъ силъ котораго ушелъ въ грубый развратъ и безсмысленную жестокость; онъ былъ отравленъ крѣпостными. Ставши самостоятельной, Куроѣдова ведетъ покойную барскую жизнь, не вмѣшиваясь ни въ злоупотребленія своихъ приказчиковъ, ни въ развратъ дворни...

Сынъ Степана Михайловича—Тимофей Степановичъ (Алексѣй Степановичъ «Семейной хроники») былъ безличностью, что понятно при такомъ властномъ отцѣ, какимъ былъ дѣдушка Багровъ; «тихій, скромный, застѣнчивый, ко всѣмъ ласковый». Имѣніемъ и домомъ правитъ не онъ, а его жена—Марья Николаевна (Софья Николаевна «Семейной хроники»), женщина съ характеромъ, для того времени весьма образованная. Когда къ нимъ перешло имѣніе жестокаго Куролесова, они сожгли бывшія здѣсь въ употребленіи «кошки». Марья Николаевна уже тщательно оберегаетъ своего сына, знаменитаго писателя Сергѣя Тимофеевича Аксакова, отъ вліяній крѣпостной дворни, стремясь уединить его душу отъ развращающихъ впечатлѣній рабской среды. И это ей удается, неясное сознаніе ненормальности своего барскаго положенія брежжитъ въ душѣ Сережи (какъ то разсказано имъ въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука») и позднѣе—несмотря на привитую ему страсть къ природѣ и деревенскому пейзажу—изъ него уже вовсе не выходитъ хозяинъ. Онъ предоставляетъ въ имѣніяхъ все старостамъ и спасается въ Москву, чтобы отдаться артистическимъ и литературнымъ интересамъ и вести спокойную барскую жизнь не служащаго дворянина, воспитывающаго дѣтей. Въ нѣжной дружбѣ съ нимъ неразлучно живетъ и проповѣдуетъ обновленіе Руси и возвращеніе къ ея исконнымъ общиннымъ и религіознымъ началамъ его сынъ, знаменитый славянофилъ Константинъ Аксаковъ. Это сторонникъ осво-

божденія не иначе какъ съ землею, и освобожденія всѣхъ сторонъ народнаго быта: «Нужно не уничтоженіе названія крѣпостного... не возвращеніе только его личной свободы; ему нуженъ бытъ свободный, самостоятельный, обезпеченіе этого быта... ему нужна земля, обезпеченіе земли, которую онъ считаетъ своею и которою владѣетъ онъ и при помѣщичьей власти, по его твердому убѣжденію, какъ своею».

Точка зрѣнія другого брата, Ивана, еще прямѣе и радикальнѣе: «Я далъ себѣ слово никогда не имѣть у себя крѣпостныхъ и вообще крестьянъ; что бы ни говорили, а искусительныя выгоды помѣщичьяго званія нарушаютъ чистоту взгляда на крестьянъ, мѣшаютъ дѣйствовать. Нѣтъ, Богъ съ ними. Я же держусь того мнѣнія, что помѣщики непремѣнно должны понести правомѣрный убытокъ при эмансипаціи крестьянъ за то, что цѣлыя столѣтія пользовались безобразными правами надъ собственностію и лицомъ крестьянина; я считаю или, лучше сказать, я не вывожу этого логически, но душа моя говоритъ мнѣ, что крестьянинъ, для котораго она единственная мать и кормилица, болѣе меня имѣетъ на нее правъ. И странно какъ то въ настоящее время пріобрѣтать помѣстье». Въ данномъ случаѣ мы видимъ уже предчувствіе еще болѣе поздняго отношенія къ земельному владѣнію. О рабовладѣніи для Ивана Аксакова нѣтъ и вопроса, оно безповоротно осуждено. Но тутъ же неясное, но правдивое чувство говоритъ молодому человѣку, что дѣло какъ будто не только въ рабовладѣніи, а и въ землевладѣніи: на землю имѣетъ право тотъ только, кто самъ ее трудомъ рукъ своихъ обрабатываетъ, для кого она единственная мать и кормилица.

То, что случилось съ родомъ Аксаковыхъ, было явленіемъ болѣе или менѣе типичнымъ для всего дворянства, изъ котораго постоянно выдѣлялись люди, примыкавшіе къ взглядамъ и настроеніямъ все болѣе радикальной интеллигенціи. Этотъ сложный и важный процессъ можетъ быть отмѣченъ здѣсь, конечно, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Вольтерьянцы и фармазоны восемнадцатаго вѣка — начало передовой русской демократической интеллигенціи. Однако, преданность и симпатія идеямъ Вольтера, энциклопедистовъ, франкъ-масоновъ, при поверхностномъ усвоеніи новаго міровоззрѣнія, не мѣшали на русской почвѣ иногда самому странному совмѣщенію презрительнаго отношенія къ народу и отрицательныхъ въ философскомъ смыслѣ идей. Можно назвать самое Екатерину II, кончившую прикрѣпленіемъ малоросійскихъ крестьянъ, гоненіями на свободную мысль и расправой съ Новиковымъ и Радищевымъ, или такихъ людей, какъ отецъ Герцена, «умная ненужность», Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ, съ его барскими замашками и атеистическимъ, глубоко циническимъ міровоззрѣніемъ. Среди масоновъ также видимъ необузданныхъ крѣпостни-

ковъ, какъ Поздѣевъ и другіе, и лишь Новиковъ и Шварцъ, въ противоположность поверхностнымъ вольтерьянцамъ-аристократамъ, выдѣляются извѣстнымъ демократическимъ настроеніемъ. Поэтому то въ масонствѣ, типа новиковскаго, — съ его громадной и плодотворной просвѣтительной издательской дѣятельностью, въ особенности съ такимъ выступленіемъ общественнаго характера, какъ организація въ голодный годъ въ широкихъ размѣрахъ помощи голодающимъ въ сотнѣ помѣщичьихъ и казенныхъ селеній — правительство усмотрѣло опаснаго врага.

«Я взглянулъ окрестъ меня,— писалъ Радищевъ — душа моя страданіями человѣческими уязвлена стала; обратилъ взоръ во внутренность мою, и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы»...

Повѣдать о страданіяхъ человѣческихъ, показать, какъ прямо долженъ и можетъ человѣкъ смотрѣть на причины ихъ, — вотъ цѣль и постановка знаменитой книги Радищева, разсказа и проповѣди, и эти мотивы проходятъ чрезъ всю дѣятельность русской радикальной интеллигенціи въ ея обличеніяхъ настоящаго во имя человѣческаго блага и простого взгляда на вещи.

Дальновидные люди предвидѣли, что зараза свободомыслія и въ Россіи рано или поздно не ограничится болтовней петиметровъ и салонныхъ вольтерьянцевъ, а перейдетъ въ жизнь, и, напр., въ 1792 году русскій посолъ въ Лондонѣ Семенъ Воронцовъ писалъ: «мы будемъ послѣдніе—но и мы будемъ жертвами этой эпидеміи. Вы и я (письмо къ брату), мы ея не увидимъ; но мой сынъ увидитъ. Я рѣшилъ научить его какому-нибудь ремеслу, слесарному что ли или столярному: когда его вассалы ему скажутъ, что онъ имъ больше не нуженъ и что они хотятъ подѣлить между собой его земли, — пусть онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ въ состояніи зарабатывать хлѣбъ собственнымъ трудомъ и имѣть честь сдѣлаться членомъ будущаго муниципалитета въ Пензѣ или въ Дмитровѣ. Эти ремесла ему больше пригодятся, чѣмъ греческій, латинскій и математика».

Дѣйствительно, хотя, напр., въ Комиссіи для сочиненія новаго уложенія, и раздавались дружно голоса за предоставленіе права владѣть крѣпостными не однимъ дворянамъ (противъ чего возставали послѣдніе весьма дружно), все же уже тогда изъ всѣхъ сословій раздавались голоса, требовавшіе если не полной отмѣны, то ограниченія помѣщичьяго произвола въ пользованіи своимъ правомъ. Особенно замѣчательны рѣчи Григорія Коробьина, депутата отъ козловскаго дворянства, который указывалъ, что въ побѣгахъ крѣпостныхъ виноваты сами помѣщики, и требовалъ 1) опредѣленія закономъ повинностей крестьянъ и 2) права собственности для нихъ на имѣнія.

Изъ 20 выступавшихъ ораторами депутатовъ восемь было за улучшеніе быта крѣпостныхъ, 12 противъ, въ числѣ послѣднихъ одиннадцать дворянъ, одинъ однодворецъ.

Средоточіемъ движенія передовой общественной мысли надо считать въ вѣкъ Екатерины также и торговый классъ. Онъ рѣзко заявлялъ себя въ Комиссіи по составленію уложенія. Въ этомъ кругѣ, по свидѣтельству Сегюра, такъ же, какъ въ кругѣ средняго дворянства, нашлись люди, съ восторгомъ встрѣтившіе извѣстіе о взятіи въ Парижѣ революціоннымъ народомъ Бастиліи. Горожане и купечество въ столицахъ и провинціи раскупали изданія Новикова по 25 рублей (въ пятеро больше на наши деньги) за то только, чтобы получить уже изъятую книгу Радищева на самый короткій для чтенія срокъ. Такъ, очень рано намѣчался всесословный составъ русской интеллигенціи.

Послѣ разгрома движенія декабристовъ, среди которыхъ дѣйствовала чисто дворянская молодая интеллигенція, оппозиціонное движеніе, какъ извѣстно, сосредоточилось въ знаменитыхъ кружкахъ 30—40-хъ годовъ, исторія которыхъ была много разъ пересказана. Изъ нихъ родилось славянофильство, которое можно считать возрожденіемъ новиковской традиціи, но оно примыкало и къ восторжествовавшей тогда оффиціальной народности, и западничество, продолженіе традиціи Радищева. Въ западничество особенно вливается всесословная струя разночинной интеллигенціи, и его вождями являются въ особенности Герценъ и Бѣлинскій. Вслѣдъ за московскими кружками они возникаютъ и въ Петербургѣ, но въ противоположность московскимъ, гдѣ все-таки преобладали дворянская интеллигенція и интересы отвлеченные—философія, наука, искусство, литература, петербургскіе кружки конца сороковыхъ годовъ по составу гораздо демократичнѣе и поглощены уже прямыми общественно-гражданскими интересами. Таковъ весь кругъ людей, привлеченныхъ къ дѣлу Петрашевскаго и жестоко пострадавшихъ за свои идеи и разговоры, между прочимъ, о необходимости освобожденія крестьянъ, и кружокъ И. Введенскаго и Н. Чернышевскаго.

Имя разночинца Бѣлинскаго объединяло разъединенныхъ пространствомъ людей, и его письмо къ Гоголю принималось, какъ настоящій манифестъ западническаго міровоззрѣнія и отрицанія системы «оффиціальной народности» въ ея цѣломъ. Оно разъ навсегда съ безповоротной рѣзкостью подчеркнуло непримиримость господствующаго въ общественной мысли настроенія съ сословно-бюрократическимъ, оффиціальнымъ пониманіемъ вещей.

Историческій смыслъ страстнаго письма Бѣлинскаго—въ признаніи «національными» вопросовъ, которыми долго интересовались лишь въ тѣсныхъ литературно-общественныхъ тогдашнихъ кружкахъ. За эти вопросы, какъ извѣстно, прежде всего и вынуждено было взяться

русское правительство послѣ разгрома подъ Севастополемъ когда національное обновленіе и разрывъ съ оффиціальной народностью стали очевидной исторической необходимостью.

Рядомъ съ такими органами общественной мысли, какими были оппозиціонные кружки, на разложеніе прежнихъ понятій вліяла энергично и наука, въ которой успѣшно боролись освободительныя идеи противъ крѣпостническихъ теорій.

Уже въ 1766 г., когда Вольно-экономическое Общество поставило задачу о собственности крестьянъ, на конкурсъ было представлено много разсужденій въ освободительномъ духѣ. Одно изъ нихъ шло такъ далеко, что, кажется, даже было не понято членами Общества. Французъ Грасленъ въ своемъ отвѣтѣ исходилъ изъ общихъ идей счастія наибольшаго количества людей, изъ мысли о томъ, что въ естественномъ порядкѣ вещей земля не составляетъ ничьей собственности, и приходилъ къ замѣчательному для своего времени заключенію, что «общее благо требуетъ, чтобы земля была собственностію единственно и исключительно тѣхъ, кто ее обрабатываетъ, т. е. крестьянъ, но въ то же время они должны владѣть только тѣмъ количествомъ земли, какое могутъ сами обработать, иначе они обратятся въ землевладѣльцевъ-вотчинниковъ». Въ настоящее время, полагалъ Грасленъ, если нельзя отдать землю единственно земледѣльцамъ, то не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, лишать ихъ права на поземельную собственность, такъ какъ это было бы большимъ ущербомъ для всего общества.

Въ 1806 году въ Геттингенѣ напечатана диссертація Андр. С. Кайсарова «Объ освобожденіи крѣпостныхъ въ Россіи», посвященная императору Александру, который и наградилъ автора брилліантовымъ перстнемъ, но книга на русскій языкъ переведена не была.

Диссертація Кайсарова (на латинскомъ языкѣ) доказываетъ необходимость свободы для успѣховъ земледѣлія, для свободнаго роста крестьянскаго населенія, задержаннаго крѣпостнымъ рабствомъ, для развитія промышленности, торговли, умственныхъ и нравственныхъ способностей народа, а также полемизируетъ противъ возраженій крѣпостниковъ о томъ, что будто бы помѣщичьи крестьяне—потомки военноплѣнныхъ, что ихъ предки продали себя въ рабство, будто сами крестьяне не желаютъ свободы. Въ заключеніе высказана надежда, что Александру, если продлятся его дни, удастся уничтожить крѣпостное право.

Въ 1812 году Вольно-экономическое Общество поставило задачу, отвѣчавшую занимавшему всѣхъ крестьянскому вопросу, о сравнительной выгодности для хозяина крѣпостного и вольно-наемнаго труда. Во времена Екатерины вопросъ былъ поставленъ шире и правильнѣе: спрашивалось: «что полезнѣе для общества: чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности земли или только движимое имѣніе, и сколь

далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны». Но теперь зато вопросъ перенесся и въ русскую глушь, откуда и стали поступать отзывы, тогда какъ раньше отвѣты шли преимущественно изъ-за границы.

Лучшій отвѣтъ на задачу былъ данъ харьковскимъ профессоромъ Якобомъ, вызваннымъ изъ Германіи экономистомъ и финансистомъ, который и раньше въ ученыхъ трудахъ категорически высказался о невыгодности для общества крѣпостного строя и указывалъ на необходимость строгихъ его ограниченій тамъ, гдѣ рабство существуетъ. Мечты его не идутъ далѣе личнаго освобожденія, при чемъ онъ полагаетъ, что землевладѣльцы найдутъ тогда выгоднымъ для себя предоставить освобожденнымъ свои земли въ долгосрочную аренду. Въ отвѣтѣ на задачу Вольно-экономическаго Общества высказаны тѣ же мысли. Эти доказательства невыгодности крѣпостного труда подрывали вѣру въ его необходимость для помѣщиковъ, какъ и другіе аналогичные труды той эпохи. Вслѣдъ за Якобомъ крѣпостное право освѣщается съ этой стороны въ трудахъ и лекціяхъ ученыхъ Шторха, Шада (изгнаннаго за свои сочиненія за границу), М. Грибовскаго, Германа, въ особенности Кон. Арсеньева, который въ «Начертаніи статистики россійскаго государства» (Спб. 1818—19) однимъ изъ главныхъ препятствій къ усовершенствованію земледѣлія считаетъ «крѣпостность земледѣльцевъ», а о промышленности говоритъ, что для поощренія къ ея развитію «нѣтъ лучшаго, надежнѣйшаго средства, какъ совершенная неограниченная ничѣмъ гражданская личная свобода»...

Въ своей «Теоріи налоговъ» извѣстный дѣятель Н. И. Тургеневъ также старается показать, что «какъ для экономическихъ и финансовыхъ теорій, такъ и для теоріи управленія есть лишь одно истинное основаніе—свобода»... «Благоустроенное государство не должно созидать своего благоденствія на несправедливости; угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно-добраго народа».

Правда, наука эксплоатировалась и не въ пользу крестьянъ, въ особенности въ вопросѣ о владѣніи землею: вліяніе либеральной экономической школы въ царствованіе Александра I едва не подготовило было безземельнаго освобожденія крестьянства. Эксплоатировалась въ этомъ направленіи и историческая наука.

«Нынѣшніе господскіе крестьяне, доказывалъ, напр., Карамзинъ, никогда не были собственниками земли, и она неотъемлемо принадлежитъ дворянамъ; крестьяне, потомки холоповъ, также «законная собственность» дворянъ, и потому не могутъ получить даже и личной свободы безъ вознагражденія помѣщиковъ. Такимъ образомъ только вольные, укрѣпленные Годуновымъ за господами, могутъ справедливо требовать прежней свободы; но такъ какъ мы не знаемъ теперь, кто

изъ нихъ происходитъ отъ холоповъ и кто отъ вольныхъ, то законодателю очень трудно распутать этотъ гордіевъ узелъ, «если онъ не имѣетъ смѣлости разсѣчь его, объявивъ, что всѣ люди свободны». Карамзинъ не допускаетъ мысли освобожденія крестьянъ съ землею. и затѣмъ съ успѣхомъ доказываетъ вредъ безземельнаго освобожденія. Вмѣсто какихъ-нибудь среднихъ мѣръ, ограничивающихъ злоупотребленія, Карамзинъ довольствуется совѣтомъ «подъ рукою» взять мѣры «для обузданія жестокихъ помѣщиковъ».

Въ сороковыхъ годахъ исторія крестьянскаго вопроса называетъ рядъ замѣчательныхъ ученыхъ именъ, горячо съ каѳедры и въ бесѣдахъ съ молодежью подрывавшихъ прямо или косвенно—общимъ гуманнымъ настроеніемъ науки—послѣдній авторитетъ крѣпостничества. Извѣстно общее гуманизирующее значеніе университетовъ съ этого времени. Однимъ изъ прямыхъ рѣшительныхъ борцовъ съ каѳедры противъ крѣпостного права былъ, напр., казанскій профессоръ гражданскаго права Мейеръ. Несмотря на всю трудность положенія науки въ тѣ темные годы, «Мейеръ, по словамъ его ученика, старался при всякомъ удобномъ случаѣ, и на лекціяхъ и въ бесѣдахъ съ своими студентами, возвращаться къ основной идеѣ, руководившей его въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ, и каждый разъ онъ употреблялъ всю силу доводовъ и убѣжденій въ пользу своего задушевнаго принципа. Сперва этотъ принципъ озадачивалъ не мало студентовъ: имъ не приходила даже въ голову дурная сторона учрежденія, потому что увѣренность въ нормальности и непреложности его подкрѣплялась обыкновенно ложными и патріархально-сантиментальными сентенціями, всосанными, такъ сказать, съ молокомъ... Несмотря, однако, на это, Мейеръ успѣлъ достигнуть того, что многіе изъ его студентовъ, не только въ университетѣ, но и по выходѣ оттуда, считали непреложными и справедливыми всѣ мнѣнія профессора касательно имущественныхъ правъ на лицо».

Другой вліятельный борецъ въ Московскомъ университетѣ былъ К. Д. Кавелинъ, ученикъ и другъ Бѣлинскаго и Грановскаго.

Въ воскресныхъ бесѣдахъ Кавелина со студентами преобладающій вопросъ былъ крѣпостное право. Большинство ихъ принадлежало къ помѣщикамъ, «къ рабовладѣльцамъ», какъ, не стѣсняясь, заявлялъ имъ въ глаза К. Д. Его рѣзкій безпощадный протестъ противъ крѣпостного права имѣлъ громадное значеніе. «Какъ то совѣстно становилось обращаться къ этому явленію такъ спокойно и безразлично, какъ это дѣлалось до знакомства съ К. Д. И эта дѣятельность не прошла безслѣдно. Не мало его слушателей явилось впослѣдствіи и въ числѣ меньшинства губернскихъ комитетовъ, и въ рядахъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва»...

V.

Въ XVIII вѣкѣ литература раздѣлилась на двѣ группы. Для высшаго, особенно придворнаго общества писали Ломоносовъ и Державинъ, парившіе всего охотнѣе по Парнасу. Для средняго читателя существовала рукописная и лубочная литература, иногда ярко, хотя въ тяжелой, неуклюжей формѣ, отражавшая реальную жизнь. Въ этой литературѣ низовъ и холопы, чрезъ свою крѣпостную интеллигенцію, подавали иногда свой голосъ. Послушаемъ характерный, архаическій по стиху, «Плачъ холоповъ», въ которомъ перечислены темы, занимавшія и литературу и интеллигенцію, когда родное слово сошло съ Парнаса къ низамъ жизни.

О! горе намъ, холопемъ, за господами жить.
И не знаемъ, какъ ихъ свирѣпству служить...
О! горе намъ, холопемъ, отъ господъ и бѣдство.
А когда прогнѣвишь ихъ, такъ отъимутъ и отцовское наслѣдство.
Что въ свѣтѣ человѣку хуже сей напасти?
Что мы сами наживемъ—и въ томъ намъ нѣтъ власти.
Пройти всю подселенную—нѣтъ такова житья мерзкова.
Развѣ намъ просить на помощь Александра Невскаго?..
Знать, прогнѣвалась на насъ земля и сверху небо.
Неужель мы не нашли бъ безъ господъ себѣ хлѣба? и пр.

Холопы слѣдили за общественно-политическими явленіями, касавшимися ихъ въ той или иной формѣ, и неизвѣстный авторъ «плача» зналъ о созывѣ депутатовъ для пересмотра Уложенія въ 1767 году и жаловался, что и здѣсь холопы обойдены, въ такихъ выраженіяхъ:

Въ свою нынѣ пользу законы перемѣняютъ:
Холопей въ депутаты затѣмъ не выбираютъ:
«Что могутъ де холопы тамъ говорить?».
Отдали бъ имъ волю до смерти насъ морить...

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вопль холоповъ излагали такіе же грамотеи, которые составляли прокламаціи Пугачева.

Въ манифестѣ Пугачева отъ 31 іюля 1774 г. холопы нашли все, чего желали. Онъ жаловалъ всѣхъ, находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ, «быть вѣрноподданными собственно нашей коронѣ», и награждалъ не только древними крестомъ и молитвою, головами и бородами, но и «вольностію и свободою вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ поборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, владѣніемъ землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями и рыбными ловлями и солеными озерами безъ покупки и безъ оброку, и свобождаемъ всѣхъ прежде чинимыхъ отъ злодѣевъ дворянъ и градскихъ мздоимцевъ судей крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ»... Вся крестьянская Россія была Пугачевской. Дворянинъ и писатель Болотовъ отъ новобранца, котораго увѣщевалъ съ другими «драться хорошенько» противъ Пугачева, услышалъ самый

недвусмысленный отвѣтъ: «Да, — сказалъ онъ на сіе, злодѣйски усмѣхаясь,—сталъ бы я бить свою братью. А развѣ васъ, бояръ, такъ готовъ буду десятерыхъ посадить на копье сіе»... Неудивительно, что отъ эшафота, на которомъ казненъ былъ Пугачевъ, Болотовъ, представитель старшаго поколѣнія интеллигенціи, отошелъ съ чувствомъ удовлетворенія—«истиннымъ торжествомъ дворянъ надъ симъ общимъ ихъ врагомъ и злодѣемъ». У послѣдующей интеллигенціи, конечно, не могло быть этой цѣльности классоваго настроенія, между прочимъ и потому, что потомки холоповъ, бунтовавшихъ съ Пугачевымъ, стали стремиться къ образованію, и положеніе крѣпостной интеллигенціи привлекало невольно вниманіе мало-мальски вдумчивыхъ людей образованнаго общества. Въ лицѣ крѣпостныхъ, случаемъ или волею господина, получившихъ образованіе и оставшихся рабами, съ особой наглядностью билъ въ глаза ужасъ рабства.

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка крѣпостная интеллигенція быстро выростала въ числѣ. Изъ собственныхъ выгодъ помѣщики подмѣчали то или иное дарованіе въ крѣпостномъ, и на профессіи интеллигентныя смотрѣли такъ же, какъ на ремесла: обучали дворовыхъ либо для того, чтобы употреблять ихъ искусство на домашнія надобности, либо для взиманія съ нихъ высокаго оброка. Ради тщеславія, щеголяя другъ предъ другомъ, помѣщики заводили крѣпостные оркестры, театры, оперы и балеты, вколачивали въ гробъ неспособныхъ къ музыкѣ; распоряжались въ крѣпостныхъ труппахъ кулакомъ, розгой, актрисъ превращали въ свой гаремъ. Сохранилось не мало достовѣрныхъ разсказовъ о положеніи несчастныхъ, которыхъ трагическая шутка барина заставляла иногда переживать въ одинъ и тотъ же день громкій шумный успѣхъ у избранной публики и жестокое истязаніе подъ розгами. «Какъ шарманщики палками и хлыстами заставляютъ плясать собакъ, такъ помѣщики розгами и кнутьями заставляли плясать людей»—образно говоритъ въ замѣчательныхъ воспоминаніяхъ о временахъ крѣпостного права «сельскій священникъ» (напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1880-хъ годовъ).

Баронъ Гакстгаузенъ, увидя въ Нижнемъ Новгородѣ оперу «Аскольдова могила», былъ пораженъ свѣдѣніемъ о томъ, что актеры и пѣвцы крѣпостные [1]).

Рядомъ съ крѣпостными актерами и музыкантами были крѣпостные художники, къ числу которыхъ принадлежалъ и выкупленный при посредствѣ В. Жуковскаго талантливый живописецъ и геніальный художникъ украинскаго слова, Т. Г. Шевченко. Извѣстный художникъ Тро-

[1]) Къ послѣднему указанію Гакстгаузена можно добавить, что, по словамъ Самарина, одна помѣщица выписывала изъ деревни крѣпостныхъ дѣвокъ, воспитывала ихъ у себя и снабжала ими домъ терпимости, содержимый ею самою. Состарившихся она отсылала въ деревню, а на выбылыя мѣста подготовляла новыхъ.

пининъ былъ отпущенъ на волю только 47 лѣтъ, уже тогда, когда былъ громкою извѣстностью. Въ числѣ крѣпостныхъ были и писатели. Крѣпостнымъ человѣкомъ былъ во время Екатерины II авторъ комическихъ оперъ Матинскій, а при Александрѣ I поэтъ Сибиряковъ. За послѣдняго помѣщикъ заломилъ, изъ обычнаго въ такихъ случаяхъ тщеславія, 10,000 рублей, ссылаясь на затраты на обученіе въ училищахъ и кондитерскому искусству, такъ что Сибиряковъ, повидимому, и не получилъ свободы, несмотря на участіе, принятое въ немъ весьма вліятельными людьми. Были далѣе крѣпостные врачи, крѣпостныя гувернантки и т. д. Бытовая исторія крѣпостного права богата безчисленными разсказами о печальномъ концѣ несчастныхъ, ставшихъ талантомъ и образованіемъ выше крѣпостной среды, а часто и владѣльцевъ. Это повѣсть о самоизувѣченіяхъ, о самоубійствахъ, о непробудномъ пьянствѣ и полномъ нравственномъ паденіи.

Участившіеся случаи самоубійствъ среди крѣпостныхъ, получившихъ художественное или высшее образованіе, побудили, наконецъ, и правительство принять мѣры противъ явленія, которое въявь портило крѣпостную идиллію и волновало общество. Крѣпостныхъ перестаютъ принимать въ Академію художествъ, изгоняютъ изъ учебныхъ, ранѣе всесословныхъ, заведеній. Характерны мотивы распоряженія по послѣднему предмету министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова (19 авг. 1827): «До свѣдѣнія моего дошло, между прочимъ, что часто крѣпостные люди, изъ дворовыхъ и поселянъ, обучаются въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; отъ сего происходитъ вредъ двоякій: съ одной стороны, сіи молодые люди, получивъ первоначальное воспитаніе у помѣщиковъ или родителей нерадивыхъ, по большей части входятъ въ училище уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ, или чрезъ то препятствуютъ попечительнымъ отцамъ семействъ отдавать своихъ дѣтей въ сіи заведенія; съ другой же стороны, отличнѣйшіе изъ нихъ, по прилежности и успѣхамъ, пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и оттого они нерѣдко въ уныніи предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ». По этимъ соображеніямъ крѣпостные совершенно отстранялись отъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній казенныхъ и частныхъ, отъ гимназій и равныхъ съ ними учебныхъ мѣстъ, а допускались только въ приходскія и уѣздныя училища или равныя имъ и спеціальныя школы, съ тѣмъ, чтобы въ послѣднихъ «тѣ науки, которыя не служатъ основаніемъ или пособіемъ для искусства и промысловъ, были преподаваемы въ такой же мѣрѣ, какъ и въ уѣздныхъ училищахъ». Такъ, на дѣлѣ, осуществлялось требованіе, высказываемое, какъ условіе освобожденія, о предварительномъ просвѣщеніи крѣпостныхъ...

Вниманіе писателей эта крѣпостная интеллигенція привлекаетъ, начиная съ Радищева. У него разсказана, напр., исторія молодого дворoваго, радостно ушедшаго въ солдаты, потому что жена его покойнаго барина, который далъ ему хорошее воспитаніе, какъ равному,—истязала его и хотѣла женить противъ воли – одна изъ многихъ драмъ крѣпостныхъ людей, получившихъ образованіе. Нарѣжному, романисту начала XIX вѣка, не разъ воспроизводившему черты крѣпостного быта, между прочимъ, принадлежитъ повѣсть «Марія», въ которой затронутъ вопросъ о крѣпостныхъ, получающихъ воспитаніе наравнѣ съ господами. «Сынъ одного графа влюбляется въ крѣпостную дѣвушку своихъ родителей, получившую воспитаніе вмѣстѣ съ его сестрою; ихъ разлучаютъ, и она сходитъ съ ума, а молодой человѣкъ, узнавъ о ея смерти, проводитъ жизнь въ полномъ уединеніи»... Этотъ обычай воспитывать кого-либо изъ дворни наравнѣ съ барскими дѣтьми былъ весьма распространенъ, и противъ него, въ случаѣ, если воспитаннику не дается свобода, горячо и весьма справедливо возставалъ мягкосердечный Жуковскій. Самъ сынъ плѣнной турчанки, онъ доказалъ свое искреннее сочувствіе къ судьбѣ рабовъ многократнымъ участіемъ въ выкупѣ ихъ на свободу. Въ «Вѣстникѣ Европы» 1809 г., въ статьѣ, написанной по поводу трагической развязки любви одного юноши къ крѣпостной дѣвушкѣ, воспитанной одинаково съ ея барышнею,—Жуковскій горячо протестуетъ противъ благотворенія такимъ способомъ. «Для чего развиваете въ бѣдномъ слугѣ познанія и таланты? Для того ли, чтобы онъ могъ яснѣе почувствовать, современемъ, что Провидѣніе наградило его такимъ удѣломъ, въ которомъ и таланты его и познанія должны угаснуть безплодно? Если вы образуете его единственно для себя, то ваше благотвореніе есть самый жестокій эгоизмъ или, лучше сказать, злодѣйство, украшенное блестящею личиною благодѣтельности. Просвѣщеніе должно возвышать человѣка въ собственныхъ его глазахъ, — а что унизительнѣе рабства?! Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованія и умъ необыкновенный — итакъ, прежде, нежели рѣшитесь открыть ему тайну его сокровища, возвратите ему свободу, или убійственное чувство рабства уничтожитъ всѣ ваши о немъ попеченія»... Далѣе Жуковскій разсказываетъ обыкновенную исторію крѣпостного, выдѣлившагося образованіемъ, который по смерти прежняго господина попалъ у другого въ выѣздные лакеи и спился.

Въ 1830 г. обратила на себя вниманіе повѣсть В. А. Ушакова «Киргизъ-кайсакъ», сразу выдвинувшая писателя, не оправдавшаго, впрочемъ, возбужденныхъ его произведеніемъ надеждъ. Трагическій узелъ разыгрывающейся въ повѣсти драмы заключается въ томъ, что князь древнѣйшаго рода не хочетъ отдать свою дочь замужъ за любимаго ею офицера Славина послѣ того, какъ онъ узналъ, что этотъ офицеръ не дѣйствительный, а только пріемный сынъ одного мелкаго чиновника

и что на самомъ дѣлѣ Славинъ—незаконнорожденный сынъ крѣпостной киргизки и казака. «Перенесясь въ настроеніе 1830 года, можно ли особенно негодовать на родовитаго князя, не желающаго породниться съ гулящей крѣпостной киргизкой? А между тѣмъ авторъ честитъ его всяческими поносящими кличками, громитъ его спесь, выставляетъ совершеннымъ ничтожествомъ, между тѣмъ, какъ сынъ крѣпостной—идеалъ благородства и утонченной душевной организаціи. Въ общемъ, какъ чрезвычайно яркій протестъ противъ сословныхъ предразсудковъ, «Киргизъ-кайсакъ» занимаетъ совершенно одинокое мѣсто въ произведеніяхъ не только 30-хъ, но и 40-хъ годовъ». (С. Венгеровъ).

Изъ произведеній, посвященныхъ трагическому положенію крѣпостной интеллигенціи, далѣе выдѣляется повѣсть Н. Ф. Павлова «Именины» (въ книжкѣ «Три повѣсти», М. 1835), герой которой—даровитый крѣпостной съ блестящими музыкальными способностями. Благодаря этимъ способностямъ онъ получилъ порядочное воспитаніе, самостоятельно живетъ въ Москвѣ, вращается въ свѣтскомъ обществѣ; у него завязывается романъ съ дочерью богатой помѣщицы. Ужасъ его положенія развертывается предъ нимъ, когда онъ слышитъ похвальбу сосѣда за парадным обѣдомъ: «А я сегодня обработалъ славное дѣло: продалъ двухъ музыкантовъ по тысячѣ рублей за штуку», а другой говоритъ артисту на ухо: «Тотчасъ видно не музыканта. Я ни за одного изъ своихъ и по двѣ не возьму!» Романъ музыканта обрывается испугомъ его возлюбленной, когда она слышитъ, что артистъ—крѣпостной человѣкъ, но худшее еще впереди: его проигралъ въ карты помѣщикъ. Повѣсть кончается бѣгствомъ музыканта, который выдаетъ себя за бродягу, его сдаютъ въ солдаты, и въ персидскомъ походѣ онъ выслуживается въ офицеры,—исходъ болѣе благополучный, чѣмъ обычный и возможный.

Герценъ въ дѣтствѣ видѣлъ, какъ отравился крѣпостной врачъ его отца, брошенный женою, отъ которой скрывалъ сначала свое униженное званіе; пріятелемъ мальчика въ отцовскомъ домѣ былъ спившійся съ кругу поваръ, тоже художникъ своего дѣла, котораго ни за какіе деньги не желалъ отпустить баринъ, отецъ Герцена. Эти и подобныя впечатлѣнія рано опредѣлили отношенія будущаго писателя къ крѣпостному рабству и въ частности къ подобнымъ жертвамъ его. Ихъ Герценъ выводитъ въ своихъ беллетристическимъ произведеніяхъ сороковыхъ годовъ.

Въ его «Сорокѣ воровкѣ» и «Кто виноватъ?» мы встрѣчаемъ три сходныхъ характера, изображенныхъ съ особой любовью. Крѣпостная актриса въ «Сорокѣ-воровкѣ», не сдающаяся своему господину, князю Скалинскому, содержателю крѣпостной труппы актеровъ; крѣпостная гувернантка (мать Бельтова въ «Кто виноватъ?»), бросающая на краю

гибели въ глаза своему преслѣдователю все свое презрѣніе къ нему; незаконорожденная дочь помѣщика Негрова, таящая въ душѣ молчаливый, но страстный протестъ противъ порядка вещей, сдѣлавшаго ее игрушкой въ домѣ Негровыхъ,—вотъ типы людей, крѣпостная зависимость которыхъ отъ ничтожныхъ пошлыхъ баръ—воочію бьющее поруганіе человѣческаго достоинства.

Можно упомянуть еще «Въ дорогѣ» Некрасова, разсказы Шевченка «Музыкантъ» и «Художникъ», въ которыхъ изображены его личныя потрясающія переживанія, и т. д. Впечатлѣніе, связанное со всѣми подобными произведеніями, было тѣмъ дѣйствительнѣе, что въ рядахъ самой интеллигенціи, пишущей и читающей, все чаще встрѣчались выходцы изъ крѣпостного состоянія. Иногда они достигали и виднаго положенія, и извѣстности, и вліянія. Назовемъ профессора и академика Никитенка, знаменитаго актера М. С. Щепкина, художника Тропинина, поэта Шевченка. Подобные люди были въ обществѣ живыми свидѣтелями, выходцами изъ нижнихъ круговъ Дантова ада, на которомъ стояла и застаивалась русская жизнь.

Злая судьба крѣпостной интеллигенціи была, конечно, лишь однимъ изъ мотивовъ, болѣе нагляднымъ, какіе не разъ затрагивались русскою литературою. Впрочемъ, роль послѣдней надо считать ограниченною кругомъ общихъ гуманныхъ началъ. Крѣпостное право, какъ защищаемая властью основа государственнаго быта, обыкновенно могло быть обличаемо лишь косвенно, намеками, далеко не въ самыхъ отталкивающихъ своихъ проявленіяхъ. Но и въ такомъ видѣ литературные выпады противъ крѣпостного владѣнія были однимъ изъ вліятельныхъ возбужденій общественно-преобразовательной мысли. Правительственная цензура зорко слѣдила, чтобы эта миссія печатнаго слова не выходила изъ границъ, и во множествѣ случаевъ безпощадна урѣзывала рѣчь писателей, и лично они сами, за правдивое слово о крѣпостной неправдѣ, становились жертвой болѣе или менѣе серьезныхъ гоненій. Извѣстно, что въ царствованіе Екатерины II сатирическіе журналы Новикова были сведены на нѣтъ, и самъ онъ, а также Радищевъ, за знаменитое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» подверглись жестокой карѣ. На протяженіи всей первой половины XIX вѣка нѣтъ ни одного выдающагося писателя, который въ той или иной формѣ не почувствовалъ бы на себѣ гнета цензуры вообще и въ частности по поводу тѣхъ или другихъ явленій крѣпостной жизни; болѣе или менѣе значительное количество произведеній, иногда замѣчательныхъ, могло стать извѣстно публикѣ, цѣликомъ или частями, только въ рукописныхъ воспроизведеніяхъ. Не только прямые протесты противъ крѣпостного права пресѣкались, въ царствованіе Николая I цензура изгоняла самое слово рабъ, какъ то было сдѣлано цензоромъ Никитенкомъ въ книгѣ Сперанскаго объ ораторскомъ краснорѣчіи. Вслѣдствіе этого

количество печатныхъ сочиненій, посвященныхъ спеціально крѣпостному вопросу, въ общемъ весьма скудно, особенно въ царствованіе Николая I, когда какъ разъ наиболѣе энергично била тайными и явными, но прикровенными ключами общественная мысль. Въ 1850 г. постановлено: «сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ или доказывается, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначаемыхъ для чтенія простого народа»... Безъ сомнѣнія, эта боязнь гласности и освѣщенія вопроса въ печати самымъ печальнымъ образомъ сказалась, какъ неодолимый тормазъ скорѣйшему распространенію здравыхъ понятій въ средѣ провинціальнаго дворянства, гдѣ журналы были большею частью единственнымъ органомъ общечеловѣческой мысли и новыхъ общественныхъ понятій.

Въ обозрѣніи отраженій крѣпостного права въ литературѣ приходится остановиться лишь на весьма немногихъ выдающихся моментахъ и явленіяхъ, въ свое время производившихъ болѣе сильное впечатлѣніе.

Особое вниманіе привлекала, прежде всего, конечно, сатира Екатерининскаго времени, особенно въ журналахъ Новикова «Трутень», «Живописецъ» и др. Впервые русскому читателю были даны въ нихъ не слащавые пейзане комическихъ оперъ, а подлинныя яркія бытовыя картинки захолустныхъ крѣпостныхъ нравовъ. Въ характерныхъ письмахъ къ Ѳалалею его отецъ, помѣщикъ «стараго» нрава, жалуясь на новыя времена, сѣтуетъ: «съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ не много прибыли. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, да что ты изволишь сдѣлать? Пять дней ходятъ они на мою работу, да много ли въ пять дней сдѣлаютъ? Сѣку ихъ нещадно, а все прибыли нѣтъ; годъ отъ году все больше нищаютъ мужики: Господь на насъ прогнѣвался; право, Ѳалалеюшка, и ума не приложу, что съ ними дѣлать!.. Эхъ! Перевелись-ста старые наши большіе бояре: то-то были люди! не только что съ своихъ, да и съ чужихъ кожи драли», и т. д. Въ «Трутнѣ» помѣщены чрезвычайно типичныя отписки крестьянъ барину о мірскихъ дѣлахъ и отвѣтный господскій указъ, можетъ быть—подлинная переписка рабовъ и жестокаго помѣщика, который, въ отвѣтъ на слезныя мольбы разореннаго міра, расточаетъ розги, поворачиваетъ «бунтовщиковъ» съ пашни во дворъ и, не внемля ничему, продолжаетъ обирать мужиковъ. Одному изъ подобныхъ помѣщиковъ, «Безразсуду», — «Трутень» напоминаетъ: «развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, нежели между тобою и человѣкомъ?» и даетъ ему рецептъ «отъ сей вредной болѣзни»: «Безразсудъ долженъ всякій день по два раза разсматривать кости го-

сподскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ». Къ сожалѣнію, Новиковъ долженъ былъ обставлять свою сатиру оговорками, вынужденными намеками, что обличаемое имъ—либо дѣло прошлое, либо уже исправляется попечительною государственною властью. Такъ, замѣчателенъ яркими и убѣдительными красками «Отрывокъ изъ путешествія» И. Т., рисующій конечное разореніе «тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны». Но—пришлось говорить Новикову—«нынѣ премудрость, сидящая на престолѣ, истину покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ», и объяснять, что въ «Путешествіи» «описанъ помѣщикъ, не имѣющій ни здраваго разсужденія, ни любви къ человѣчеству, ни сожалѣнія къ подобнымъ къ себѣ; и, слѣдовательно, описанъ дворянинъ, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющій» и, слѣдовательно, своими поступками оскорбляющій «почтенный дворянскій корпусъ». Какъ средство самозащиты, это было до извѣстной степени цѣлесообразно, хотя едва ли искренно, но «почтенный корпусъ» рабовладѣльцевъ, конечно, какъ бы оказывался подъ защитой сатирика, равно какъ и «премудрость на престолѣ».

Къ типу Новиковской сатиры принадлежатъ еще сатирическіе выпады противъ крѣпостного права Крылова, въ особенности его остроумное «Похвальное слово въ память моему дѣдушкѣ» и нѣк. др.

Въ знаменитой книгѣ Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» было собрано все, что не вдругъ и осторожно высказывалось въ Новиковскихъ журналахъ. Вопіющія злоупотребленія крѣпостного рабства были разсказаны съ полной прямотою. «Чудище обло, огромно, стозѣвно и лаяй», на борьбу съ которымъ ополчается Радищевъ, это—разноликій произволъ съ особо возмутительнымъ видомъ его, съ крѣпостнымъ рабствомъ. Въ главѣ «Любань» напечатанъ разговоръ съ крестьяниномъ на барщинѣ, работающимъ шесть дней въ недѣлю, и высказано размышленіе о полной зависимости отъ помѣщика крестьянъ его, которые «въ законѣ мертвы». Въ главѣ «Бронницы»—исторія нѣкоего асессора, которому власть надъ крестьянами вскружила голову, и онъ «крестьянъ почиталъ скотами, данными ему (едва не думалъ ли онъ, что власть его надъ ними отъ Бога проистекаетъ), да употребляетъ ихъ въ работу по произволенію»; онъ убитъ былъ крестьянами вмѣстѣ со своими сыновьями. Глава «Едрово» говоритъ о насиліяхъ помѣщиковъ надъ честью женщинъ и произволахъ, чинимыхъ при заключеніи браковъ между крѣпостными. «Вышній Волочекъ» заключаетъ разсказъ о помѣщикѣ, обратившемъ всѣхъ крестьянъ въ батраковъ, быстро увеличившемъ свое состояніе, «усугубляя число стенящихъ на его нивахъ». Глава «Мѣдное» касается продажи людей съ молотка за долги помѣщика. «Городня» сопоставляетъ солдатчину и

крѣпостное житье: «трудна солдатская жизнь, но лучше петли», т. е. рабства, и изображаетъ продажу крестьянъ въ рекруты. Въ замѣткѣ «Пешки» дано знаменитое описаніе крестьянской избы, въ которомъ Радищевъ поднялся до простоты и выразительности почти Пушкинскаго стиля: «Четыре стѣны, до половины покрытыя такъ, какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ, на вершокъ, по крайней мѣрѣ, поросшій грязью, печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ, всякое утро, зимою и лѣтомъ, наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутой пузырь смеркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (счастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякой день есть пустыя шти). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; столъ, топоромъ срубленной, который скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней или телятъ, буде есть; спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ счастію, кадка съ квасомъ, на уксусъ похожимъ, и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, данная природой, онучки съ лаптями для выхода...— Вотъ въ чемъ почитается источникъ государственнаго избытка, силы, могущества!».. Далѣе въ «Черной Грязи» дана картинка насильственной свадьбы между крѣпостными. Въ срединѣ своего сочиненія Радищевъ далъ цѣлый проектъ освобожденія, притомъ съ землею, обличая «звѣрскій обычай» порабощенія, выставляя неизбѣжное повтореніе Пугачевщины, если не измѣнится этотъ ужасный порядокъ вещей.

На книгу Радищева «премудрость на престолѣ» составила извѣстныя замѣчанія раздраженно злостнаго тона: «Ѣдетъ оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя, и то неоспоримо, что лучшея судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной» или: «начинается прежалкая повѣсть о семіи, проданной съ молотка за долги господина»... Причина этого раздраженія, кромѣ того, что Радищевъ обрушился на самый абсолютизмъ, была, конечно, въ томъ, что книга подвела необыкновенно выразительный итогъ всему обыденному порядку вещей съ разореніемъ крѣпостныхъ, истязаніями ихъ, оскорбленіями женской чести, съ продажей съ публичнаго торга, безъ земли и въ розницу, съ убійствами помѣщиковъ и пр., и пр. Радищевъ жестоко пострадалъ за свою книгу къ злорадству крѣпостниковъ, повторявшихъ эпиграмму на него («Знать, русскій Мирабо, поѣхалъ ты въ Сибирь!»), но ему же принадлежитъ самый рѣшительный протестъ противъ крѣпостного права и во времена Александра I: въ его «Описаніи моего владѣнія» дана краснорѣчивая характеристика безмѣрнаго произвола помѣщиковъ надъ личностью и имуществомъ крестьянъ.

Книга Радищева произвела огромное впечатлѣніе, и въ сравненіе съ нею не идутъ въ счетъ другіе литературные отклики той и послѣдующей эпохи, притомъ большею частью освѣщавшіе крѣпостное право и его злоупотребленія съ моральной точки зрѣнія «злонравія». «Угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно» — говоритъ Фонвизинъ устами Стародума въ знаменитомъ «Недорослѣ» и рисуетъ, какъ «злонравіе», цѣлую галерею крѣпостныхъ типовъ, начиная съ колоритной до сихъ поръ фигуры Простаковой, ея безотвѣтнаго мужа, животнаго Скотинина и кончая типами дворни. Заставила говорить о себѣ «Ода на рабство» Капниста, написанная въ 1783 г. по поводу закрѣпощенія малороссійскихъ крестьянъ, чуждая реальныхъ чертъ русской жизни, но не лишенная извѣстнаго условнаго подъема. «Куда ни обращу зѣницу, омытую потокомъ слезъ, вездѣ, какъ скорбную вдовицу, я зрю мою отчизну днесь: исчезли сельскія утѣхи, игрива рѣзвость, пляски, смѣхъ; веселыхъ пѣсней гласъ утихъ: златыя нивы сиротѣютъ, поля, луга, лѣса пустѣютъ, какъ туча, скорбь легла на нихъ. Вездѣ, гдѣ кущи, села, грады хранилъ отъ бѣдъ свободы щитъ, тамъ тверды зиждетъ власть ограды и вольность узами тѣснитъ... Гдѣ благо, счастіе народно со всѣхъ сторонъ текли свободно, тамъ рабство ихъ отгонитъ прочь. Увы! Судьбѣ угодно было, одно чтобъ слово превратило нашъ ясный день во мрачну ночь»... Эта отвлеченность красокъ была вообще слабымъ мѣстомъ литературы. Вслѣдствіе этого забыты и такія вещи, въ свое время замѣченныя, какъ стихотворенія начала вѣка Пнина «Человѣкъ» и др. съ общимъ протестомъ противъ рабства: «Въ какомъ пространствѣ зрю ужасномъ раба отъ человѣка я: одинъ какъ солнце въ небѣ ясномъ, другой такъ мраченъ, какъ земля. Одинъ есть все, другой — ничтожность. Когда бъ позналъ свою рабъ должность, спросилъ природу, разсмотрѣлъ: кто бѣдствій всѣхъ его виною?—тогда бы и тою же рукою сорвалъ онъ цѣпи, что надѣлъ».

Не останавливаемся сколько-нибудь подробно на выпадахъ противъ крѣпостного права корифеевъ русской литературы, Пушкина («Деревня» — со знаменитымъ окончаніемъ «Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный» и пр.; извѣстный стихъ въ одной редакціи «Памятника» — «во слѣдъ Радищеву возславилъ я свободу», «Лѣтопись села Горюхина», и т. п.), Грибоѣдова (извѣстныя мѣста въ «Горѣ отъ ума» и «Грузинской ночи»), Лермонтова и т. д. Въ произведеніяхъ этихъ писателей опредѣлялось общее значеніе русской литературы, какъ національно-художественнаго выраженія русской жизни, какъ живого органа общечеловѣческихъ настроеній. Въ этомъ была великая воспитывающая и гуманизирующая сила литературы, и предъ этой стороною ея блѣднѣютъ впечатлѣнія, какія могли производить то или другое отдѣльное произведеніе или мѣсто, мимоходомъ касавшееся положенія крѣпостного народа.

Зато, когда литература вышла на широкую дорогу художественнаго бытового реализма, когда возникла—по опредѣленію Бѣлинскаго—цѣлая натуральная школа, создается—уже въ сороковые годы—особая полоса произведеній, посвященныхъ спеціально воспроизведенію народной жизни. И здѣсь крѣпостному праву наносятся удары, заставляющіе вспомнить—по значенію ихъ для образованія общественнаго мнѣнія—о книгѣ Радищева.

Критика Бѣлинскаго объясняла, что такое гуманность (во второй половинѣ сороковыхъ годовъ), новое для массы читающаго общества понятіе, и указывала намекомъ, гдѣ прежде всего необходимо увидѣть эту гуманность.

Произведенія «натуральной школы» о крѣпостномъ народѣ были наглядными уроками гуманности въ примѣненіи къ крестьянству. Огромное впечатлѣніе произвели прежде всего произведенія Д. В. Григоровича. До него натуральная школа, можно сказать, не спускалась въ своихъ соціальныхъ симпатіяхъ ниже мелкаго мѣщанства, бѣднаго чиновничества, маленькихъ людей верхняго слоя русской жизни. Теперь она подошла къ народу, чтобы показать и въ крестьянинѣ страдающаго брата; повѣсти Григоровича «Деревня» и «Антонъ-Горемыка» заставляли чувствительныя сердца проливать надъ мужиками не меньше слезъ, чѣмъ въ свое время «Бѣдная Лиза».

Бѣлинскій писалъ, что буквально мучился, читая Григоровича, но въ печати объ «Антонѣ-Горемыкѣ» могъ сказать только нѣсколько словъ: нехитрый герой ея — «лицо трагическое въ полномъ значеніи этого слова. Эта повѣсть трогательная, по прочтеніи которой въ головѣ невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя». «Я помню «Деревню», помню «Антона - Горемыку», — пишетъ Салтыковъ, — помню такъ живо, какъ будто все это совершилось вчера. Это былъ первый благотворный весенній дождь, первыя хорошія человѣческія слезы, и, съ легкой руки Григоровича, мысль о томъ, что существуетъ мужикъ-человѣкъ, прочно залегла и въ русской литературѣ, и въ русскомъ обществѣ. А съ половины пятидесятыхъ годовъ эта мысль сдѣлалась уже господствующею въ русской жизни» («Круглый годъ»).

Нѣтъ надобности напоминать здѣсь содержаніе этихъ произведеденій, заслоненныхъ вскорѣ болѣе крупными по художественному значенію очерками И. С. Тургенева, его знаменитыми «Записками охотника» (печатаніе ихъ началось съ очерка «Хорь и Калинычъ» въ 1-й книжкѣ «Современника» за 1847 г., а къ 1852 г. создалась цѣлая книга). Извѣстенъ разсказъ Тургенева объ Аннибаловой клятвѣ, данной имъ передъ поѣздкой на Западъ. «Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы изъ самой дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ

этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца—съ чѣмъ я поклялся никогда не примириться... Это была моя Аннибаловская клятва, и не я одинъ далъ ее себѣ тогда. Я и на Западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее исполнить... «Записки охотника» эти, въ свое время новые, впослѣдствіи далеко опереженные этюды были написаны мною за границей; нѣкоторые изъ нихъ въ тяжелыя минуты раздумья о томъ: вернуться ли мнѣ на родину или нѣтъ?»

Эта исповѣдь объясняетъ многое въ этихъ столь прославившихся, какъ «протестъ» противъ крѣпостного права, разсказахъ, и болѣе всего этотъ мягкій, любовный тонъ большинства ихъ. Такъ вдумчиво, бережно подчеркнуты тѣ стороны быта и жизни, которыя мирили автора, покинувшаго родину, съ нею и дѣлали ее, въ концѣ-концовъ, въ легкой розовой дымкѣ воспоминаній, вопреки темнымъ сторонамъ, неотразимо обаятельной. Въ мужикѣ, придавленномъ крѣпостнымъ рабствомъ, авторъ искалъ и нашелъ черты неизъяснимой нравственной красоты, поэзіи, прелести, доброты. Отъ поэзіи дѣтской души въ «Бѣжиномъ лугу» съ обѣщаніями ея славныхъ здоровыхъ тружениковъ въ будущемъ, отъ поэтически настроенныхъ Калиныча, Касьяна съ Красивой Мечи, «Пѣвцовъ» до угрюмой фигуры «Бирюка» и до несчастной Мельничихи или дѣвушки, бросаемой барскимъ камердинеромъ («Свиданіе») и до величественныхъ образовъ смерти крестьянъ—на всемъ народѣ, который появляется въ разсказахъ Тургенева, разлитъ горячій свѣтъ задушевнаго чувства. Вездѣ сквозить любовь къ этой массѣ, въ которой автору удавалось открыть такія трогательные и прекрасные перлы душевной красоты и величія предъ лицомъ несправедливости. «И эти люди — рабы!» говорили «Записки охотника». Въ противоположность народу, авторъ развертываетъ въ господахъ цѣлую бездну несказанной пошлости и совершенно безсознательной вопіющей жестокости, тѣмъ болѣе возмутительной, что она была обыденной... Не заключая никакихъ жалкихъ словъ и декламаціи, «Записки охотника» произвели колоссальное впечатлѣніе, именно, какъ протестъ противъ крѣпостного права, тѣмъ болѣе дѣйственный, чѣмъ менѣе по формѣ крикливый или навязчивый. «Voila un livre incendiaire!» — сказала Чаадаеву графиня Ростопчина. «Не понимаю, какимъ образомъ Львовъ (цензоръ) рѣшился пропустить ихъ,—писалъ про «Записки» Тургеневу И. С. Аксаковъ:—«Это стройный рядъ нападеній, цѣлый батальный огонь противъ помѣщичьяго быта». Цензоръ и дѣйствительно былъ вскорѣ отставленъ. Извѣстно также, что книгѣ было суждено произвести большое впечатлѣніе на Наслѣдника престола, впослѣдствіи Императора Александра II; онъ велѣлъ передать Тургеневу (уже послѣ освобожденіи крестьянъ), что «Записки охотника»

были однимъ изъ главныхъ двигателей его рѣшенія покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Послѣ выхода перваго изданія «Записокъ охотника» появились разсказы, еще прямѣе нападавшіе на крѣпостной бытъ, «Постоялый дворъ», «Собственная господская контора» и въ особенности «Муму», одно изъ лучшихъ созданій Тургенева.

Рядомъ съ произведеніями Тургенева и Григоровича и другіе писатели этой эпохи, Герценъ, Некрасовъ и т. д., такъ или иначе, но рѣшительно говорили о своемъ отвращеніи къ крѣпостному быту. Замѣчательна, напр., неоконченная поэма Ивана Аксакова «Бродяга», разошедшаяся въ спискахъ: главный герой ея — деревенскій парень, ударившійся въ бѣга, это — идеализація народной вольницы, не мирившейся съ крѣпостнымъ правомъ. «Вопль холоповъ» во всей этой литературѣ нашелъ себѣ новое, доселѣ трогающее сердце выраженіе.

VI.

Подъ вліяніемъ роста интеллигенціи и освободительныхъ идей, къ сороковымъ годамъ прошлаго вѣка, несмотря на то, что печать и общество не могли открыто говорить объ освобожденіи крестьянъ, неизбѣжность его въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ ясно обрисовывалась въ глазахъ уже не только ничтожнаго меньшинства. Опредѣленно указываетъ на это обстоятельство въ своей запискѣ 1841 года Заблоцкій-Десятовскій. «Нельзя не замѣтить, — говоритъ онъ: — что вопросъ объ измѣненіи крѣпостного права, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ казавшійся чрезвычайно дикимъ, нынѣ никого не изумляетъ. Всякій такъ или иначе готовъ разсуждать о немъ. Послѣ того, какъ въ 1837 или 1838 годахъ нѣкоторые изъ тульскихъ дворянъ вздумали составить проектъ объ освобожденіи крестьянъ, сихъ прожектеровъ въ московскомъ англійскомъ клубѣ предали анаѳемѣ. Но когда пришли голодные годы, помѣщики увидѣли всю бѣду, и съ тѣхъ поръ сдѣлалась реакція: начали думать, что хорошо было бы и освободить крестьянъ. Вообще теперь мысль эта не дика никому: о ней говорятъ не одни профессоры, но такъ или иначе разсуждаютъ и помѣщики...» То же подтверждали и многіе другіе наблюдатели. Извѣстенъ отзывъ Ивана Аксакова, опредѣленно указывающаго на вліяніе критики и дѣятельности Бѣлинскаго, какъ причины роста оппозиціи, числа сторонниковъ освобожденія.

Являлись люди, которые среди жестокихъ крѣпостныхъ временъ умѣли проводить въ жизнь свои взгляды, и при этомъ съ величайшею скромностью скрывали самые великодушные свои поступки. Таковъ былъ въ Кіевѣ статистикъ Журавскій, въ 1855 году составившій проектъ учрежденія общества для выкупа дворовыхъ людей, не приписанныхъ къ имѣніямъ. Онъ не ограничился однимъ проектомъ. Живя въ выс-

шей степени скромно вмѣстѣ съ женой, вполнѣ раздѣлявшей его взгляды, отказывая себѣ во многомъ, онъ откладывалъ, что могъ, изъ скуднаго заработка и употреблялъ сбереженія на выкупъ дворовыхъ людей; такимъ образомъ ему удалось освободить болѣе десяти семействъ; все свое небольшое состояніе онъ завѣщалъ употребить по смерти жены на проектированное имъ общество, а если оно не состоится, то на выкупъ ихъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Подъ тѣми же вліяніями науки, литературы и общественной мысли выростали и тѣ люди, которые вскорѣ были призваны къ дѣятельности по освобожденію крестьянъ. «Для всѣхъ насъ—пишетъ одинъ изъ нихъ (Заблоцкій-Десятовскій)—памятно то время, когда тяжелый гнетъ лежалъ надъ свободнымъ проявленіемъ мысли, когда противъ него, какъ противъ контрабанды, воздвигались заставы разнаго рода... Въ это время были люди, которые занимались самою опасною для нихъ контрабандою, именно: изученіемъ вопросовъ администраціи и политики, а, главное, изученіемъ положенія народа, его нуждъ и желаній... Эти люди не были ни революціонерами (хотя впослѣдствіи клеймили ихъ этимъ именемъ), ни конституціоналистами; они не мечтали о перестройкѣ общества на новыхъ началахъ... Идеалъ ихъ былъ — водвореніе правды въ тѣхъ сферахъ жизни, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать... Когда поднялись у насъ великіе вопросы объ уничтоженіи вѣковой несправедливости въ той или другой сферѣ гражданской жизни, когда для разрѣшенія этихъ вопросовъ понадобились умственные матеріалы, оказалось, что ихъ можно было достать только у тѣхъ, которые тайною контрабандою провозили ихъ чрезъ всякаго рода заставы и преграды, копили, берегли ихъ въ чаяніи, что наступитъ время, когда понадобится пустить этотъ капиталъ въ оборотъ...»

Въ первомъ ряду такихъ людей стоялъ самъ Заблоцкій; къ нимъ же принадлежалъ его другъ Н. А. Милютинъ, въ то время чиновникъ хозяйственнаго департамента Министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ 5 лѣтъ служилъ и Заблоцкій.

Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ проектахъ освобожденія, которыя выдвигались представителями болѣе или менѣе просвѣщенной общественной мысли, приходившей къ выводу о необходимости реформы. Всѣ подобные проекты въ огромномъ большинствѣ случаевъ оставались извѣстны только небольшимъ кругамъ лицъ, широкіе же общественные слои, къ великому несчастью для правильнаго хода развитія общественной мысли, оставались большинство — при первобытныхъ, едва-едва тронутыхъ мыслью воззрѣніяхъ узко-сословного характера, меньшинство — при радикальныхъ общихъ отрицательныхъ взглядахъ, но часто съ неяснымъ представленіемъ, какъ и что можно и должно сдѣлать для реформы. Въ курсѣ практическихъ работъ и соображеній были нѣкоторые помѣщики, къ числу которыхъ принад-

лежали видные сторонники освобожденія, славянофилы Хомяковъ, Самаринъ, Кошелевъ и др. На нихъ и на представителей либеральной бюрократіи и оперлось правительство въ 1858—61 г.г.

Историкъ крестьянскаго вопроса отмѣчаетъ въ отношеніяхъ къ крестьянскому дѣлу со стороны нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей 40—60-хъ годовъ прискорбное противорѣчіе между ихъ просвѣщенными возрѣніями и практическими шагами, весьма разсчетистыми, въ устройствѣ быта ихъ крестьянъ. На дѣлѣ это противорѣчіе было въ нѣкоторыхъ случаяхъ чисто мнимымъ. Мы переносимъ во времена крѣпостного права мысли и настроенія, той эпохѣ въ сущности чуждыя, и въ особенности понятіе о правахъ на землю. Въ дѣйствительности, вполнѣ признавая позоръ владѣнія личностью крѣпостныхъ, всячески готовые отказаться отъ этого владѣнія, даже передовые люди той поры были иногда чужды позднѣе разлившагося представленія о самомъ крупномъ землевладѣніи, какъ чемъ то не отвѣчающемъ демократическому чувству и гуманному міровоззрѣнію. Не хорошо быть рабовладѣльцемъ, но быть помѣщикомъ—ничѣмъ не хуже, чѣмъ быть въ любомъ другомъ состояніи. Землевладѣльцы при своихъ сдѣлкахъ съ крестьянами не видѣли ничего предосудительнаго въ возможно болѣе выгодной продажѣ крестьянамъ земли и т. п. Нельзя поэтому судить, напр., Л. Н. Толстого 50—60-хъ годовъ съ точки зрѣнія его позднѣйшихъ взглядовъ на грубую неправду частной крупной собственности на землю.

При оцѣнкѣ литературно-общественныхъ дѣятелей дореформенной эпохи въ ихъ отношеніи къ крестьянскому дѣлу надо принимать все это во вниманіе. Лишь медленно и горькимъ опытомъ приходилось многимъ узнавать, что самое полезное, что они могли бы сдѣлать для крестьянъ, это предоставить ихъ самимъ себѣ съ принадлежащею имъ землею. Извѣстно, что Левъ Толстой въ лицѣ Нехлюдова («Утро помѣщика») изобразилъ собственное безполезное усиліе стать благодѣтелемъ не освобожденныхъ крестьянъ. Опытъ Толстого былъ не единиченъ, эксперименты надъ крестьяниномъ, иногда прямо разорительные, производили многіе (въ своихъ интересахъ). Аналогичные Толстовскому безкорыстные опыты производилъ Огаревъ. Одно имѣніе онъ задешево продалъ освобожденнымъ крестьянамъ, въ другихъ задавался цѣлью воспитать крестьянъ для свободнаго труда, заводилъ фабрику, школу, и въ концѣ-концовъ безнадежно запутался въ своихъ затѣяхъ.

Отъ такого результата оставалось только бѣжать, что Огаревъ въ концѣ-концовъ и сдѣлалъ.

Въ пятидесятые годы за границей Герценъ выработалъ, отражая настроеніе московскихъ друзей, довольно широкую программу рѣшенія крестьянскаго вопроса. Въ нее вошли требованія освобожденія крестьянъ личнаго безъ выкупа и предоставленія имъ на правахъ собствен-

ности всей обрабатываемой ими земли. Вскорѣ программа Герцена стала программою и меньшинства губернскихъ комитетовъ и Редакціонныхъ Комиссій. Имени Герцена и его сподвижника Огарева въ отношеніи непосредственнаго вліянія на ходъ реформы безспорно принадлежитъ первое мѣсто среди всѣхъ именъ литературныхъ дѣятелей освободительной эпохи. Только въ заграничныхъ изданіяхъ могла выразиться съ достаточной полнотой и своевременно наиболѣе зрѣлая—въ смыслѣ широты требованій и ихъ въ то же самое время осуществимости—общественная мысль. Уже въ открытомъ письмѣ Александру II по случаю его восшествія на престолъ Герценъ заявилъ, что страна ждетъ отъ новаго государя освобожденія крестьянъ, потомъ лихорадочно слѣдилъ въ «Колоколѣ» за каждымъ шагомъ реформы, радостно волнуясь каждому ея успѣху и шагу впередъ и негодуя при колебаніяхъ и шагахъ назадъ. Въ своихъ изданіяхъ 1856—61 годовъ Герценъ напечаталъ огромное количество матеріаловъ и статей, которыми пользовались дѣятели реформы, мнѣніе которыхъ онъ выражалъ, и извѣстно, что само правительство, въ лицѣ Александра II, временами смотрѣло на «Колоколъ», какъ на нѣчто въ родѣ негласнаго своего сотрудника. Здѣсь была впервые, напр., выдвинута и разрабатывалась идея выкупа, вскорѣ принятая и правительствомъ. Огромное вліяніе на широкіе круги общества оказывала публицистическая лирика статей Герцена, дававшая тонъ, въ которомъ говорили и русскіе журналы за время реформы. «Со слезами»—по свидѣтельству Кропоткина — читалась въ Россіи, напр., знаменитая статья Герцена по поводу рескриптовъ 20 ноября, начинавшаяся словами: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»

Отраженія крестьянскаго вопроса въ литературѣ и общественной мысли за подготовительный періодъ реформы не представляютъ чего-либо оригинальнаго. Въ обществѣ глухо бродятъ прежнія узко-сословныя традиціи и рабовладѣльческія поползновенія, съ одной стороны, съ другой — высказываются пожеланія скорѣйшей развязки крѣпостныхъ отношеній. Въ литературѣ появляется длинный рядъ обличеній крѣпостного права и старой чиновной и судебной неправды. Наиболѣе видное мѣсто принадлежало въ этой литературѣ Салтыкову-Щедрину съ его «Губернскими очерками». Очень быстро обличительный задоръ изсякъ, радужныя надежды поблекли, не успѣвши, какъ слѣдуетъ, расцвѣсть, и розовое настроеніе, сопровождавшее приступъ правительства къ реформѣ, быстро смѣнилось разочарованіемъ, предчувствіемъ долгой и тяжелой борьбы. Роль публицистики оказалась за время реформы въ итогѣ весьма скромной. Когда правительство разрѣшило обсуждать, напр., вопросы о размѣрѣ надѣловъ и проч., опредѣленіе этихъ надѣловъ въ сущности уже заканчивалось. Статьи Чернышевскаго въ «Современникѣ» на эти темы и большая часть статей другихъ журналовъ, спеціальнаго «Сельскаго благоустройства» (органа

славянофиловъ), не могли имѣть за позднимъ появленіемъ въ свѣтъ серьезнаго практическаго значенія въ смыслѣ вліянія на ходъ реформы. Такимъ образомъ самостоятельнаго фактора литература и журналистика не составили. Но тѣмъ не менѣе и теперь значеніе печати оказалось весьма велико. Въ ней господствовалъ необыкновенно высокій, приподнятый и благородный тонъ, и жалкіе голоса защитниковъ крѣпостного права не смѣли звучать громко. Благодаря этому, печать имѣла значительное вліяніе на помѣщичій классъ, отодвинувъ и въ немъ на задній планъ слишкомъ обнаженные интересы кармана и жажду сохраненія былыхъ привилегій. Эта воспитывающая роль печати, въ которой дѣйствовали ученики Бѣлинскаго, наизусть помнившіе его письмо къ Гоголю, внѣ сомнѣній.

Нѣкоторые наблюдатели прямо говорятъ о замѣтной перемѣнѣ, совершившейся въ настроеніяхъ помѣщиковъ подъ вліяніемъ литературы и общаго движенія передовой общественной мысли. Унковскій говоритъ, что взгляды дворянства въ тверской губерніи съ его либеральными заявленіями готовности отказаться отъ всякихъ сословныхъ привилегій, создались подъ непосредственнымъ вліяніемъ «Колокола». Но и вся печать, говорившая объ одномъ, заставляла крѣпостничество идти на уступки.

«—Никто не споритъ, что владѣть человѣкомъ, какъ какою-нибудь вещью, безнравственно!»—говорили тѣ же самые люди, которые мѣсяцъ тому назадъ защищали свои права на личность (крѣпостныхъ). — За людей мы не стоимъ, крестьянъ должно освободить, но скажите, за что же у меня землю отнимутъ и отдадутъ другому?»

«—Необходимо крестьянамъ дать землю,—заговорили они потомъ:— это необходимо для насъ самихъ; мужику нечего будетъ ѣсть: поневолѣ пойдетъ онъ на большую дорогу, сядетъ подъ мостъ, проѣзду никому не будетъ; дневной разбой пойдетъ» («Великъ Богъ земли Русской», П. И. Якушкина).

«Литература, можно сказать,—писалъ въ 1859 году Катковъ,—оказала несомнѣнныя услуги правительству и обществу по крестьянскому вопросу. Благодаря ея искреннему и дружному содѣйствію, свѣтъ быстро и благотворно распространялся въ самыхъ отсталыхъ упорныхъ и неприготовленныхъ умахъ»...

Сначала съ неувѣреннымъ недоумѣніемъ, потомъ свѣтло и радостно встрѣчали литературные и общественные дѣятели 19-е февраля 1861 г. Такъ или иначе въ свершеніи величайшей реформы новой русской исторіи литература и независимая общественная мысль сыграли свою видную роль, въ реформѣ была капля, и не малая, и ихъ меду. «Крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы...—восклицалъ нѣкогда Радищевъ:—Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ!»... Теперь пришло это время «воскресенія изъ мертвыхъ» народа, какъ тогда же называли 19-е февраля современники.

Къ несчастью, реформа все-таки прошла при такихъ условіяхъ, что народъ на долгіе годы принужденъ былъ нести на себѣ бремя ея дефектовъ.

Пережитки крѣпостного права, которыми было обставлено положеніе о вышедшихъ на волю крестьянахъ, скоро дали себя почувствовать. Существо сословно-бюрократическаго строя во множествѣ чертъ осталось неизмѣннымъ: крестьянинъ оказался не полноправнымъ гражданиномъ, а отрѣзаннымъ отъ общества и подлежавшимъ многообразной опекѣ—частью того же дворянства, частью бюрократіи. Неудовлетворительное разрѣшеніе экономической стороны развязанныхъ крѣпостныхъ отношеній, недостатокъ земли и гражданское неполноправіе съ теченіемъ времени дали остро себя почувствовать. И уже очень рано выдвинулся въ разныхъ видахъ вопросы о формѣ государственнаго устройства, способной болѣе, нежели старый строй, проводить назрѣвающія реформы и вести государство впередъ, давая мѣсто и роль развивающимся общественнымъ силамъ. Съ теченіемъ времени, когда снова возобладала сословно-бюрократическая реакція, крестьянская реформа—при всемъ ея колосальномъ значеніи для дальнѣйшаго развитія Россіи — выказала себя, какъ попытку дореформеннаго строя, уступкою въ назрѣвшемъ соціальномъ вопросѣ, закрѣпить свое политическое положеніе и оттянуть на неопредѣленное время народное представительство.

При новыхъ соціальныхъ отношеніяхъ, созданныхъ крестьянскою реформою, роль литературы и общественной мысли, конечно, должна была вырасти. И на долю ихъ въ первую очередь выпали вопросы о ликвидаціи пережитковъ крѣпостного права, о новомъ экономическомъ положеніи народа, о политическихъ правахъ его. Много разъ литература должна была возвращаться къ обличенію даже рабовладѣльческой окраски крѣпостного права въ виду попытокъ (въ 80-е годы) реабилитировать крѣпостныя отношенія. Въ «Пошехонской Старинѣ» Салтыкова была въ послѣдній разъ дана необыкновенно широкая и яркая, богатая колоритными фигурами картина крѣпостного быта едва ли не во всѣхъ его обыденныхъ и глубоко отталкивающихъ подробностяхъ. Съ шестидесятыхъ же годовъ вслѣдъ за реформой быстро вырастаютъ произведенія художественной литературы, посвященныя спеціально народной жизни, сначала поверхностныя, какъ у Н. Успенскаго, Слѣпцова, потомъ все болѣе глубокія и проникновенныя созданія—Некрасовъ, Глѣбъ Успенскій, Златовратскій и длинный рядъ народнической литературы. Параллельно возникшимъ тогда экономическимъ изученіямъ, литература показываетъ, какъ

Порвалась цѣпь великая,
Порвалась, разскочилася
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику...

Крѣпостное право, несмотря на свою отмѣну, продолжало, какъ кошмаръ, своею тѣнью тяготѣть надъ судьбами народа и общества въ ихъ стремлении къ болѣе полному освобожденію, духовному, политическому и экономическому. Рабство создало сложную сѣть привычекъ мысли, обхожденія даже среди тѣхъ, кто самъ былъ на сторонѣ свободы.

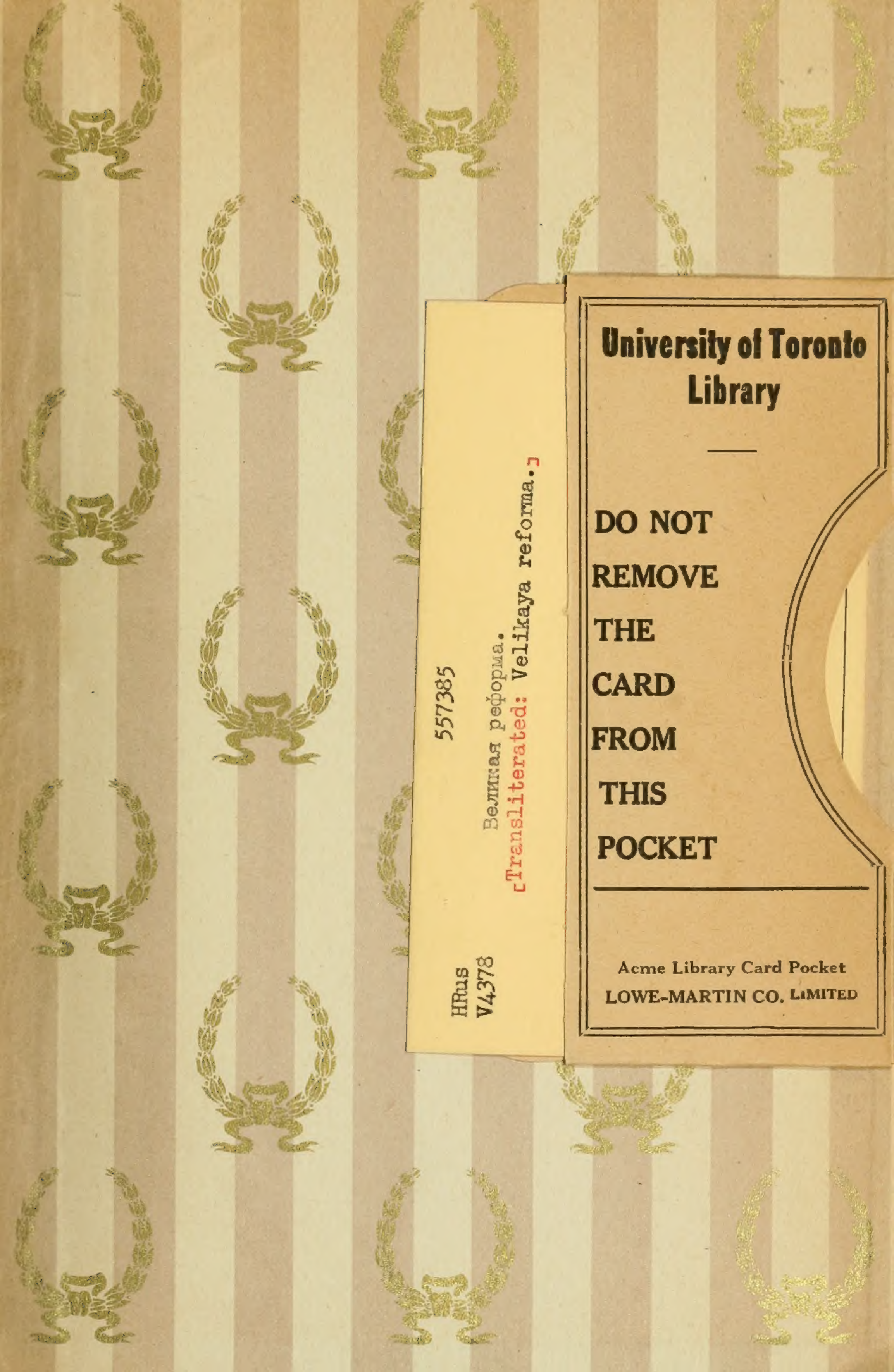
«Бить въ рожу по первому возраженію—писалъ Герценъ о вырождавшемся «нигилизмѣ» конца 60-хъ годовъ:—если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть Стюарта Милля ракальей, забывая всю службу его, — развѣ это не барская замашка, которая «стараго Гаврила за измятое жабо хлещетъ въ усъ, да въ рыло»? Въ другомъ мѣстѣ съ глубокой скорбью Герценъ говорилъ о современныхъ ему поколѣніяхъ, отравленныхъ ядомъ крѣпостническихъ отношеній: «Свободной Россіи мы не увидимъ. Весь нашъ трудъ въ ломкѣ препятствій и очищеніи мѣста. Мы умремъ въ сѣняхъ, и это не оттого, что при входѣ въ хоромы стоятъ жандармы, а оттого, что въ нашихъ жилахъ бродитъ кровь нашихъ прадѣдовъ — сѣченныхъ кнутомъ и битыхъ батогами, доносчиковъ Петра и Бирона, нашихъ дѣдовъ-палачей, въ родѣ Аракчеева и Магницкаго, нашихъ отцовъ, судившихъ декабристовъ, судившихъ Польшу, служившихъ въ III отдѣленіи, забивавшихъ въ гробъ солдатъ, засѣкавшихъ въ могилу крестьянъ. Оттого, что въ жилахъ нашихъ лидеровъ, нашихъ журнальныхъ заправилъ догниваетъ такая же гадкая кровь, благопріобрѣтенная ихъ отцами въ переднихъ, съѣзжихъ и канцеляріяхъ»...

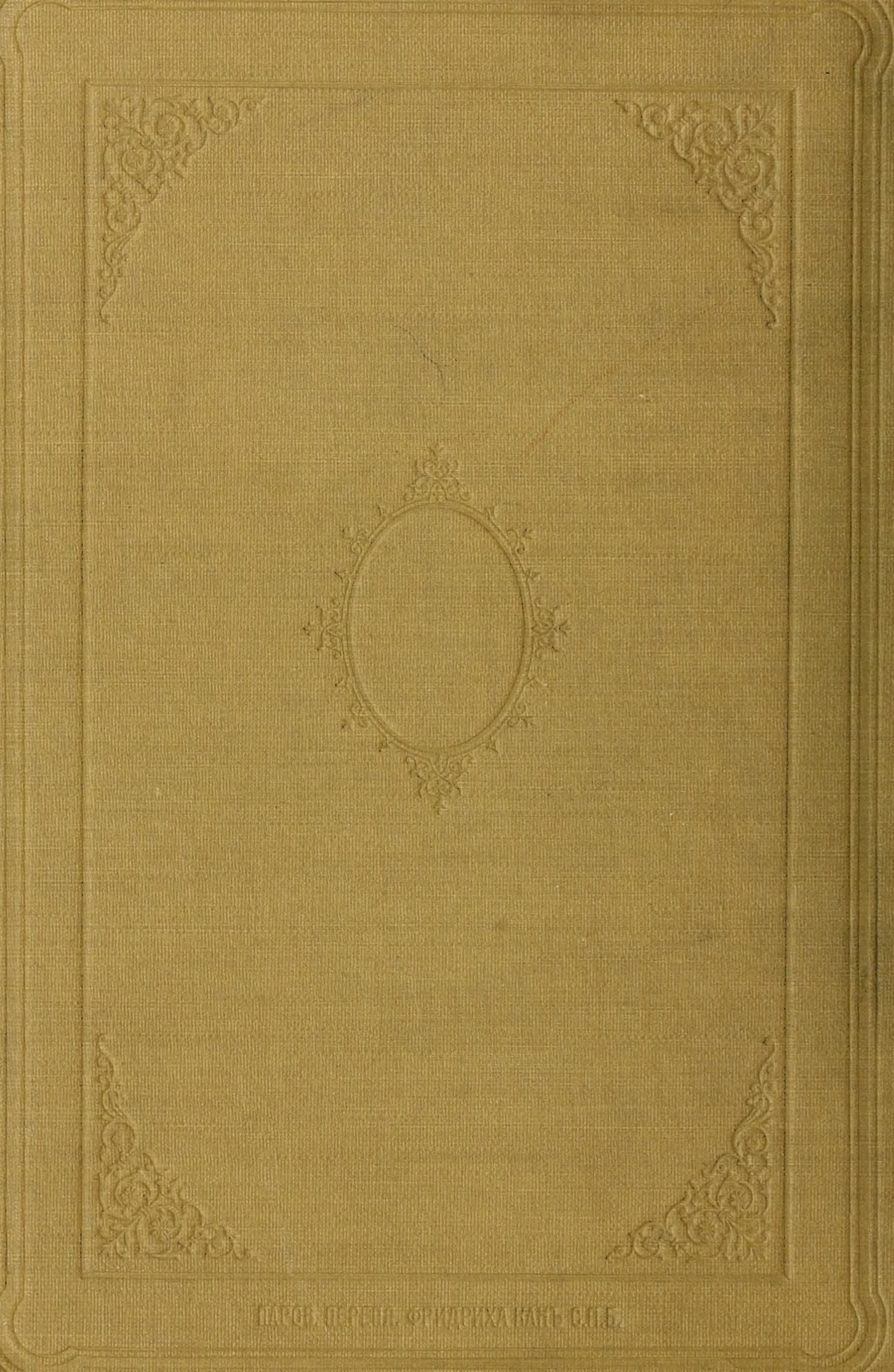
За полвѣка, протекшихъ съ незабвеннаго 19 февраля 1861 г., смѣнилось почти два поколѣнія, и 17-е октября 1905 года явилось новымъ поворотнымъ пунктомъ русской исторіи, къ которому неуклонно и двигалась русская жизнь за всѣ эти годы. Раскрѣпощеніе личности крестьянина должно было имѣть слѣдствіемъ раскрѣпощеніе личности гражданина вообще, что—по крайней мѣрѣ, въ принципѣ—и знаменуетъ собою 17-е октября.

Несомнѣнно, 19-е февраля, какъ грандіознѣйшая спеціальная реформа, имѣла и еще будетъ долго имѣть громадное вдохновляющее значеніе для русской преобразовательной мысли. Недаромъ этотъ день всегда былъ праздникомъ литературы, общественности въ глухіе годы реакціи, когда власти всячески старались заставить забыть объ этомъ днѣ. Но не могутъ угаснуть искры лучезарнаго огня освобожденія...

Ч. Вѣтринскій.
(Вас. Е. Чешихинъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.


University of Toronto Library
DO NOT REMOVE THE CARD FROM THIS POCKET
Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED
557385
Великая реформа.
[Transliterated: Velikaya reforma.]
HRus
V4378


ПАРОВ. ПЕРЕПЛ. ФРИДРИХА КАНЪ С.П.Б.